

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

ПИ №ФС77-47101 от 24 октября 2011 г.

Журнал распространяется только по подписке

Подписной индекс в Агентстве «РОСПЕЧАТЬ» **70828**

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

№4 (20) / 2015

ISSN 2226-7867

DOI 10.12737/issn.2226-7867

Выходит 4 раза в год

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Е.В. Астахова**, доктор исторических наук, профессор, ректор Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» (Украина)
- Д. Байчунь**, доктор наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений (Китай)
- Н.М. Долгополов**, заместитель главного редактора Российской газеты, член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций (Россия)
- Т.М. Кальво Мартинес**, доктор наук, профессор, директор Парижского международного института философии (Испания)
- Р. Кrumm**, руководитель московского филиала Фонда имени Фридриха Эберта (Россия)
- Д. Кьеза**, итальянский журналист и политический деятель, депутат Европарламента (2004–2009) (Италия)
- В. Макбрайд**, доктор наук, профессор, президент Международной федерации философских обществ (США)
- И. Мамед-заде**, доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана (Азербайджан)
- К. Мацузато**, доктор права, профессор, Токийский университет (Япония)
- А.Н. Нысанбаев**, доктор философских наук, профессор, академик Академии наук Казахстана, научный руководитель Института философии Академии наук Казахстана (Казахстан)
- Д.Е. Сорокин**, доктор экономических наук, профессор, проректор по научной работе, член-корреспондент РАН (Россия)
- Ж.-Л. Трюэль**, доктор наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странами СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12 (Франция)
- К. Уилкокс**, доктор наук, заслуженный профессор кафедры управления Университета Джорджтаун (США)

EDITORIAL COUNCIL

- E.V. Astakhova**, Doctor of History, Professor, Rector of Kharkov University for Humanities "People's Ukrainian Academy" (Ukraine)
- D. Baychun**, Doctor, Professor of Beijing Pedagogical University, director of the Cultural Center of the Sino-Russian Relations (China)
- N.M. Dolgoplov**, deputy editor of the "Russian Newspaper", a member of the Union of Journalists of Russia, a member of the Union of Writers of Moscow and of the Interregional Union of Writers' organizations (Russia)
- T.M. Calvo Martinez**, Doctor, Professor, Director of the Paris International Institute of Philosophy (Spain)
- R. Krumm**, director of the Moscow branch of the Friedrich Ebert Foundation (Russia)
- D. Chiesa**, Italian journalist and politician, member of the European Parliament (2004–2009) (Italy)
- B. McBride**, Doctor, professor, president of the International Federation of Philosophical Societies (USA)
- I. Mamed-Zadeh**, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences of Azerbaijan (Azerbaijan)
- K. Matsuzato**, Doctor of Law, Department of Law and Politics, University of Tokyo (Japan)
- A.N. Nysanbaev**, Doctor, Professor, Full member of the Academy of Sciences of Kazakhstan, Director of Science, Institute of Philosophy, Academy of Sciences of Kazakhstan (Kazakhstan)
- D.E. Sorokin**, Doctor of Economics, Professor, Vice-Rector, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences (Russia)
- J.-L. Truelle**, Doctor, a consultant for the development of international relations between Russia and CIS countries, Vice-President of the Association of economists "Le Cercle Kondratieff", professor of the University of Paris-12 (France)
- K. Wilcox**, Doctor, Professor Emeritus of the Department of Management, University of Georgetown (USA)

HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

ПИ № ФС77-47101 of October, 24, 2011

The journal is distributed only by subscription

Subscription index of «ROSPЕCHAT» agency **70828**

The journal is included into the system of Russian Science Citation Index

VOLUME 5 ISSUE 2 2015

ISSN 2226-7867

DOI 10.12737/issn.2226-7867

4 issues per year

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Председатель редсовета — **М.А. Эскиндаров**, доктор экономических наук, профессор, ректор Финансового университета, член-корреспондент Российской академии образования
- С.В. Алексеев**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Московского гуманитарного университета, председатель Историко-просветительского общества «Радетель»
- А.Н. Аринин**, доктор политических наук, директор Института федерализма и гражданского общества, депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ первого (1993–1995) и второго (1995–1999) созывов
- А.И. Ильинский**, доктор технических наук, профессор кафедры «Макроэкономическое регулирование», декан Международного финансового факультета Финансового университета
- Ф.А. Лукьянов**, председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»
- В.Д. Нечаев**, доктор политических наук, профессор, ректор Московского государственного гуманитарного университета имени М.А. Шолохова
- И.Ю. Новицкий**, депутат Московской Городской Думы (1993–2014), заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Международного университета в Москве
- Р.М. Нуреев**, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономическая теория» Финансового университета, сопредседатель Международной ассоциации институциональных исследований (IAIR), член Европейской ассоциации научных и учебных институтов по проблемам развития (EADI)
- А.В. Островский**, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН)
- С.Н. Сильвестров**, доктор экономических наук, профессор, директор института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета, заведующий кафедрой «Мировая экономика и международный бизнес» Финансового университета
- В.С. Степин**, доктор философских наук, профессор, академик РАН, академик-секретарь секции философии, политологии, социологии, психологии и права РАН
- В.В. Фёдоров**, кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), научный руководитель факультета «Социология и политология» Финансового университета
- В.Г. Федотова**, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Институт философии РАН
- М.А. Федотова**, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой «Оценка и управление собственностью» Финансового университета
- В.Ф. Шрейдер**, доктор политических наук, депутат Государственной думы VI созыва от «Единой России», член комитета ГД по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления, член-корреспондент Международной академии общественных наук

EDITORIAL COUNCIL

- Chairman of the Editorial Council — **M.A. Eskindarov**, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Financial University, member of the Russian Academy of Education
- S.V. Alekseev**, Doctor of History, Professor, Head of the “History” Chair of Moscow University for the Humanities, the chairman of Historical and Educational Society “The Guardian”
- A.N. Arinin**, Doctor of Political Science, Director of the Institute of Federalism and Civil Society, Deputy of the State Duma of the first (1993-1995) and second (1995-1999) convocations
- A.I. Ilyinsky**, Doctor of Engineering, Professor of “Macroeconomic management” Chair, Dean of the Faculty of International Finance, Financial University
- F.A. Lukyanov**, Chairman of the Presidium of the Foreign and Defense Policy Council (SWAP), editor in chief of the magazine “Russia in Global Affairs”
- V.D. Nechayev**, Doctor of Political Sciences, Professor, Rector of Moscow State University for Humanities named after M.A. Sholokhov
- I.Y. Novitsky**, deputy of the Moscow City Duma (1993-2014), Head of “State and Municipal Management” Chair, International University in Moscow
- R.M. Nureyev**, Doctor of Economics, Professor, Head of “Economic Theory” Chair in Financial University, co-chair of the International Association for Institutional Research (IAIR), member of the European Association of Research and Training Institute for Development (EADI)
- A.V. Ostrovsky**, Doctor of Economics, Professor, Deputy Director of the Institute of the Far East, the Russian Academy of Science
- S.N. Silvestrov**, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economic Policy problems of economic security, Financial University, Head of the “World Economy and International Business” Chair, Financial University
- V.S. Stepin**, Doctor of Philosophy, Professor, Full member of the Russian Academy of Science, Academician-Secretary of the Section of philosophy, political science, sociology, psychology and law, the Russian Academy of Science
- V.V. Fedorov**, PhD in Political Science, Director General of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM), the supervisor of the faculty “Sociology and Political Science”, Financial University
- V.G. Fedotova**, Doctor of Philosophy, Professor, Chief researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Science.
- M.A. Fedotova**, Doctor of Economics, Professor, Head of “Evaluation and management of the property” Chair, Financial University
- V.F. Schreider**, Doctor of Political Sciences, deputy of the State Duma of the VI convocation from the “United Russia”, a member of the State Duma committee on the Federal structure and Local Government, a member of the International Academy of Social Science

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Главный редактор – **А.Б. Шатилов**, кандидат политических наук, профессор кафедры «Общая политология», декан Факультета социологии и политологии Финансового университета
- Заместитель главного редактора – **А.Н. Чумаков**, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Философия» Финансового университета
- Заместитель главного редактора – **Я.А. Пляйс**, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой «Общая политология» Финансового университета
- Н.М. Белгарокова**, кандидат социологических наук, доцент кафедры «Прикладная социология» Финансового университета
- А.В. Брега**, доктор политических наук, профессор кафедры «Общая политология» Финансового университета
- Е.В. Ганина**, доцент, заведующий кафедрой «Русский язык» Финансового университета
- А.Н. Зубец**, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Прикладная социология» Финансового университета
- Н.И. Киселева**, кандидат социологических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой «Прикладная социология» Финансового университета
- Н.Г. Кондрахина**, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Иностранные языки-2» Финансового университета
- В.А. Лапшов**, доктор социологических наук, профессор кафедры «Прикладная социология» Финансового университета
- Т.М. Махаматов**, доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой «Философия» Финансового университета;
- Е.В. Махмутова**, кандидат политических наук, доцент кафедры «Прикладная политология» Финансового университета
- Д.З. Музашвили**, кандидат философских наук, заместитель декана Факультета социологии и политологии по учебной работе и международным связям Финансового университета
- А.В. Новиков**, доктор социологических наук, профессор кафедры «Прикладная социология» Финансового университета
- А.В. Пачкалов**, кандидат исторических наук, доцент; заместитель заведующего кафедрой «Экономическая история и история экономических учений» Финансового университета
- Д.В. Петросянец**, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Прикладная политология» Финансового университета, старший научный сотрудник Института проблем рынка РАН
- Е.Е. Письменная**, доктор социологических наук, профессор кафедры «Прикладная социология» Финансового университета
- П.Б. Салин**, кандидат юридических наук, директор Центра политологических исследований Финансового университета
- Т.В. Седова**, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой «Иностранные языки-1» Финансового университета
- П.С. Селезнев**, доктор политических наук, директор Института проектов развития Финансового университета
- Г.Г. Силласте**, доктор философских наук, профессор кафедры «Прикладная социология» Финансового университета
- К.В. Симонов**, кандидат политических наук, доцент, первый проректор по внешним коммуникациям Финансового университета, заведующий кафедрой «Прикладная политология» Финансового университета
- И.Н. Шапкин**, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономическая история и история экономических учений» Финансового университета

EDITORIAL COUNCIL

- Editor in Chief — **A.B. Shatilov**, Ph.D in Political Science, Professor of “Political Science” Chair, Dean of the “Sociology and Political Science” Faculty, Financial University
- Deputy Editor — **A.N. Chumakov**, Doctor of Philosophy, Professor, Head of “Philosophy” Chair, Financial University
- Deputy Editor — **Y.A. Pleis**, Doctor of History, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of “Political Science» Chair, Financial University
- N.M. Belgarokova**, Ph.D. in Social Science, Associate Professor of the “Sociology” Chair, Financial University
- A.V. Brega**, Doctor of Political Sciences, Professor of “Political Science” Chair, Financial University
- E.V. Ganina**, Associate Professor, Head of “Russian language” Chair, Financial University
- A.N. Zubets**, Doctor of Economics, Professor, Head of “Applied Sociology” Chair, Financial University
- N.I. Kiseleva**, Ph.D. in Social Science, Associate Professor of the “Sociology” Chair, Financial University
- N.G. Kondrakhina**, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Head of “Foreign Languages-2” Chair, Financial University
- V.A. Lapshov**, Doctor of Social Science, Professor of the “Sociology” Chair, Financial University
- T.M. Makhmatov**, Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the “Philosophy” Chair, Financial University
- E. V. Makhmutova**, Ph.D. in Political Sciences, Associate Professor, Applied Political Science Department, Financial University
- D. Z. Muzashvili**, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, “Sociology and Political Science” Faculty, Financial University
- A.V. Novikov**, Doctor of Social Sciences, Professor of “Applied Sociology” Chair, Financial University
- A.V. Pachkalov**, Ph.D in History, Associate professor, Deputy Head of “Economic History and History of Economic Thought” Chair, Financial University
- D.V. Petrosyants**, Ph.D. in Economics, Assistant professor of “Applied Political Science” Chair, Financial University, a Senior researcher at the Institute of Market Problems of Russian Academy of Science
- E.E. Pismennaya**, Doctor of Social Science, Professor of the “Sociology” Chair, Financial University
- P.B. Salin**, Ph.D. in Law, director of the Center for Political Studies, Financial University
- T.V. Sedova**, Ph.D. in Pedagogy, Associate Professor, Head of “Foreign Languages-1” Chair, Financial University
- P.S. Seleznev**, Doctor of Political Science, Director of International Cooperation of the Financial University
- G.G. Sillaste**, Doctor in Philosophy, Professor, Head of “Sociology Chair, Financial University
- K.V. Simonov**, Ph.D. in Political Science, Associate Professor, Head of “Applied Political Science” Chair, the first vice-rector for external communications, Financial University
- I.N. Shapkin**, Doctor of Economics, Professor, Head of “Economic History and History of Economic Thought” Chair, Financial University

СОДЕРЖАНИЕ

Учредитель:

Финансовый университет

Главный редактор — А.Б. Шатилов

Заведующий редакцией научных журналов — В.А. Шадрин

Выпускающий редактор —
Д.З. Музашвили, А.А. Трошин

Оригинал-макет подготовлен
в НИЦ ИНФРА-М

Журнал входит в Перечень
периодических научных изданий,
рекомендуемых ВАК для публикации
основных результатов диссертации на
соискание ученых степеней кандидата
и доктора наук

Адрес редакции:

125993, Москва, ГСП-3, Ленинградский
пр-т, 51/3, к. 105
Тел.: 8 (499) 943 9482
E-mail: gum-nauki@yandex.ru
http://gn.fa.ru

Издатель:

ООО «Научно-издательский центр
ИНФРА-М»
127282, Москва, ул. Полярная,
д. 31В, стр. 1
Тел.: (495) 280-15-96, 280-33-86;
Факс: (495) 280-36-29.
E-mail: books@infra-m.ru
http://www.infra-m.ru

Отдел подписки:

Назарова М.В.
Тел.: (495) 280-15-96, доб. 249.
E-mail: podpiska@infra-m.ru

Рукописи представляются в редакцию в
электронном виде (на диске или по электрон-
ной почте: gum-nauki@yandex.ru).

Редакция в обязательном порядке осуще-
ствляет экспертную оценку (рецензирова-
ние, научное и стилистическое редактирова-
ние) всех материалов, публикуемых в журна-
ле. Письменное согласие редакции при пере-
печатке, а также ссылки при цитировании на
журнал «Гуманитарные науки. Вестник Фи-
нансового университета» обязательны.

Мнение редакции и членов редколлегии мо-
жет не совпадать с точкой зрения авторов
публикаций.

Более подробно об условиях публикации см:
http://gn.fa.ru

© ООО «Научно-издательский центр
ИНФРА-М», 2015

© Финансовый университет, 2015

Подписано в печать 11.12.2015.
Формат 60x90/8.

Бумага офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ №

Тема номера: «МОДЕРНИЗАЦИЯ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ»

Симонов К.В., Петросянц Д.В.

Социально-политические проблемы общественного согласия при
формировании регионального инновационного кластера 6

Селезнев П.С.

Элиты как инициаторы инноваций в современном мире
(на примере Российской Федерации) 13

Салин П.Б., Осинина Д.Д.

Советский опыт мобилизационного развития:
политологический анализ 20

АКТУАЛЬНЫЕ ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Зубец А.Н.

Знаковые блага и экономический рост 28

Мужичкова Ю.Е.

Психология обывденных представлений о долгах и кредитах 37

Юшков И.В., Костяев С.С.

Особенности интеграции и адаптации Крыма в российскую
социально-политическую систему 45

ГУМАНИТАРНАЯ ТЕОРИЯ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ПОИСКЕ

Ильинский А.И.

Теория политических деловых циклов и манипуляционная
монетарная политика 53

Замараева Е.И.

Современная культурная политика России в контексте
евразийских идей 61

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Титова О.А.

Применение теории катастроф в рамках новой парадигмы
менеджмента 67

Зебелева А.В.

Мифологический фактор в политико-экономическом
проекте инновационной модернизации Китая. 71

МЕТОДИЧЕСКИЙ МАСТЕР-КЛАСС

Дробышева Н.Н.

Особенности иноязычного профессионально
ориентированного обучения политологов-бакалавров
с позиции системного подхода 76

Русинова Ю.А.

Служение педагогике — подвиг
(Михаилу Ефимовичу Хватцеву посвящается) 81

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА» ЗА 2015 г. 85

CONTENTS

Cover Story: «MODERNIZATION AND INNOVATION DEVELOPMENT»

Simonov K.V., Petrosyants D.V.

Socio-Political Problems of Public Consensus in Regional Innovation Cluster Formation 6

Seleznev P.S.

Elites as Initiators of Innovations in the Contemporary World (Based on the Russian Federation Example) 13

Salin P.B., Osinina D.D.

The Soviet Experience of Mobilization Development: Politological Analysis 20

CURRENT APPLIED RESEARCH

Zubets A.N.

Sign Benefits and Symbolical Growth 28

Muzhichkova Yu.E.

Psychology of Ordinary Ideas about Debts and Credits 37

Kostyaev S.S., Yushkov I.V.

Features of Crimea Integration and Adaptation to Russian Socio-Political System 45

HUMANITARIAN THEORY IN INTELLIGENT SEARCH

Ilyinsky A.I.

Theory of Political Business Cycles, and Manipulation Monetary Policy 53

Zamaraeva E.I.

Modern Cultural Policy of Russia in the Context of Eurasia's Ideas 61

START-UP OF A YOUNG SCIENTIST

Titova O.A.

Application of Catastrophism in the Frame of Management's New Paradigm 67

Zebeleva A.V.

Mythological Factor in Political and Economic Project for Innovative Modernization of China 71

METHODICAL WORKSHOP

Drobysheva N.N.

Features of Professionally Focused Foreign-Language Teaching of Politologists-Bachelors from the System Approach Standpoint 76

Rusinova Yu.A.

Service to Pedagogics As the Feat (To Mikhail Efimovich Khvattsev Is Devoted) 81

CONTENTS OF JOURNAL «HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES. BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY» IN 2015 85

Founder:

Financial University

Editor-in-Chief — A.B. Shatilov

Head of Scientific Journals Editorial Department — V.A. Shadrin

Managing editor — D.Z. Muzashvili, A.A. Troshin

Dummy layout prepared by Scientific and Publishing Center "INFRA-M"

The journal is included into the list of periodicals recommended for publishing doctoral research results by the Higher Attestation Commission

Editor office:

51/3, Leningradsky prospect, office 105, Moscow, 125993
tel.: +7 (499) 943 9482
E-mail: gum-nauki@yandex.ru
<http://gn.fa.ru>

Publishing office:

Scientific and Publishing Center "INFRA-M", 31B, Building 1, Polyarnaya st., Moscow, 127282, Russia
Tel.: (495) 280-15-96, 280-33-86;
Fax: (495) 280-36-29.
E-mail: books@infra-m.ru
<http://www.infra-m.ru>

Subscription office:

Nazarova M.V.
Tel.: (495) 280-15-96, ext. 249.
E-mail: podpiska@infra-m.ru

The journal is distributed only by subscription. Subscription index 44090 in the consolidated catalogue «The Press of Russia».

Manuscripts are to be submitted to the editorial office in electronic form (on CD or via E-mail: gum-nauki@yandex.ru).

It is obligatory to get a written approval of the editorial on reprint, and to make references to the journal «Humanities and Social Sciences Bulletin of the Financial University» if quoting.

More information on publishing terms is at: <http://gn.fa.ru>.

Opinions of editorial staff and editorial board may not coincide with those of the authors of publications.

The editorial makes a mandatory expertise (review, scientific and stylistic editing) of all the materials to be published in the journal.

© INFRA-M, 2015

© Financial University, 2015

Тема номера: «МОДЕРНИЗАЦИЯ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ»

УДК 332.146.2+323.2

DOI 10.12737/17053

Социально-политические проблемы общественного согласия при формировании регионального инновационного кластера¹

Симонов Константин Васильевич

Канд. полит. наук, первый проректор Финансового университета при Правительстве РФ

E-mail: ksimonov@mail.ru

Петросянц Даниэл Викторович

Канд. экон. наук, доцент кафедры «Прикладная политология» Финансового университета при Правительстве РФ

E-mail: dan-basa@yandex.ru

Авторы статьи исследуют предпосылки перехода к инновационной парадигме развития в стране в целом и в регионах Российской Федерации через призму согласования интересов элит/местных элит и всего социума. Развивающаяся «атомизация» страт в современном российском обществе предопределяет разновекторные направления их приоритетов, которые накладываются на матрицу турбулентности современной мировой экономики, целый ряд военных конфликтов вблизи российской границы, санкционную конфронтацию в отношениях с США и примкнувшими к ним государствами, цивилизационные, национальные и конфессиональные разногласия и т.п. Все это подталкивает исследователей к поиску новых путей и методов эффективного и оптимального выстраивания национальной инновационной системы.

Ключевые слова: инновационная система, инновационная политика, модернизация, институциональная среда, наука, образование.

Socio-Political Problems of Public Consensus in Regional Innovation Cluster Formation

Simonov Konstantin Vasil'evich

Ph.D. of Political Sciences, First Vice-Rector of Financial University under the Government of the Russian Federation

E-mail: ksimonov@mail.ru

Petrosyants Daniel Victorovich

Ph.D. in Economics, Associate Professor of Applied Political Science Chair, Financial University under the Government of the Russian Federation

E-mail: dan-basa@yandex.ru

This paper authors are investigates prerequisites for transition to innovative development paradigm in the whole country and in the Russian Federation regions through a prism of interest alignment for elites/local elites and the entire society. Developing strut atomization in the contemporary Russian society predetermines different vectors of their priorities which superpose on the modern worldwide economy's turbulence matrix, a whole range of military conflicts close to Russian border, sanction confrontation with USA and taken their part countries, as well as on civilizational, national and confessional dissidences etc. All this pushes researchers to search new ways and methods for an effective and optimal forming of national innovative system

Keywords: innovative system, innovative policy, modernization, institutional environment, science, education.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-02-00080а, также статья публикуется в рамках гранта РГНФ 15-03-00737 «Политико-экономическая трансформация российского инновационного проекта в условиях "войны санкций"».

Современный мир вступил в эпоху перемен, находясь в ситуации, когда фокус основных ориентиров развития размыт насущными и рутинными проблемами. В этих условиях экономическая, социальная, политическая, технологическая, продовольственная, ресурсная безопасность Российской Федерации требует пристального внимания и от правительства страны, и от экспертно-аналитического сообщества. Казалось бы, следует переориентировать хозяйство на решение только этих задач, а инновационные преобразования можно на время отложить. Но именно комплексное развитие образования, науки и высокотехнологичного производства способно объединить и систематизировать пути решения обозначенных направлений развития.

Несмотря на то, что термины «инновация», «инновационное развитие», «национальная и региональная инновационные системы» (НИС и РИС), «модернизационный характер экономики» и т.п. активно используются в научной литературе и политических выступлениях уже на протяжении десяти лет, необходимо четко определиться с идентификацией указанных понятий и их содержательным наполнением. На рубеже 2009-2010 гг. отечественные эксперты разделились на два лагеря — одни за модернизацию, другие за инновацию (практически «тупоконечники и остроконечники» по Джонатану Свифту). Контент-анализ отечественных СМИ того времени не давал существенного преимущества ни одной из сторон. «Партия инноваторов» настаивала на том, что России не надо копировать уже созданные и растражированные технологии — не надо становиться вторым Китаем, Тайванем, Индией, Южной Кореей и т.д. Они утверждали, что догонять другие страны в производстве легковых машин или телевизоров бессмысленно. Копирование чужих разработок нам не поможет, в производстве высокотехнологичных товаров под известными иностранными брендами, нам, во-первых, не выдержать конкуренции с Китаем, во-вторых, просто «не по чину». По их мнению, мы очень быстро, по директиве, сами станем настолько инновационными, что совершим не то скачок, не то шаг, не то прыжок в будущее. При этом теория перехода к постиндустриальной экономике знаний предполагает, как минимум, наличие индустрии.

«Модернизаторы» утверждали, что ни о каких инновациях в России речи вести нельзя, мы настолько отстали от стран, где налажено эффективное проектирование и тиражирование высокотехнологичных товаров, что потребуются много времени на погоню за ними. Так что давайте для начала хотя

бы попробуем настигнуть успевший набрать ход и продолжающий удаляться от нас «пелотон» передовых инновационных держав.

В настоящее время в условиях конфронтации с Западом и турбулентности российской экономики, вроде бы «не до жиру» тратить средства на венчурные проекты. Однако, и так отстав от развитых стран, не получим ли мы за счет инертности в разворачивании в стране инновационного потенциала отставание на долгие годы? Ведь пока в России государство занимается принуждением к инновациям, общество в целом не понимает, зачем это ему необходимо. Конечно, крупные корпорации создают инновационные центры. Однако это скорее попытка избежать инновационного налога, который пойдет на финансирование «Сколково». У крупных корпораций наблюдается серьезная инерция в инновационной политике, что неудивительно. Россия нуждается в опережающих, а не догоняющих инновациях. Именно поэтому нужно не только «принуждать» корпорации к инвестициям в инновации, а создавать национальную инновационную систему (инфраструктуру) и вовлекать в инновационные процессы структуры гражданского общества. Развитие такой деятельности следует рассматривать в качестве одного из фундаментальных условий дальнейшего развития российского общества с целевой функцией построить богатое и благополучное государство. Для ее успешной реализации необходима продуманная и согласованная инновационная политика. В связи с глобализацией и быстрым развитием технологий инновационная политика требует своевременной коррекции со стороны ответственных лиц, регулярной ревизии приоритетов.

Предложим несколько определений, по нашему мнению, наиболее точно характеризующих понятия, используемые в настоящей статье. *Инновационный процесс* — это единственный в своем роде процесс, объединяющий науку, технику, экономику, предпринимательство и управление. Он состоит в получении новшества и простирается от зарождения идеи до ее коммерческой реализации, охватывая весь комплекс отношений — производства, обмена, потребления [1]. Ряд российских ученых-экономистов под *инновационным потенциалом региона* предлагают понимать совокупность научно-технических, производственных, технологических, кадровых, инфраструктурных, финансовых, правовых и иных возможностей хозяйствующих субъектов региона обеспечить восприятие и диффузию инноваций [2].

Достижение устойчивости развития российской экономики и повышение качества жизни населения

невозможны без решения одной из сложнейших социально-экономических задач — осуществления комплексной модернизации и роста инновационной активности хозяйствующих субъектов. Международный опыт реализации инновационной политики свидетельствует, что в последнее время происходит дифференциация подходов государства к стимулированию инновационной деятельности в зависимости от параметров экономики того или иного региона. Современная инновационная политика подразумевает учет региональной специфики, активное вовлечение регионов в процессы формирования и реализации механизмов стимулирования инновационной деятельности.

Инновационную политику можно определить как систему мер, направлений деятельности государства, имеющих своей целью создать комплексный механизм поддержки инновационной деятельности, повысить конкурентоспособность национальной наукоемкой продукции через систему институциональных преобразований, разработать и совершенствовать нормативно-правовую базу и развивать инфраструктуру инновационного процесса. Формы инновационной политики можно разделить на две группы.

1. Прямые: государственное инвестирование в виде финансирования (целевого, предметно-ориентированного, проблемно-направленного), кредитования, лизинга; планирование и программирование, а также государственное предпринимательство (деятельность государственных предприятий на коммерческой или некоммерческой основе по производству товаров и услуг, необходимых для развития национальной экономики).

2. Косвенные: с одной стороны, они направлены на стимулирование инновационных процессов, а с другой — на создание благоприятных экономических условий и социально-политического климата для научно-технического развития.

При создании РИС необходимо, но совсем не достаточно, наладить инфраструктурные связи между звеньями инновационного треугольника, а именно образованием, наукой и высокотехнологичным производством. Без этого инновационная инфраструктура будет красивым и выверенным, в соответствии с интерпретацией успешных практик, но недееспособным механизмом. Не получив рефлексии от всего общества, не «достучавшись» до всех социальных страт, существующих в конкретном регионе здесь и сейчас, не найдя верных свойств, характерных для местной психообщественной инфраструктуры [3],

строители инновационного общества не получат результат.

Насколько необходимо региональной элите взваливать на себя обузу перевода хозяйства на инновационные рельсы? Нужно ли обществу связываться со всеми трудностями венчурного характера инновационных стартапов? Достаточно ли людей на территории страны (региона, субъекта), способных стать драйверами инновационных преобразований? Для ответа на эти и другие существенные вопросы-вызовы следует как можно скорее скорректировать национальную инновационную стратегию.

Выработка национальной стратегии (не только инновационной) — во многом противоборство предпочтений различных центров сил. Они замыкаются на представителях различных элитных групп, вследствие разновекторной направленности интересов и целей которых очень сложно найти общий знаменатель деятельности. Это делает общественную систему, а вместе с ней и психообщественную инфраструктуру, максимально инерционными, а порой создает эффект крыловских лебеда, рака и шуки [4].

Отсутствие единого уравновешенного вектора для развития государства в условиях «атомизации» общества, существенного дисбаланса в распределении общественного дохода между членами социума считается в современной научной среде одним из общественных пороков, тормозящих интеллектуальное и общественно-политическое развитие. По словам Дж. Стиглица, «качественное образование и медицинская помощь недоступны большинству американцев; молодые люди, берущие огромный кредит, чтобы окончить колледж, попадают в долговую кабалу и не могут даже завести семью. А между тем 20% богатейших домохозяйств США владеют... Какой, вы думаете, долей национального богатства США они владеют? Как показывают социологические опросы, американцы полагают, что доля составляет 60% и что это несправедливо. Но это неправильная оценка. На самом деле 20% богатейших домохозяйств США владеют 85% национального богатства» [5]. Подобные тезисы мы услышали и на встрече G20 в Анталье в ноябре 2015 г. Мировое сообщество обеспокоено ростом разницы между доходами богатейших и беднейших слоев населения, и это характерно не только для развивающихся стран, но и для большинства экономически развитых государств.

Создание инновационного кластера является необходимым звеном в поступательном развитии региона (рис. 1). Здесь возникает ряд проблем, непосредственно влияющих на социально-политические

настроения в обществе. В первую очередь, речь идет о том, что эффективность инноваций напрямую зависит от поддержки населением происходящих изменений. Поэтому важно создать в обществе критическую массу людей, способных воспринять переход к экономике инноваций как единственный способ дальнейшего развития. Таким образом, выстраивание политико-социальной критической массы восприимчивости общества по принятию инновационной парадигмы предполагает улучшение не только классических элементов инновационной триады, но и обеспечение условий среды обитания, создание не только инновационной инфраструктуры, но и формирование инновационной культуры в рамках всего социума. В свою очередь, среда обитания — это не только условия жизни и решение экологических проблем. Основная тонкость в решении проблемы лежит в объединении усилий всех групп населения по реализации общественной целевой функции.

Во главе всех решаемых на данном этапе задач стоит развитие человеческого капитала (потенциала). Политика российского Министерства образования и науки направлена на сращивание научных и образовательных учреждений в единые комплексы. Считается, что в России на нынешнем этапе внедряется англо-саксонская модель построения научно-исследовательской системы вместо германской, оставшейся в наследство еще с петровских времен. Одним из элементов внедряемой системы является сосре-

доточение науки именно в вузах, а количество научно-исследовательских институтов планируется существенно сократить. Оставшиеся будут заниматься узкопрофильными разработками, в первую очередь относящимися к обеспечению государственной безопасности. В качестве эталона выбрано построение науки в США, где есть Национальная академия наук (United States National Academy of Sciences), в которой состоять очень престижно, но ни одного собственного института она не имеет, члены академии работают на общественных началах, и в Великобритании, где функционирует Лондонское Королевское общество (The Royal Society of London for the Improvement of Natural Knowledge). Наука в США и Великобритании развивается, в первую очередь, в ведущих университетах и в национальных лабораториях.

В настоящее время в России, за исключением небольшого числа элитных и технических (технологических) университетов, сектор вузов не рассматривался в качестве центра научных исследований и разработок. Такая роль вузов стала критично недостаточной, ведь именно они должны быть интегральной средой, которая обеспечит формирование инновационного общества, экономики знаний.

Огромное внимание в регионах России следует уделить созданию так называемых «поясов инновационных предприятий» вокруг ведущего регионального вуза, а последние должны четко определять приоритеты и выстраивать вектор своего развития.

Рис. 1. Концентрация инновационного потенциала в региональных кластерах

Чтобы создавать в вузе эффект «снежного кома развития», как это обозначают Г. Ицковиц, автор работ про развитие «тройной спирали» (Triple Helix), Дж. Салми и другие современные исследователи развития инновационных и образовательных систем [6, 7], мы предлагаем современным российским вузам сосредоточить свое внимание на следующих направлениях деятельности.

1. Осмысление миссии вуза, анализ реальных возможностей и перспектив его развития, необходимости вкладывать средства и усилия в «рейтинговую раскрутку вуза». Назрел пересмотр программ развития вузов, которые писали эти документы, не совсем осознавая свою значимость.

2. Повышение уровня наукометрических показателей вуза, как в российском РИНЦ/Science Index, так и в нидерландском Scopus и британском Web of Science. Полноценное вхождение в мировое научно-образовательное сообщество по многим направлениям науки и техники даст возможность быть в курсе последних открытий и мировых тенденций.

3. Информационно-коммуникационная активная позиция вуза. Моделирование и реализация ИКС вуза в соответствии с вызовами современности и историей университета.

Учитывая возможность молодых соотечественников учиться за пределами России, следует отметить, что при большом числе и разнообразии вузов, способных предоставить свои услуги не только студентам, аспирантам, докторантам, но и корпорациям, лабораториям, научно-исследовательским организациям, остаться востребованным может только совершенствующийся и постоянно перестраивающийся современный институт. Конкуренция на рынке велика, и многие прибыльные ниши уже заняты. Задача вуза — предоставить максимально возможный объем информации о себе, своих возможностях, успехах, креативных и уникальных проектах, сильном подборе профессорско-преподавательского состава и т.п., обеспечить устойчивые коллаборационные связи с другими вузами и НИИ, с компаниями, развивающими высокотехнологичный бизнес.

Важно также в корне изменить отношение общества и бизнеса к венчурному (рисковому) инновационному проектированию, часто принимаемому за возможность создать имитацию бурной и никому не нужной деятельности по созданию современного либо по реанимации завалявшегося со времен развала СССР проекта, производящего (часто) только ворох невостребованной документации. Не все нововведения и новшества прогрессивные и инновационные, эти

процессы очень часто используют в своих интересах корпорации, «подсаживающие» покупателей на незначительные переделки в товарах, приобретающих статус «престижных гаджетов», или, по словам Дж. Гэлбрейта, «...существуют новинки, которые служат лишь тому, чтобы сделать продукт-предшественник внешне устаревшим» [8, с. 124]. Процесс экспертизы венчурных проектов должен проходить не кулуарно, а максимально открыто. Тем более, что часть институтов развития инновационной активности в России в настоящее время имеет бюджетное финансирование.

По мнению С.Г. Кордонского, «в стране идет очень интенсивная инновационная жизнь. Потому что государство все время пытается что-то улучшить. И все эти улучшения никому не нужны, а люди пытаются изобрести, как бы нейтрализовать эти улучшения, как государство облапошить. Как “зайти”, как получить бюджетные ресурсы, как их попилить “по понятиям”. Это требует огромных усилий и недюжинных способностей» [9]. При этом существенной представляется проблема недостаточной уверенности бизнеса в завтрашнем дне. Не имея исчерпывающих юридических гарантий перехода прав собственности по наследству, российские бизнесмены более эффективным видят перевод капиталов за рубеж.

В настоящее время связь образования, науки и высокотехнологичного производства не усиливается, а наоборот: основные институты инновационного развития не находят должного эффективного взаимодействия. Назрел новый этап научно-технологического развития в стране. «По своим целям, масштабам и последствиям, а также по срокам необходимой реализации он должен носить характер научно-технологического прорыва, который потребует мобилизации всего интеллектуального потенциала страны» [10]. Очередными инициативами по развитию НИС в России в 2015 г. стали реализация проекта Национальной технологической инициативы (НТИ) и внесение ряда существенных корректировок в Программу фундаментальных научных исследований государственных академий наук [11]. А.Б. Шатилов считает, что модернизационный потенциал элиты стал определяющим после того, как в конце прошлого столетия манипулятивные стратегии обработки общественного мнения и массовые коммуникации достигли такого уровня, что позволили элитным группам дистанционно, а иногда и иллюзорно формировать политическое пространство и продвигать в массовом сознании свои проекты, в том числе реформаторские [12]. Именно позиция элит, и в

немаловажной степени — региональных, — формировала заказ на инновационные преобразования.

Найдена ли такая общественная рефлексия? Одна из линий «реформирования сверху» не находит понимания в научно-образовательном сообществе. Это «шоковая терапия» переформатирования Российской академии наук. По мнению экспертов, не следует делать существенный перекося в сферу прикладной науки, ущемляя при этом фундаментальные исследования. Однако корректировки в Программу фундаментальных научных исследований государственных академий наук как раз позволяют рассчитывать на пересмотр реперных точек развития. Программа устанавливает, что приоритетные направления развития фундаментальных наук, а также направления поисковых научных исследований

будут формироваться координационным советом на основе предложений Российской академии наук. Нужно иметь возможность при реализации фиксированных приоритетных направлений развития науки и техники в срочном порядке их пересматривать.

В настоящей статье мы обозначили ряд проблемных задач современного российского социума, над решением которых работают представители научно-образовательного и делового сообществ, чиновники во властных структурах, стратегические аналитики. В последующих наших публикациях мы постараемся предложить рекомендации по их эффективному, по нашему мнению, решению, с целевой функцией создать современное мобильное сплоченное общество российских инноваторов.

ЛИТЕРАТУРА

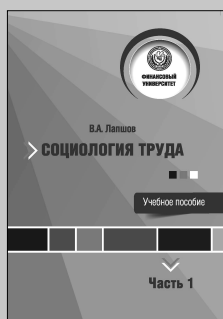
1. *Симонов К.В., Петросьянц Д.В., Селезнев П.С.* Современная российская политика [Текст]: учебное пособие для подготовки бакалавров. М.: Финансовый университет, 2013. — 257 с.
2. *Глаголев С.Н., Дорошенко Ю.А., Манин А.В.* Инвестиционно-инновационный потенциал региона: сущность, значение, импакт-факторы и способы оптимизации // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2014. № 2 (50). С. 127 — 131.
3. *Завельский М.Г.* Закономерности хозяйства // Экономическая политика и фондовый рынок: модели и методы системного анализа // Труды ИСА РАН. 2009. Т. 47.
4. *Петросьянц Д.В.* О некоторых вопросах формирования современной российской элиты // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 41. С. 34-43.
5. *Стиглиц Д.* Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему / Пер. с англ. М.: Эксмо, 2015. — 512 с.
6. *Ицкович Г.* Тройная спираль. Университеты — предприятия — государство. Инновации в действии / Пер. с англ. под ред. А.Ф. Уварова. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2010. — 238 с.
7. *Салми Дж.* Создание университетов мирового класса / Пер. с англ. Публикации Всемирного банка. М.: Весь Мир, 2009. — 132 с.
8. *Гэлбрейт Дж. К.* Экономические теории и цели общества/Пер. с англ. под общ. ред. и с предисл. Н.Н. Иноземцева, А.Г. Милейковского. М.: Прогресс, 1979. — 406 с.
9. *Кордонский С.Г.* Дефицит ресурсов сплачивает систему [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2015/10/08_a_7810505.shtml, свободный.
10. *Яковец Ю.В., Колин К.К.* Стратегия научно-технологического прорыва России // Аналитические материалы. Вып. 7. М.: Стратегические приоритеты», 2015. — 51 с.
11. Программа фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 годы / Распоряжение Правительства Российской Федерации от 3 декабря 2012 г. № 2237-р. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/12/14/issledovaniya-site-dok.html>, свободный.
12. *Шатилов А.Б.* Инновационный проект модернизации России и позиция властной элиты // Власть. 2013. № 9. С. 16-20.

REFERENCES

1. Simonov K.V., Petrosyants D.V., Seleznev P.S. *Sovremennaja rossijskaja politika* [Modern Russian politics: a textbook for undergraduate]. Moscow, Finansovyj universitet Publ., 2013. 257 p.
2. Glagolev S.N., Doroshenko Ju.A., Manin A.V. Investicionno-innovacionnyj potencial regiona: sushhnost', znachenie, im-pakt-factory i sposoby optimizacii [Investment and innovation potential of the region: the nature, value, impact factors and methods of optimization]. *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperacii, jekonomiki i prava* [Herald of Belgorod University of

- Cooperation, Economics and Law]. 2014, I. 2 (50), pp. 127 – 131.
3. Zavel'skij M.G. Zakonomernosti hozjajstva [Laws of the economy]. *Ekonomicheskaja politika i fondovyy rynek: modeli i metody sistemnogo analiza*. [The economic policy and the stock market: models and methods of system analysis], Trudy ISA RAN [Proceedings of ISA RAS]. Vol. 47, 2009.
 4. Petrosyants D.V. O nekotoryh voprosah formirovaniya sovremennoj rossijskoj jelity [On some issues of formation of the modern Russian elite]. *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [National interests: priorities and security]. 2012, I. 41, pp. 34-43.
 5. Stiglitz E. *Cena neravenstva. Chem rassloenie obshhestva grozit nashemu budushhemu* [Price disparities. The stratification of society threatens our future]. Moscow, Exmo Publ., 2015. 512 p.
 6. Etzkowitz H. *Trojnaja spiral'. Universitety - predpriyatija - gosudarstvo. Innovacii v dejstvii* [Triple Helix. Universities - enterprises - state. Innovation in Action]. Tomsk, Publishing house of Tomsk State. Univ. systems Ex. and Radio Electronics, 2010. 238 p.
 7. Salmi J. *Sozdanie universitetov mirovogo klassa* [Creating a world-class universitie]. Moscow, Publishing House «Ves' Mir» [All The World], 2009. 132 p.
 8. Galbraith J. *Ekonomicheskie teorii i celi obshhestva* [Economic theory and goals of society]. Moscow, Progress Publ., 1979. 406 p.
 9. Kordonskii S.G. *Deficit resursov splachivaet sistemu* [Deficit resources rallies system]. Available at: http://www.gazeta.ru/politics/2015/10/08_a_7810505.shtml.
 10. Yakovets Y.V., Colin K.K. *Strategija nauchno-tehnologicheskogo proryva Rossii* [Strategy of scientific and technological breakthroughs in Russia]. *Analytical materials*. Vol. 7. Moscow, Publishing House of the «Strategic Priorities», 2015. 51 p.
 11. «*Programma fundamental'nyh nauchnyh issledovanij gosudarstvennyh akademij nauk na 2013 - 2020 gody*». *Rasporjazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 3 dekabrja 2012 g. № 2237-r*. [The program of basic scientific research of the state academies of sciences in the 2013 - 2020 years. Order of the Government of the Russian Federation dated December 3, 2012 № 2237-p]. Available at: <http://www.rg.ru/2012/12/14/issledovaniya-site-dok.html>
 12. Shatilov A.B. *Innovacionnyj proekt modernizacii Rossii i pozicija vlastnoj jelity* [An innovative project to modernize Russia and the position of the ruling elite]. *Vlast* [Power]. 2013, I. 9, pp. 16-20.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Лапшов В.А.

Социология труда : учебное пособие. В 2 ч. – М. : Финансовый университет, 2015. – 292 с.

ISBN 978-5-7942-1258-7 (часть 1)

ISBN 978-5-7942-1259-4 (часть 2)

Раскрывается специфика социологического подхода к изучению процессов в сфере труда. Учебное пособие содержит авторскую методику преподавания данной дисциплины. Для студентов вузов, обучающихся по направлениям «Социология» и «Экономическая социология», преподавателей, а также социологов, работающих в финансово-экономической сфере. Учебное пособие может быть использовано в системе повышения квалификации преподавателей и практических работников.

УДК 316.422

DOI 10.12737/17054

Элиты как инициаторы инноваций в современном мире (на примере Российской Федерации)¹

Селезнев Павел Сергеевич

Д-р полит. наук, директор Института проектов развития Финансового университета

E-mail: seleznevpavel@gmail.com

В статье анализируется роль современных элит в политико-экономической инновационной модернизации стран мира, в частности, России. С учетом того, что в начале XXI в. в большинстве государств процессы развития жестко контролируются элитными сообществами и группами, практически все стратегические инновационные проекты иницируются и направляются ими. Однако далеко не все сегменты правящего истеблишмента симпатизируют реформаторским инициативам, не говоря уже о населении, политическая культура которого является весьма консервативной. Соответственно, автор пытается определить, кто является «носителем инновационного мышления» в современном обществе, а кто становится «ведомым». При этом, опираясь на российский опыт, анализируются все трудности и проблемы, сопровождающие реализацию инновационного проекта. В частности, особое внимание уделяется проблеме стратегического видения элитными группами инновационных перспектив развития страны.

Ключевые слова: инновации, элиты, элитные группы, развитие, модернизация, инновационная инициатива, инновационное мышление, политическая система, демократия.

Elites as Initiators of Innovations in the Contemporary World (Based on the Russian Federation Example)

Seleznev Pavel Sergeevich

Doctor of Political Sciences, Director of Development Projects Institute of Financial University under the Government of the Russian Federation

E-mail: seleznevpavel@gmail.com

Abstract. The role of modern elites in the political and economic innovational modernization of countries across the world, in particular Russia, is analyzed in this paper. Provided that in the early 21st century the development processes are tightly controlled by elite communities and groups in a majority of countries, virtually all strategic innovative projects are launched and directed by them. However, not many segments of ruling establishment are in favor of reforming initiatives, let alone the population, whose political culture is quite conservative. Therefore, the author tries to determine who is “an innovative thinking initiator” in the contemporary society, and who is becoming a follower. At this all difficulties and issues that go along with the innovative project implementation are analyzed based on Russian experience. In particular, special attention is paid to the national innovative development prospects strategic vision by the elite groups.

Keywords: innovations, elites, elite groups, development, modernization, innovative initiative, innovative thinking, political system, democracy.

¹ Статья публикуется в рамках гранта РГНФ 15-03-00737 «Политико-экономическая трансформация российского инновационного проекта в условиях "войны санкций"».

И нновационное развитие в последние годы становится едва ли не единственным выходом из состояния кризиса, технологической отсталости, бедности, дефицита ресурсов, экологического неблагополучия, а также существенным конкурентным преимуществом в борьбе за геополитическое лидерство. Это касается и России, заявившей старт своего инновационного проекта в 2008 г. Как справедливо отмечает А.Б. Шатилов, в настоящее время «в российском обществе наблюдается своего рода «инновационный консенсус». И граждане, и элита едины в стремлении вывести РФ на новые рубежи политического и социально-экономического развития, учитывающие реалии и вызовы XXI столетия» [1].

Следует понимать, что инновационный проект даже в условиях демократического политического режима всегда является делом элиты страны, но не широких слоев населения, которые в целом ориентированы на сохранение статус-кво. Так, в Российской Федерации изначально инициатива инновационного развития исходила не «снизу», а «сверху». Более того, идея очередных реформ вне властной элиты встречала прохладное отношение и населения, и бизнес-сообщества, и «традиционной» части бюрократии.

Так, граждане, с одной стороны, опасались очередной «шоковой терапии» и с недоверием относились к любым «преобразовательным» проектам власти, с другой — отвергали «апгрейд» в силу специфики отечественной политической культуры, в которой преобладает консервативный тренд. Кроме того, значительная часть населения психологически находилась еще в прошлом, XX в., и не была готова принять и понять новые технологические и информационные реалии, а тем более существовать и действовать в их рамках. Правда, при этом социо-

логические замеры отмечали «гипотетическую» ориентированность населения на проведение инновационных реформ, однако, такого рода настроения либо формировались под влиянием инновационной части элитного сообщества (например, в России социальный запрос на инновации стали отмечать лишь в 2007–2008 гг., когда эта тема стала раскрываться «сверху» в выступлениях первых лиц государства и властных СМИ) [2], либо в качестве «ностальгии» по ушедшему в прошлое СССР (у данной части граждан инновационное развитие зачастую отождествляется с восстановлением Россией статуса «великой державы»).

Тем не менее определенный инновационный оптимизм в российском обществе последних лет все же присутствует, хотя что такое инновации и инновационный путь развития, значительная часть населения не может объяснить. Интересны в этом плане данные опросов ведущих отечественных социологических центров. Вот выкладки ВЦИОМ периода 2007–2008 гг., когда проблемы инновационного развития России особенно интенсивно обсуждались не только на уровне элиты, но и на уровне рядовых граждан².

Данные последнего времени свидетельствуют о том, что граждане стали лучше ориентироваться в содержании инноваций, но при этом не всегда самостоятельны в оценках перспектив инновационных проектов, следуют мнению элитного сообщества. Более того, система российского образования пока находится в стадии реформирования и не может определять соответствующие настроения даже в молодежной аудитории [3].

Так, по мнению генерального директора ВЦИОМ В.В. Федорова, большинство россиян в 2011 г. были уверены, что инновации — это необходимое условие

*Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 15–16 марта 2008 г.
Опрошено 1600 человек в 153 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России.
Статистическая погрешность не превышает 3,4%.*

Что такое, по вашему мнению, «инновация»? Попробуйте определить это понятие (Открытый вопрос, до трех ответов)		
	23–24 июня 2007 г.	15–16 марта 2008 г.
Нововведения (абстрактные)	22	27
Внедрение современных технологий	15	15
Использование достижений науки и техники (научно-технический прогресс)	6	3
Инвестиции (вложение и привлечение денег)	1	1
Социальные изменения (существующего порядка, изменения в жизни)	3	1
Нововведения (конкретные)	3	1
Другое	1	1
Затрудняюсь ответить	53	53

² <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=9890>

Что такое, по Вашему мнению, «инновация»? Попробуйте определить это понятие (Открытый вопрос, до трех ответов)					
	Всего опрошенных	Образование			
		Начальное или ниже, неполное среднее	Среднее (школа или ПТУ)	Среднее специальное (техникум)	Незаконченное высшее (не менее трех курсов вуза), высшее
Нововведения (абстрактные)	27	6	24	28	38
Внедрение современных технологий	15	2	13	15	24
Использование достижений науки и техники (научно-технический прогресс)	3	1	2	4	5
Инвестиции (вложение и привлечение денег)	1	1	1	2	3
Социальные изменения (существующего порядка, изменения в жизнедеятельности)	1		1	2	1
Нововведения (конкретные)	1	1	1	1	1
Другое	1	1	0	1	0
Затрудняюсь ответить	53	89	61	51	30

Одни считают, что инновации — это именно то, что позволит вывести нашу экономику и общественную жизнь России на новый, более высокий уровень. Но есть и другое мнение — что инновации не смогут ничего принципиально изменить в нашей жизни. Какое из двух мнений Вам ближе?

	23–24 июня 2007 г.	15–16 марта 2008 г.
Скорее, первое	56	55
Скорее, второе	14	16
Затрудняюсь ответить	30	29

Выберите из следующих пар суждений об инновациях те, с которыми Вы в большей степени согласны (один ответ по каждой паре суждений)

	Всего опрошенных	Образование			
		Начальное или ниже, неполное среднее	Среднее (школа или ПТУ)	Среднее специальное (техникум)	Незаконченное высшее (не менее трех курсов вуза), высшее
А.					
Инновации — это необходимое условие будущего процветания России	62	41	56	65	76
Инновации не могут сыграть существенной роли в процессе развития экономики и общественной жизни в России	14	9	16	14	13
Затрудняюсь ответить	24	50	28	21	11
Б.					
В инновации нужно вкладывать как можно больше средств — в будущем эти траты себя оправдают	60	37	53	63	73
Вложение денег в инновации — это пустая трата денег, так как они все равно себя не оправдают	14	11	14	14	13
Затрудняюсь ответить	26	52	33	23	14
В.					
В будущем роль инноваций будет только возрастать, они будут внедряться практически во всех отраслях экономики	56	32	52	58	70
Внедрение инноваций будет носить эпизодический характер и широкого распространения этот процесс не получит	16	12	15	17	16
Затрудняюсь ответить	28	56	33	25	14

Как Вы считаете, в каких отраслях экономики и общественной жизни России нужно в первую очередь внедрять инновации? (открытый вопрос, до пяти ответов)

	23–24 июня 2007 г.	15–16 марта 2008 г.
Промышленность (легкая, тяжелая, авиационная, оборонная)	16	19
Сельское хозяйство, село	11	16
Медицина	12	14
Наука и образование	10	10
Социальная сфера	3	4
Строительство (жилья, дорог)	-	3
Экономика, бизнес	-	2

Энергетика	2	1
Нефтегазовая отрасль	1	1
Космос	2	1
Электроника, связь, информатика	1	1
Охрана природы, экология	1	1
Другое	6	3
Во всех	35	28
Ни в каких	3	3
Затрудняюсь ответить	27	30

В настоящее время обсуждаются экономические перспективы России на ближайшие 15–20 лет. Как Вы считаете, станет ли Россия высокотехнологичной державой, где основу экономики будет составлять не сырьевой сектор (нефть, газ), а наука и высокие технологии? И если да, то когда это произойдет?

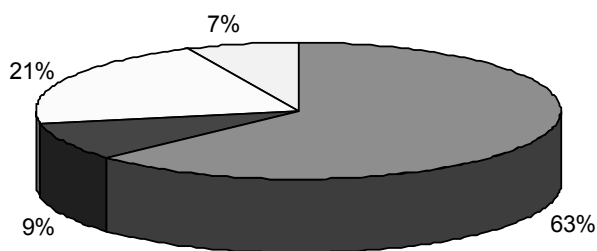
	23–24 июня 2007 г.	15–16 марта 2008 г.
Нет, России не удастся стать высокотехнологичной державой	11	13
Да, в ближайшие 5–7 лет	13	14
Да, через 10–15 лет	35	30
Да, к середине XXI в.	20	20
Затрудняюсь ответить	21	24

будущего процветания России. На Томском инновационном форуме Федоров сказал, что по результатам проведенного ВЦИОМ опроса в 40 регионах России «62% россиян считают, что инновации — это необходимое условие будущего процветания России. И только 14% считают, что инновации не могут сыграть существенную роль в процессе развития России». Он также отметил, что 60% опрошенных считают, что в инновации нужно вкладывать как можно больше средств, в будущем эти траты себя оправдают, противоположного суждения придерживаются только 14%. «Только 16% опрошенных предположили, что внедрение инноваций будет носить эпизодический характер, широкого распространения в России не получит, а 56% полагают, что роль инноваций будет возрастать, и они будут вне-

даться практически по всех отраслях экономики», — отметил глава ВЦИОМ³.

Позитивное отношение россиян к инновациям фиксировал и Фонд «Общественное мнение». Об этом свидетельствует его опрос периода августа 2011 г.

Что же касается частного предпринимательства, то здесь инновационный путь руководства страны был воспринят с настороженностью. После жесткой процедуры «равноудаления олигархов» предпринимательские слои вполне резонно не исключали, что именно их назначат «ответственными» за «инновационный подъем», обязав заниматься рискованными долгосрочными финансовыми инвестициями. Соответственно, это породило своего рода инновационное «дезертирство» частного бизнеса, предпочитавшего работать в более привлекательных сферах.

■ Положительно ■ Отрицательно □ Равнодушно □ Затруднились ответить

Рис. 1. Как Вы относитесь к проекту «Сколково» (ФОМ, август 2011 г.)

³ <http://www.interfax-russia.ru/Siberia/special.asp?id=233974&sec=1698>.

Правящая бюрократия, как федеральная, так и региональная также в своей массе не может быть носителем инновационного мышления. Психология и активность представителей управленческого класса изначально ориентированы на воспроизводство прежних образцов деятельности, любое отклонение от «нормы» вызывает у них отторжение как нарушающее «установленный порядок вещей». Более того, в странах, где чиновники имеют свои интересы в коммерческой сфере и где уровень коррупции высокий, инновации могут отвергаться бюрократией на «эгоистической» основе, поскольку зачастую они ломают устоявшиеся схемы «теневого» взаимодействия власти, бизнеса, криминала. Это может, например, касаться инновационных проектов, ориентированных на введение в оборот новых технологий и производств, особенно связанных с упрощением системы согласования разрешительной документации. В этом случае бюрократия предпримет латентные усилия для того, чтобы для начала скомпрометировать инновации в глазах руководства, а в случае неудачи на этом направлении постарается максимально затянуть решение вопроса.

«Элита к любым проектам готова приступить лишь тогда, когда она уверена, что это решение не подорвет ее власть», — отмечает профессор НИУ-ВШЭ Л. Григорьев⁴. Поскольку модернизация, в том числе политическая, подразумевает перемены не только в экономике, но и во властных рядах, то политэлите выгоднее «законсервировать» свое положение. Отношение российских элит к модернизации традиционно неоднозначно. И причина этой неоднозначности имеет не только экономический, но и «исторический» характер. Модернизация в истории России зачастую имела форсированный характер и осуществлялась преимущественно авторитарными методами. «Это определяло периодические чистки как политические, так и физические, политического класса в целях обеспечения его максимальной эффективности в качестве инструмента модернизации. Данный исторический опыт — одна из причин настороженности политического класса по отношению к модернизационным проектам», — считает президент Российской ассоциации политической науки О.В. Гаман-Голутвина⁵.

Поэтому основная часть нагрузки в деле продвижения инновационных проектов ложится на плечи государства, вернее, заинтересованных элитных групп, имеющих соответствующий профиль деятельности. Именно они выступают главными инициаторами и

лоббистами инновационного законодательства, а также основными бенефициарами по итогам его практического внедрения. И здесь в большей степени играет свою роль фактор не политического лидерства, а экономической заинтересованности.

При этом следует четко понимать, что проблема формирования инновационной элиты — это, в первую очередь, проблема мировоззренческая, особая роль в ее решении должна быть отведена специалистам гуманитарных областей знаний. Утопичны надежды на ее решение без соответствующих принципиальных социальных преобразований российского общества, которые возможны при условии наделения формирующейся инновационной элиты реальными властными полномочиями.

Общее видение образа инновационной элиты составляют пять аспектов:

- особые свойства, присущие представителям инновационной элиты;
- взаимоотношения, существующие внутри элитарного слоя и характеризующие степень его сплоченности;
- отношения инновационной элиты с другими элитами и неэлитой;
- рекрутирование инновационной элиты: как и из кого она образуется;
- роль инновационной элиты в обществе, ее функции и влияние [4, с. 131].

Сверхзадача элиты — стратегическое управление обществом, т.е. успешное освоение неизвестного, искусство порождать и отбирать смыслы, воплощать коллективные образы, определяя маршрут для себя и тех, кого она ведет. Дефицит высоких смыслов и масштабных личностей оказывается критическим обстоятельством в период исторических метаморфоз [5]. Обладая символическим ресурсом, элита воплощает культурные образцы, нормы поведения и ценности, разделяемые обществом.

Наглядно можно проследить влияние этих тенденций на российском опыте последнего десятилетия. Несмотря на демонстративную лояльность практически всех представителей элиты относительно заявленных властью модернизационных инициатив, их реализация на практике сталкивается с серьезным сопротивлением подавляющего большинства элитных групп. Отчасти это происходит бессознательно — из-за отсутствия единого толкования и понимания терминов «модернизация» и «инновационное развитие», отчасти — из-за сознательного сопротивления элит и связанной с ними бюрократии, которые видят в реализации модернизационного и инновационного проектов угрозу своим официально не декларируемым интересам.

⁴ RBC-daily. 2011. 24 января.

⁵ Там же.

Ключевая проблема заключается в различном понимании целей и задач инновационного развития — как на уровне доктрины, так и на уровне ее имплементации. В России под инновационным развитием понимается, прежде всего, коренная модернизация индустриальной базы (шире — реиндустриализация России), но не построение принципиально нового общества, основанного на иных социальных и политических принципах, что в итоге дает кумулятивный эффект. Безусловно, без развитого индустриального общества невозможно построить общество следующего уклада — постиндустриального и информационного, где инновационное развитие выступает стержневым элементом деятельности всего государственного механизма и социума.

Однако российские элиты сознательно и бессознательно предпочитают видеть тактические, а не стратегические цели. Большинство групп влияния, которые обладают контролем над материальными активами, не возражают против их глубинной модернизации (за чей счет — отдельная проблема). Это, по их расчетам, позволит повысить отдачу от производства и норму прибыли на единицу продукции. Однако инвестировать в построение нового общества для большинства российских элитных групп не представляется перспективным занятием. В данном случае речь идет даже не об опасениях, связанных с возможной коренной трансформацией политсистемы, сколько об отсутствии необходимого горизонта планирования у представителей большинства элиты. По сравнению с 1990-ми гг., когда он измерялся месяцами, горизонт планирования существенно вырос, но по-прежнему не достигает необходимых для успешного инновационного развития десятилетий [6].

Такую неуверенность российских элитных групп в перспективах страны можно объяснить следующими причинами. Во-первых, если история устойчивого развития стран, в которых уже успешно созданы и функционируют национальные инновационные системы, измеряется десятилетиями или даже столетиями, то в России такой период устойчивого бескризисного развития составляет чуть более 10 лет (с момента кризиса 1998 г.) или, максимум, около 20 лет (с момента распада СССР). Кризис 2008 г. российскими элитами не воспринимается как риск, так как по его итогам не произошло существенного перераспределения собственности (в отличие от 1991–1993 или 1998 гг.) и вытеснения на периферию каких-либо сформировавшихся до него элитных групп.

Отсутствие длительной истории устойчивого развития провоцирует вторую причину, побуждающую российские элиты не делать необходимых для ин-

новационного развития долгосрочных инвестиций и одновременно все время думать о «стратегии выхода» (exit strategy). Неуверенность в собственных перспективах, как и перспективах своих детей, побуждает большинство элитных групп создавать «запасные аэродромы» за рубежом, а не инвестировать в инновационное развитие собственного бизнеса в России. Другими словами, у них есть альтернативный вариант собственного будущего, связанный не только с Россией и ее успешным развитием. Такая «внутренняя эмиграция» (субъект физически функционирует на территории страны, но ментально находится за ее пределами) является, пожалуй, наиболее серьезным тормозом инновационного развития России — гораздо больше, чем налогообложение или избыточные административные барьеры. При этом элиты стран, где уже состоялся успешный переход к инновационному обществу, обычно не имеют «стратегии выхода», связанной с возможной эмиграцией. Уверенность элит в собственном будущем — ключевой фактор успешного инновационного развития.

Однако для этого инициаторам модернизации зачастую приходится прибегать к политике «инновационного принуждения» несознательной части истеблишмента. Во многом на это оказались направлены инициативы российской власти по «национализации» отечественной элиты. Именно на это была направлена серия законопроектов В.В. Путина в 2012–2013 гг., в которых содержался запрет чиновникам и военным, а также их супругам и несовершеннолетним детям иметь недвижимость за рубежом, счета в расположенных вне России иностранных банках, облигации и акции иностранных эмитентов, в том числе ценные бумаги иностранных государств.

Вышеописанный фактор «запланированной эмиграции» является, возможно, самым важным, но отнюдь не единственным параметром, характеризующим позицию элитных групп по отношению к формированию инновационной модели экономики. Еще один системообразующий параметр заключается в самом восприятии намерения государства выстроить НИС. В частности, если в странах с развитой инновационной системой участие в подобных программах воспринимается элитами как шанс для развития, то в России — как один из способов дотирования бизнеса за счет госбюджета. Например, в странах с развитой национальной инновационной системой на долю государства приходится не более 20–30% общей суммы инвестиций в инновации, остальное инвестирует бизнес, причем далеко не всегда под госгарантии. При этом даже государственная часть соинвестиций, несмотря на скромный

характер, распределяется не методом прямого дотирования (поскольку дотации зачастую являются результатом лоббистской деятельности тех же элитных групп), а через прозрачный механизм распределения средств на конкурсной основе.

* * *

Обобщая вышеизложенное, можно предположить, что современное состояние элитных групп в России, выражающееся в отношении к инновационным инициативам государства, пока не позволяет надеяться на создание в кратко- и даже среднесрочной перспективе на территории страны полноценной НИС, которая включала бы не только «формальные» инновационные инициативы, но и новые политические и социально-экономические практики. Максимум, на что можно надеяться при существующем положении вещей, — на возникновение кластерной НИС, которая закрепит дифференциацию российских граждан на привилегированное (с точки зрения

социальных практик) меньшинство и «вторичное» большинство.

Конечно, инновационный путь России имеет свою специфику и подгонять его под одну «гребенку» — дело неблагодарное, в чем мы смогли убедиться в 1990-е гг., когда однозначная ставка на копирование западных политических и экономических стандартов привела к затяжному кризису, плоды которого пожинаются до сих пор. В то же время разработка любой инновационной модели должна учитывать (особенно в эпоху глобализации) опыт «продвинутых» стран. В этом плане интересно рассмотреть и сопоставить как западный, так и восточный пути к инновациям.

Прежде всего, следует оценить опыт подобной модернизации лидеров Запада—США и ведущих стран Евросоюза, избравших инновационный путь развития значительно раньше остальных — еще в середине 1970-х гг. и доказавших свое право называться инновационными государствами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шатилов А.Б. Инновационное развитие Российской Федерации и интересы ведущих элитных сообществ // Региональные проблемы преобразования экономики (Махачкала). 2014. № 8 (46). С. 14.
2. Симонов К.В., Петросьянц Д.В., Махмутова Е.В. Системное регулирование национального модернизационно-инновационного развития в условиях преобразований общественно-политической среды // Экономический анализ: теория и практика. 2014. № 21. С. 19-28.
3. Петросьянц Д.В. Предпринимательский вуз: зарубежный опыт и российская действительность // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 31. С. 42.
4. Лепский В.Е. Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. М.: Когито-Центр, 2009.
5. Неклесса А. Время коротких горизонтов. Реализация планов инновационной и инфраструктурной модернизации в России перманентно сдвигается в «светлое будущее» // Независимая газета. 2008. 26 июня.
6. Ремизов М. Мобилизационный пакт для элиты // Известия. 2009. 6 апреля.

REFERENCES

1. Shatilov A.B. Innovatsionnoe razvitie Rossiyskoy Federatsii i interesy vedushchikh elitnykh soobshchestv [The innovative development of the Russian Federation and the interests of the leading elite community]. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki* [Regional problems of economic transformation] (Makhachkala). 2014, I. 8 (46), pp. 14.
2. Simonov, K.V. Sistemnoe regulirovanie natsional'nogo modernizatsionno-innovatsionnogo razvitiya v usloviyakh preobrazovaniy obshchestvenno-politicheskoy sredy [System control of the national modernization and innovative development in the conditions of transformation of socio-political environment]. *Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika* [The economic analysis: theory and practice]. 2014, I. 21, pp. 19-28.
3. Petrosyants, D.V. Predprinimatel'skiy vuz: zarubezhnyy opyt i rossiyskaya deystvitel'nost' [Economic University: International Experience and Russian Reality]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economy: theory and practice]. 2013, I. 31, pp. 42.
4. Lepskiy V.E. *Sub'ektno-orientirovanny podkhod k innovatsionnomu razvitiyu* [Subject-oriented approach to innovation development]. Moscow, «Kogito-Tsentr» Publ., 2009. 208 p.
5. Neklessa A. Vremya korotkikh gorizontov. Realizatsiya planov innovatsionnoy i infrastrukturnoy modernizatsii v Rossii permanentno sdvigaetsya v «svetloe budushchee» [Short horizons time. Implementation of innovative plans and infrastructure modernization in Russia permanently shifted into the «bright future»]. *Nezavisimaya gazeta* [independent newspaper]. 26.06.2008.
6. Remizov M. *Mobilizatsionnyy pakt dlya elit* [The mobilization of the elite pact]. Izvestiya [News]. 06.04.2009.

Советский опыт мобилизационного развития: политологический анализ¹

Салин Павел Борисович

Канд. юрид. наук, директор Центра политологических исследований Финансового университета при Правительстве РФ
E-mail: salpavbor@mail.ru

Осинина Дарья Дмитриевна

студентка факультета социологии и политологии (группа П 3-1) Финансового университета при Правительстве РФ
E-mail: daria_osinina@mail.ru

Выбор темы обусловлен, прежде всего, исчерпанностью прежней модели социально-экономического и, следовательно, политического развития России. Такое мнение распространено как в экспертном сообществе, так и в органах власти, что было документально зафиксировано. Так, в «Основных направлениях деятельности Правительства РФ до 2018 г.», утвержденных 14 мая 2015 г., указаны три основных вызова, стоящих перед Российской Федерацией. Среди них — снижение глобального спроса на традиционные сырьевые товары и геополитическое обострение, которое привело к повышению экономической и политической неопределенности, фактическому закрытию для большинства российских компаний доступа к заемному финансированию на зарубежных рынках, ограничениям на привлечение современных технологий из-за рубежа. Другими словами, правительство РФ официально признало, что существовавшая все 25 постсоветских лет модель, основанная на заимствованиях средств на международных финансовых рынках (в 1990-е гг. — от имени государства, последние 15 лет — за счет наращивания корпоративного долга) себя исчерпала.

В связи с этим встал вопрос о дальнейших сценариях развития ситуации. Сторонники «суверенного» развития России все более настойчиво предлагают мобилизационный сценарий. В частности, в августе-сентябре 2015 г. заметно активизировался советник президента С.Ю. Глазьев, выступивший с программными заявлениями в СМИ, а также презентовавший 15 сентября на закрытом заседании Межведомственной комиссии Совета безопасности РФ по безопасности в экономической и социальной сфере доклад «Конкурентный потенциал России и пути его реализации для обеспечения национальной безопасности». Де-факто документ является на данный момент программой мобилизационного развития страны и требует кардинального пересмотра всей политики не только правительства, но и власти в целом, в том числе изменения конструкции политической системы.

Кроме того, по мнению ряда экспертов, начавшаяся в конце сентября 2015 г. военная операция РФ в Сирии может принять затяжной характер. Российская экономика, с учетом ее нынешнего состояния и перспектив, может не выдержать расходов на долгосрочную военную операцию. Это также актуализирует тему возможных социально-политических последствий реализации мобилизационного сценария.

Россия на протяжении XX в. пережила три попытки мобилизационного развития: две «жесткие» «сталинские» модернизации и, условно говоря, «мягкую» андроповско-горбачевскую (краткий период «военного коммунизма» можно вынести за скобки). Первые две можно считать успешными, в том числе с социально-политической точки зрения, а последнюю — неудачной. Именно эта неудача, которая не позволила переломить тренды, в том числе в социально-политической сфере, во многом запустила процессы, которые привели к распаду СССР.

Ключевые слова: мобилизационный сценарий, сталинская мобилизация, человеческий капитал.

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по Государственному заданию Финансового университета 2015 г.

The Soviet Experience of Mobilization Development: Politological Analysis

Salin Pavel Borisovich

Ph.D. of Juridical Sciences, Director of Politological Studies Center, Financial University under the Government of the Russian Federation

E-mail: salpavbor@mail.ru

Osinina Darya Dmitrievna

Student of Sociology and Politology Faculty (Group P 3-1), Financial University under the Government of the Russian Federation

E-mail: daria_osinina@mail.ru

The subject choice is primarily due to depletion of the previous model of Russia's socio-economic and hence political development. Such an opinion is common both in the expert community and in the governmental structures, this has been documented. Thus, in the Guidelines for Action of the Russian Federation Government until 2018, approved 2015 May 14, have been specified three main challenges facing the Russian Federation. Of these the decline in global demand for traditional primary commodities, and geopolitical aggravating, which has led to an increase in economic and political uncertainties, actual closing of access to debt financing in foreign markets for the majority of Russian companies, restrictions on the modern technologies involvement from abroad. In other words, the Russian government has officially recognized that existed during all 25 post-soviet years model based on borrowing in international financial markets (in the 1990s — on behalf of the state, the last 15 years — by increasing the corporate debt) has exhausted itself.

In this regard, a question about future development scenarios has arisen. Russia's "sovereign" development supporters suggest a mobilization scenario more and more hardly. In particular, in August-September 2015 the presidential adviser S.Yu. Glazyev has become more active: he has made program statements in mass media, as well as has presented September 15 at a closed meeting of the Russian Federation Security Council's Interdepartmental Commission on security in the economic and social area the report "Russia's Competitive Potential, and Ways of Its Implementation for National Security". In fact, at the moment the document is the country's mobilization development program and requires a cardinal revision not only the government's whole policy, but also the authorities' policy in general, including political system structure changes.

In addition, according to some experts' opinion, the Russian military operation in Syria, which has begun in late September 2015, can take a protracted nature. The Russian economy, taking into account its current state and prospects, may not sustain the costs for a long-term military operation. It also updates the theme of the mobilization scenario's possible socio-political consequences.

Russia during the 20th century has survived three mobilization development attempts — two "hard" Stalin's modernizations and, relatively speaking, a "soft" Andropov-Gorbachev one (a short war communism period can be put out of the brackets). The former two attempts can be considered as successful, among other from the socio-political point of view, and the later one — as unsuccessful. That particular failure has not allowed overcome the trends, including in the socio-political area, in large measure started processes that led to the USSR disintegration.

Keywords: mobilization scenario, Stalin's mobilization, human capital.

1. Реализация первого «сталинского» мобилизационного сценария

Причиной запуска первого «сталинского» мобилизационного сценария послужило исчерпание рыночных механизмов перераспределения продовольствия между деревней и городом. Так, зимой 1927–1928 гг., несмотря на хороший урожай, в города по программе хлебозаготовок было поставлено лишь 300 млн пуд. в зерна, что на 130 млн меньше, чем в предыдущий год, когда урожай был меньше. При-

чиной стал растущий уровень жизни населения, что, в свою очередь, вызвало рост потребления в городах и желание крестьян повышать рыночные цены, по которым у них закупалось зерно. Таким образом, относительно рыночная экономика времен нэпа (по крайней мере, ее сельскохозяйственная составляющая) оказалась в ловушке эскалации потребностей.

В итоге для реализации мобилизационного сценария руководство СССР сделало ставку на изме-

нение социальной структуры советского общества вплоть до постепенной ликвидации некоторых групп, а также на изменение структуры потребностей различных групп населения.

Введение нэпа вызвало изменение социальной структуры и образа жизни людей. Наиболее заметным явлением стала новая советская буржуазия — нэпманы, совбуры. Они в значительной степени определяли лицо эпохи, но находились как бы за пределами советского общества: были лишены избирательных прав, не могли быть членами профсоюза. Предприниматели остро чувствовали непрочность своего положения. Доля частной промышленности в общем объеме промышленного производства была невысока. Частные капиталы устремились, прежде всего, в торговлю. И если оптовая торговля контролировалась в основном государством, то в розничной торговле частный сектор абсолютно доминировал.

За время нэпа частично восстановились социальные прослойки, разрушенные в годы Гражданской войны — буржуазия (в советском варианте) и интеллигенция. При этом заметно возросло число бюрократии — с 1 млн человек в 1917 г. до 3,7 млн в 1927. Заметно вырос уровень жизни населения, как городского, так и сельского, при этом заметно возросли запросы.

Однако экономический рост до 1927 г. в основном носил восстановительный характер — восстанавливались мощности, разрушенные во время Гражданской войны. К 1928 г. возникла необходимость создания новых мощностей с «нуля», что требовало гораздо больших затрат (как финансовых, так и трудовых), а также, что немаловажно, — новых технологий, собственного потенциала для создания которых в СССР не было, их необходимо было закупать на Западе. Изначально ставка делалась на то, что финансирование пойдет с Запада, однако начавшийся глобальный финансовый кризис перечеркнул эти планы. Кроме того, отказ крестьянства продавать зерно по прежним ценам ударил по платежеспособности СССР на внешних рынках, так как зерно было одним из основных предметов экспорта, и можно было рассчитывать закупать на Западе технологии именно за счет его экспорта. Кроме того, в отличие от дореволюционного периода, когда источниками зерна для экспорта были крупные латифундии, советская власть в период нэпа по идеологическим причинам сделала ставку на разукрупнение сельскохозяйственного производства. В итоге на селе стал доминировать класс «середняков», который производил продукцию в основном для собственного производства. Как видно из вышеприведенного

анализа, ситуация в СССР в 1927–28 гг. была схожа с ситуацией в России образца 2013–2015 гг.

В социально-политическом отношении советская власть при реализации мобилизационного сценария сделала ставку на следующие аспекты. Во-первых, приведение идеологического дискурса к общему знаменателю. Другими словами, точки зрения, альтернативные официальной, сначала маргинализировались, а потом и вовсе оказались под запретом под страхом уголовного преследования. Если 1920-е гг. были временем дискуссий о будущих вариантах развития советской государственности (активно выступали Н. Бухарин и «крестьянская» партия, А. Рыков, менее активно — Г. Зиновьев и Л. Каменев), то в 1930-е гг. установился общий идеологический курс, инакомыслие уже преследовалось по уголовному кодексу.

В частности, в редакции УК СССР образца 1926 г. появилась 58-я статья под общим названием «Контрреволюционная деятельность». Она содержала 14 подпунктов, как минимум один из которых касался идеологического дискурса. Это п/п 58-10: «Пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. 58-2 — 58-9), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания».

Во-вторых, ужесточение трудовой дисциплины. Та же статья 58 УК предусматривала несколько составов преступлений: 58-7. «Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий, или противодействие их нормальной деятельности, а равно использование государственных учреждений и предприятий или противодействие их деятельности, совершаемое в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций»; 58-9. «Причинение ущерба системе транспорта, водоснабжения, связи и иных сооружений или государственного и общественного имущества в контрреволюционных целях»; 58-14. (добавлено 6 июня 1937 г.) «Контрреволюционный саботаж, т.е. сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленно небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата». Примечательно, что последний состав преступления, добавленный в 1937 г., предусматривал

Рис. 1. Внутрипартийная борьба за власть в 20-е гг.

Источник: <http://схемо.pdf/shemy/istorija/jastremskii-a-m-albom-shem-po-kursu-otechestvenaja-istorija-2008-g/218.html>
(Дата обращения: 23.10.2015).

гораздо более суровое наказание (вплоть до конфискации с расстрелом), чем два предыдущих. Таким образом, «закручивание гаек» в области трудовой дисциплины проводилось постепенно, чтобы население могло адаптироваться к новым правилам.

В преддверии войны, когда уже стало ясно, что в ближайшие годы начнется масштабное столкновение с участием СССР (сразу после начала кампании Германии против Франции), произошел очередной виток ужесточения трудового законодательства. Был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.06.1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений»². В частности, п. 5 предусматривал: «Установить, что рабочие и служащие, самовольно ушедшие из государственных, кооперативных и общественных предприятий или учреждений, предаются суду и по приговору народного суда подвергаются тюремному заключению сроком от 2-х месяцев до 4-х месяцев. Установить, что за прогул без уважительной причины рабочие и служащие государственных, кооперативных и общественных предприятий и учреждений предаются суду и по приговору народного суда караются исправительно-трудовыми работами по месту работы

на срок до 6 месяцев с удержанием из заработной платы до 25%. В связи с этим отменить обязательное увольнение за прогул без уважительных причин. Предложить народным судам все дела, указанные в настоящей статье, рассматривать не более чем в 5-дневный срок и приговоры по этим делам приводить в исполнение немедленно».

Следует отметить, что документ вроде бы смягчает норму — отменено увольнение за прогул. На самом деле речь идет фактически об ограничении права граждан на свободу выбора места работы. Процесс «закрепощения» городского населения начался еще в начале 1930-х гг., когда в СССР формально была полностью ликвидирована безработица. (Подобные нормы в рамках мобилизационного сценария были введены в Белоруссии (запрет на увольнение без разрешения бюрократических инстанций), правда, они касались лишь отдельных отраслей).

Третье направление деятельности советских властей в рамках реализации мобилизационного сценария — ротация элиты, замена кадров на более молодые и активные, но при этом менее самостоятельные. Нет необходимости подробно описывать этот известный аспект деятельности сталинского режима, однако, если вывести за скобки методы, которыми проводилась ротация элиты, можно отметить, что общий

² http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4252.htm (Дата обращения: 23.10.2015).

уровень исполнительской дисциплины повысился. Во многом это получилось благодаря тому, что кадры были молодыми и несамостоятельными в суждениях, слепо верили в непогрешимость руководства и его решений. Предыдущее поколение, которое зачастую имело еще дореволюционный партийный стаж, привыкло к атмосфере дискуссий и существованию различных мнений [1].

Наконец, нельзя не остановиться на таком моменте, как информационно-идеологическая обработка населения. В стране, в отличие от 1920-х гг., культивировался образ «человека труда», искусственно создавались герои, образцы для подражания (самый яркий пример — Стаханов и движение стахановцев). В этом направлении работали не только СМИ, но и, в широком смысле, творческий цех. Выходило много «производственных» книг и фильмов. Один из наиболее ярких примеров — «Свинарка и пастух». В фильме представлен транслировавшийся тогда властью по различным каналам коммуникации с населением сюжет (современными словами): трудолюбивый и обязательно герой (пастух Мусаиб, вступил в схватку с волками), но при этом не карьерист, завоевывает любовь девушки-трудолюбивки (что важно — другой национальности), победив в этом деревенского лодыря.

В целом сценарий сталинской «мобилизации-1» с точки зрения поставленных целей можно считать успешным. С экономической точки зрения удалось создать механизм, который оперативно позволил перебросить мощности на восток и быстро наладить там производство продукции для нужд фронта. С социально-политической — была достигнута однородность общества (как в политическом, так и, но меньше, в социальном плане). Эти два фактора внесли решающий вклад в победу СССР в Великой Отечественной войне.

Однако при этом следует помнить, что СССР в то время находился в состоянии демографического подъема, на что наложился процесс урбанизации (отчасти естественный, отчасти — инициированный властями). Это привело к появлению в городах масс сельских жителей с низким уровнем потребительских претензий, которые и стали основным человеческим капиталом для реализации мобилизационного сценария. Большинство из них стало рабочими и низшим менеджментом, наиболее «продвинутые» поступали в средние и высшие учебные заведения и делали карьеру на высшем уровне. Наиболее типичный карьерный путь руководителя СССР образца 1965–1990 гг. следующий: выходец из сельской местности поступает в высшее или среднее учебное заведение,

после окончания начинает работу на производстве, потом переходит на партийную работу и начинает делать там карьеру.

2. Реализация второго «сталинского» мобилизационного сценария

Второй тип мобилизационного сценария — сталинская мобилизация № 2 (послевоенная). Она несколько отличается от первой как по причинам, так и по механизмам. Во-первых, она носила вынужденный характер, в отличие от предыдущей (по крайней мере, более вынужденный — стране необходимо было восстановиться после войны). Во-вторых, предпосылки для реализации мобилизационного сценария уже существовали — вся система была выстроена и отточена в предвоенные и военные годы. В-третьих, речь шла не о переходе к мобилизационному сценарию, а о его «конверсии» — переходе от военного типа к мирному.

Социальным фоном для реализации сценария сталинской мобилизации №2 стала победа в Великой Отечественной войне. Это породило волну эйфории у граждан, которые ждали повышения количественных (уровень доходов и потребления) и качественных (безопасность, здравоохранение и т.п.) показателей жизни и готовы были мириться с временными трудностями при условии, что тренд на повышение уровня жизни будет очевидным.

В целом власти СССР были готовы удовлетворить такой запрос, который объективно совпадал с трендом демилитаризации экономики. Были сняты некоторые ограничения «режима военного времени»: восстановлен 8-часовой рабочий день, отменены обязательные сверхурочные, восстановлены ежегодные отпуска. Подтверждался принцип сдельной оплаты труда. Наркоматы минометного вооружения и танковой промышленности преобразованы, соответственно, в наркомат машиностроения и приборостроения и наркомат транспортного машиностроения. Однако вследствие начавшейся «холодной войны» глобальной демилитаризации советской экономики не произошло.

Важным фактором послевоенного (как и довоенного) мобилизационного сценария стала постановка сверхцели. По оценкам западных экспертов, восстановительный период в СССР должен был продлиться около 15–20 лет. Но в феврале 1946 г. Сталин заявил о необходимости в течение трех пятилеток добиться трехкратного превышения объема промышленного производства предвоенного времени. Он подчеркнул, что «только при этом условии можно считать, что наша Родина будет гарантирована от

всяких случайностей». Уже по плану пятилетки 1946-1950 гг. объем валовой продукции должен был превзойти предвоенные показатели на 48%.

Для реализации сверхцели(ей) с помощью конструирования социальной реальности и общественных проектов проводилась масштабная обработка общественного мнения. Благодаря осуществлению комплекса мероприятий, среди которых первостепенное значение имела эксплуатация энтузиазма победителей в войне (например, неостахановское движение «скоростников»), мобилизационные меры руководства (включая принудительный труд заключенных), репарации из Германии, за четвертую пятилетку довоенный экономический потенциал фактически был восстановлен.

При этом власти СССР пытались удовлетворить запрос населения на повышение качества уровня жизни, несмотря на то, что реально это было трудно сделать. Так, хотя в 1947 г. карточки на продукты питания в СССР были отменены (в первой из стран, существенно пострадавших от войны), твердые цены повысились в 2,5-3,5 раза. После этого регулярно осуществлялись акции по снижению цен на товары массового потребления, что широко освещалось в СМИ. Главной задачей властей было создать у граждан ощущение неуклонного роста уровня жизни. Во многом за это платили обеспеченные слои населения. Способом изыскания дотаций на осуществление этого послужила денежная реформа, проведенная на основании постановления от 14 декабря 1947 г. «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары». Реформа носила конфискационный характер, отразившись на материально преуспевающих слоях населения. Старые деньги подлежали обмену по курсу 10:1. Вклады в сберегательные кассы в размере более 3000 рублей переоценивались в пропорции 2:1.

Важным политическим ходом власти (он был осуществлен еще во время войны, но действие его пролонгировано и на период послевоенной мобилизации) стала реабилитация Русской православной церкви. Таким образом власть заручилась поддержкой тех слоев населения, кто не относил себя к атеистам. Точной статистики, по понятным причинам, не существует (социологические замеры, даже закрытые, тогда не проводились), но представляется, что это были широкие массы, особенно за пределами крупных городов и в сельской местности.

Еще в период войны обнаружилось принципиальное изменение характера взаимоотношений государства и православной церкви — от конфронтации к сотрудничеству. В послевоенные годы актуальность

динамики церковной реставрации усиливается. За период с 1946 по 1953 г. почти в два раза возросло число церковных приходов. Работа на перспективу церковного строительства выразилась в учреждении двух духовных академий и восьми семинарий. С пасхальных торжеств 1946 г. возобновилась богослужebная практика в Троице-Сергиевой лавре, актуальным стал вопрос о возвращении монастыря в ведение патриархии. На подготовленное в 1948 г. под общим руководством М.А. Сулова постановление «О задачах антирелигиозной, атеистической пропаганды в новых условиях», в котором провозглашалась задача искоренения религии как непременное условие перехода от социализма к коммунизму, Сталин наложил вето.

Пытаясь повысить статус Московской патриархии во вселенском православном движении, Сталин добивался присуждения ей вместо пятой порядковой строчки первой позиции. Реабилитация православия не подразумевала реализацию принципа свободы совести. Православный прозелитизм сопровождался гонениями на исторических соперников Московской патриархии. В постановлении Совета по делам культов от 1948 г. проводилась, вопреки тезису об отделении церкви от государства, дифференциация религиозных направлений по степени их приемлемости для режима. К первой группе относилась лишь православная церковь, которой надлежало оказывать содействие; ко второй — армяно-григорианская, исламская и буддистская конфессии, предполагавшие терпимое отношение; к третьей — католицизм, лютеранство, иудаизм, старообрядчество, объявленные учениями, враждебными советской власти. В 1946–1949 гг. упразднено легальное существование в СССР униатской церкви в условиях вооруженного сопротивления террористических группировок сепаратистского движения. На московском совещании глав и представителей православной церкви, состоявшемся в 1948 г. по случаю 500-летия автокефалии РПЦ, были подвергнуты осуждению экспансионизм римской курии и экуменистические тенденции развития христианства на Западе. Эволюция управленческой системы заключалась в переносе центра тяжести от партии к структурам государственной исполнительной власти [2].

Итоги реализации сценария «сталинской мобилизации № 2» также можно считать успешными. Однако, в отличие от предыдущей, ее успех во многом был предопределен уже существующим порядком вещей. С одной стороны, после войны страна фактически лежала в руинах, был существенно подорван ее экономический и человеческий потенциал. С дру-

гой — базовые условия для реализации сценария были уже готовы. Еще до войны была создана и налажена плановая модель экономики (во время войны она была «протестирована» в режиме «перегрузок») и, выражаясь современным языком, «вертикаль власти». Кроме того, была эйфория от победы над внешним врагом, что стало дополнительным стимулирующим фактором. Наконец, свою роль сыграл «эффект низкой базы». Если во время реализации сценария № 1 речь шла об ограничении как уровня потребления, так и прав граждан, то во время реализации сценария № 2 — наоборот. Уровень потребления по сравнению с военным временем повысился (зачастую власть с помощью пропаганды создавала лишь иллюзию этого), а уровень ограничения прав граждан снизился. Так, в экономике многие предприятия вернулись к 8-часовому рабочему дню и т.п., на короткое время была отменена смертная казнь (1947–1950 гг.).

3. Реализация андроповско-горбачевского сценария

Еще одной попыткой реализации мобилизационного сценария, правда, на этот раз неудачной, можно считать «андроповско-горбачевский» сценарий. Его отличие от двух предыдущих, помимо неудачной реализации, заключается еще и в том, что по типологии его можно отнести скорее к «мягкому», чем к «жесткому» типу. Однако это все равно был мобилизационный сценарий, так как ставка делалась на административные (принудительные) механизмы, а не на рыночные.

Речь идет о так называемом «ускорении». Принято считать, что авторство этого термина принадлежит М.С. Горбачеву, хотя впервые его использовал Ю.В. Андропов в ноябре 1982 г. на пленуме ЦК КПСС: «Намечено ускорить темпы развития экономики, увеличить абсолютные размеры прироста национального дохода... Напряженные задания должны быть выполнены при сравнительно меньшем увеличении материальных затрат и трудовых ресурсов».

Причина реализации мобилизационного сценария была вполне прозрачна — растущее отставание СССР от стран Запада [3]. Стране была необходима стратегия. Уже при Брежневле стало заметно техническое отставание СССР от Запада, где происходила новая научно-техническая революция. Ее характер, связанный с ускорением обмена информацией, внедрением гибких сетевых структур, не был осознан советским руководством. Оно пока не было склонно менять социальную структуру, систему управления, а надеялось централизованно «внедрить» совре-

менную технику. В итоге СССР уперся в НТР как в барьер, который не мог преодолеть. А без этого отставание СССР становилось все более очевидным даже в главном — в военной технике. Андропов считал, что необходимо напрячь все силы, мобилизовать все резервы, чтобы преодолеть кризисную черту. Фактически уже в вышеуказанной речи была сформулирована политика ускорения [4].

В рамках «андроповского» мобилизационного сценария были выбраны три ключевых направления деятельности: укрепление трудовой дисциплины, борьба с коррупцией, усиление правопорядка. В первом случае, в июле 1983 г. был принят ряд документов, направленных на укрепление трудовой дисциплины. Нововведения в целом носили гораздо более гуманный характер, чем во время первой мобилизации. За нарушения были предусмотрены меры не уголовного или административного воздействия, а трудового (депремирование, сокращение отпуска и т.п.). В то же время был предусмотрен ряд стимулирующих мер за надлежащее исполнение своих обязанностей и различного рода выслугу лет. Принятие новых мер сопровождалось комплексом мер по их имплементации: облавами в рабочее время в местах досуга и торговли и т.п. [5].

Что касается второго направления деятельности, то она в целом носила точечный и показательный характер. С помощью антикоррупционной кампании команда Андропова боролась не столько с проблемой, сколько со своими политическими и аппаратными оппонентами из брежневской команды. Именно поэтому андроповская антикоррупционная кампания запомнилась не столько системной борьбой с коррупцией, сколько громкими делами («дело гастронома № 1» и ряда других московских торговых предприятий, отставка и самоубийство министра внутренних дел Щелокова, ряд громких дел на южных курортах и т.п.). Скорее всего, команда Андропова делала ставку на то, что элита «считает» сигналы, идущие от нового руководства страны, и сама начнет ограничивать свои коррупционные потребности.

В любом случае антикоррупционная кампания захлебнулась, так как с середины 1983 г. Андропов постоянно находился в больнице, и представители элиты это знали. У его сменщика К.У. Черненко не было воли и желания продолжать курс Андропова (хотя заведенные при нем дела коррупционеров продолжали расследоваться, а приговоры по ним были вынесены только при М.С. Горбачеве).

При этом власть делала масштабную ставку на продвижение тезисов мобилизационного сценария через различные каналы коммуникации. Следует

сказать, что творческий цех также чувствовал необходимость «мягкого» сценария мобилизации. В частности, режиссер В.Абдрашитов еще до вышеуказанных постановлений, направленных на повышение дисциплины труда, снял фильм «Остановился поезд», посвященный проблемам падения качества управления и дисциплины труда в советском обществе.

М.С. Горбачев после прихода к власти попытался продолжить курс Ю.В. Андропова. На пленуме ЦК КПСС в апреле 1985 г. было принято постановление, в котором первым пунктом было ускорение научно-технического прогресса, а вторым — интенсификация труда. Однако реализация «горбачевского» варианта мобилизационного сценария вылилась, прежде всего, в антиалкогольную кампанию, эффект от которой оценивается противоречиво. В итоге власть была вынуждена отказаться от административных рычагов воздействия на ситуацию и сосредоточиться на рыночных. В ноябре 1986 г. был принят закон «Об индивидуальной трудовой деятельности», что положило начало новому сценарию действий власти, который условно можно назвать «рыночным» — перестройке. В связи с этим сценарий «андроповско-горбачевской» мобилизации можно считать законченным.

В целом следует отметить, что причина неудачи третьего сценария мобилизации заключалась в состоянии советского общества, которое, с одной стороны, находилось в апатии, а с другой — желало новых, более высоких потребительских стандартов.

Власть вложила колоссальные средства в закупку нового, более совершенного оборудования, однако у работников и их руководства не было стимулов его использовать. Таким образом, основная причина неудачи «мобилизационного сценария № 3» заключается в том, что власть не смогла эффективно воздействовать на сознание граждан в целях перевода на мобилизационные рельсы.

В России в течение XX в. было реализовано три мобилизационных сценария: сталинский довоенный, сталинский послевоенный и андроповско-горбачевский (сценарий военной сверхмобилизации 1941–1944 гг. не в счет). Все они имели две составляющие: материально-техническая база и человеческий капитал (квалификация, психологические установки). Первые два можно считать успешно реализованными (цели достигнуты), так как власть смогла достичь целевых параметров по обоим составляющим. Третий был неуспешен, так как власти, несмотря на наличие материально-технической базы, не удалось достичь целевых установок по второй составляющей — перестроить сознание населения на мобилизационные рельсы. Таким образом, для успешной реализации мобилизационного сценария в современной России необходимо уделять повышенное внимание не только его финансово-экономическим параметрам, но и «гуманитарным», социально-политическим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончаров Г. А., Баканов С. А., Гришина Н. В., Пасс А. А., Фокин А. А. Мобилизационная модель развития российского общества в XX веке: монография. — Челябинск: Энциклопедия, 2013.
2. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах [Текст] / Пер. с англ. В.В.Рокитянский. — М. Прогресс-Традиция, 2004.
3. Иноземцев В.Л. Модернизация России в контексте глобализации // Современные проблемы развития [Текст]: материалы Теоретического семинара / [отв. ред. В.Г. Хорос]. — М.: ИМЭМО РАН, 2010.
4. Cheremukhin, Anton and Golosov, Mikhail and Guriev, Sergei M. and Tsyvinski, Aleh. Was Stalin Necessary for Russia's Economic Development? September 2013. URL: <http://ssrn.com/abstract=2325798>. — Дата обращения: 23.10.2015.
5. Ivan Krastev. Paradoxes of the New Authoritarianism // Journal of democracy. April 2011, Vol. 22, Number 2. P. 14-15.

REFERENCES

1. Goncharov G.A., Backanov S.A., Grishina N.V., Pass A.A., Fockin A.A. *Mobilizacionnaya model' razvitiya rossiiskogo obzhestva v XX veke* [The mobilization model of development of the Russian society in the twentieth century]. Chelyabinsk, 2013.
2. Hangtinton S. *Politichesky porjadok v menyaushihsy obschestvah* [Political Order in Changing Societies]. Moscow, 2004.
3. Inozemtsev V.L. *Modernizatziya Rossii v kontekste globalizacii* [Modernization of Russia in the context of globalization]. *Sovremennie problemi razvitiya. Materiali teoreticheskogo seminara* [Modern problems of development. Materials of a theoretical seminar]. Moscow, 2010.
4. Cheremukhin, Anton and Golosov, Mikhail and Guriev, Sergei M. and Tsyvinski, Aleh. Was Stalin Necessary for Russia's Economic Development? September 2013. Available at: <http://ssrn.com/abstract=2325798>. (accessed 23 October 2015).
5. Ivan Krastev. Paradoxes of the New Authoritarianism. Journal of democracy. April 2011, Vol. 22, Number 2. P. 14-15.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 330.354

DOI 10.12737/17056

Знаковые блага и символический рост

Зубец Алексей Николаевич

Д-р экон. наук, руководитель Департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ, руководитель Центра стратегических исследований компании «Росгосстрах»

e-mail: ANZubets@fa.ru

В настоящее время одним из наиболее интересных направлений экономической науки является построение унифицированной теории экономического роста. Концепция догоняющего развития представляется достаточно обоснованной для того, чтобы стать фундаментом такой теории. Стартовым механизмом догоняющего развития является возникновение зон инновационного роста и новых стандартов потребления, базирующихся на более высокой производительности труда в новых производствах. Догоняющее развитие стартует при заимствовании стандартов потребления и технологий, которые их поддерживают. Исследования показали, что основной фактор, определяющий скорость догоняющего развития — это обеспеченность населения знаковыми предметами потребления. Недостаточный уровень обеспеченности знаковыми благами вызывает недовольство населения своей жизнью, что, в свою очередь, обеспечивает повышение экономической активности граждан. Результатом повышения экономической активности является рост производства товаров и услуг.

Ключевые слова: экономический рост, догоняющее развитие, конвергенция, престижные блага, знаковые предметы потребления.

Sign Benefits and Symbolical Growth

Zubets Alexey Nikolaevich

Doctor of Economics, Head of Sociology Department of Financial University under the Government of the Russian Federation, Head of Rosgosstrakh Company's Strategic Researches Center

E-mail: ANZubets@fa.ru

Today one of the economic science's most interesting directions is creation of the unified theory for economic growth. The catching-up development concept appears as rather reasonable to become the base of such theory. The catching-up development's starting mechanism is an emergence of innovative growth zones and new standards of consumption which are based on more high working efficiency in new productions. The catching-up development starts at loan of consumption standards and technologies which support them. The researches have shown that the major factor determining the catching-up development speed is a providing of population with sign consumer goods. An insufficient level of the providing causes the population's discontent with the life that, in turn, provides the citizens' economic activity increase. An increase in goods and services production is a result of economic activity increase.

Keywords: economic growth, catching-up development, convergence, prestigious benefits, significant consumer goods.

Как известно, экономика — наука социальная: экономические явления не существуют вне человеческого сознания. Современные модели экономического роста очень часто включают прямые математические зависимости одних экономических

переменных от других. Однако такой подход не соответствует реальности, поскольку между экономическими показателями стоит человек с его ожиданиями, страхами, оценками и стратегиями поведения. Поэтому построение эффективных матема-

тических моделей, описывающих экономический рост, невозможно без учета особенностей поведения населения.

Одним из наиболее перспективных и востребованных направлений научных исследований в настоящее время является разработка унифицированной теории экономического роста, которая помогла бы сформулировать набор мер для поддержания долгосрочного, устойчивого развития производства и повышения качества жизни людей. В настоящее время на роль переменных, определяющих экономический рост, ученые предлагают широкий набор показателей. В него входят:

- 1) норма сбережений и размер инвестиций;
- 2) демографические изменения, прежде всего — рост населения и демографический переход;
- 3) развитие институтов, способных обеспечить условия для быстрого экономического роста;
- 4) человеческий капитал как способность персонала предприятий (или общества в целом в рамках более широкой трактовки) обеспечить рост экономики и социальное развитие;
- 5) производственная культура (способность к самоорганизации на производстве);
- 6) ценности и убеждения населения;
- 7) знания, в более узком смысле — технологии и технический прогресс¹.

В настоящее время одной из наиболее распространенных, не вызывающих возражений моделей экономического роста является теория конвергенции, или догоняющего развития, согласно которой страны с более низким душевым ВВП развиваются быстрее, чем богатые государства². Догоняющее развитие менее благополучных территорий происходит в основном за счет заимствования в более успешных странах стандартов потребления и технологических новаций, обеспечивающих воспроизводство более высокого качества жизни. Вместе с ними заимствуются институты, социальные модели, а также способы организации рынков, обеспечивающие более или менее полное воспроизводство социальных и экономических структур, характерных для развитых государств. К числу заимствований, среди прочего, относится интеграция «догоняющих» стран в систему

мировой торговли товарами и услугами, а также в мировую финансовую систему. В целом эта теория легко подтверждается фактическими данными. Скорость развития экономики достаточно сильно коррелирует со значением душевого ВВП в начале анализируемого интервала (рис. 1).

На рис. 1 представлены данные по странам, относительно которых имеются оценки душевого ВВП в сопоставимых ценах за период с 1970 по 2011 г. Для рассмотрения отобраны государства с населением более 5 млн человек по состоянию на конец рассматриваемого интервала, а также со среднегодовым ростом числа жителей менее 1%³. Использование этих критериев отбора обусловлено следующими причинами. Мы исключаем из рассмотрения малые государства, так как их экономики часто очень волатильны и не самодостаточны. Чрезмерная зависимость от соседних государств и экономическая специализация (например, на финансовых операциях или туризме) не дают в полной мере проявиться закономерностям экономического роста. Кроме этого, мы не рассматриваем страны с быстрым ростом населения. На этом критерии отбора следует остановиться особо.

Мы считаем, что классические закономерности экономического роста работают в полной мере только в странах с невысоким годовым приростом числа работоспособных граждан. Обеспечение социально-экономического развития в условиях быстрого увеличения численности рабочей силы требует привлечения значительных дополнительных инвестиций в производство для создания новых рабочих мест с растущим уровнем оплаты труда. При недостатке вложений в развитие бизнеса работоспособные граждане не могут повысить объем потребления до целевого уровня. Более того, в странах с быстрорастущей численностью занятых в производстве часто происходит обратный («мальтузианский») процесс, выражающийся в сокращении реальных доходов населения на фоне увеличивающейся конкуренции за рабочие места. Если граждане не способны повысить качество жизни в рамках действующей экономической системы, то у них появляется соблазн добиться своего неправовыми, силовыми способами.

¹ Подробнее о современном состоянии исследований в области формирования унифицированной модели экономического роста см.: Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. В 2 томах. Том 1, гл. 1.

² A game of catch-up. The shift in economic power from West to East is accelerating, says John O'Sullivan. The rich world will lose some of its privileges // The Economist. Sep 24th 2011.

³ Точность расчетов можно повысить, используя в качестве критерия отбора рассматриваемых стран не рост населения, а среднегодовое увеличение численности рабочей силы (населения трудоспособного возраста). Однако по этому показателю в статистических данных Penn World Tables имеются довольно существенные пробелы, что определяет использование роста населения как индикатора демографической напряженности в экономике страны.

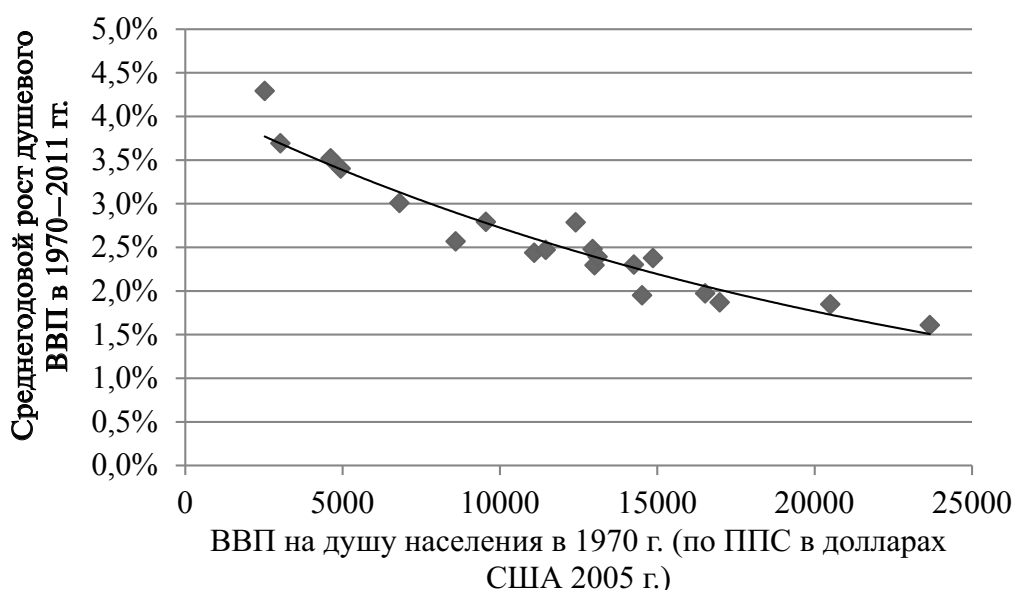

Рис. 1. Соотношение душевого ВВП в 1970 г. (по ППС в ценах 2005 г.) и среднего роста душевого ВВП в 1970–2011 гг. по странам мира с населением более 5 млн чел. и среднегодовым ростом населения менее 1%.

Источник: расчеты автора по данным PWT 8.0.

Поэтому страны с быстрорастущим населением часто скатываются к хаосу и гражданской войне: исследования показывают, что существует четкая зависимость между годовым ростом численности трудоспособных граждан и местом страны в рейтинге недееспособности государств, рассчитываемом Fund for Peace и журналом Foreign Policy. Чем быстрее растет население, тем больше шансов у страны войти в число проблемных государств с неэффективными социальными институтами [1].

Надо помнить, что в большинстве стран с невысоким уровнем экономического развития снижение смертности, повышение продолжительности жизни и, как следствие, рост численности населения вызваны не столько внутренней логикой экономического развития, сколько внешним вмешательством. Международные организации, благотворительные фонды, правительства развитых государств (как и их население) считают неприемлемым уровень заболеваемости и смертности в слаборазвитых государствах. Человеку свойственно проецировать события окружающего мира на себя, сопереживать и сочувствовать

другим, поэтому страдания людей в бедных странах Африки и Азии понижают качество жизни европейцев или американцев. Следствием этого является массированная помощь, нацеленная на улучшение здравоохранения, борьбу с голодом, обеспечение доступа к чистой воде и т.п. — и не факт, что эти меры были бы реализованы правительствами слабых государств, даже если бы у них для этого были необходимые ресурсы. В связи с этим мы считаем рост населения и экономическое развитие явлениями разной природы. Как показывает опыт, в современном мире рост населения чаще всего выступает как внешнее неблагоприятное воздействие, не имеющее прямого отношения к качественному развитию экономики и росту душевого ВВП. Поэтому мы исключаем страны с быстрорастущей численностью рабочей силы из анализа механизмов экономического роста⁴.

Встречаются утверждения, что теория догоняющего развития полностью оправдывается только на экономической статистике второй половины XX в. [2]. Это не вполне так. Действительно, на

¹ Для целей исследования экономического развития основной интерес представляет динамика душевого ВВП, отражающая качественный рост производства. Например, для финансистов, занятых инвестированием в фондовые рынки различных государств, наибольшее значение имеет, наоборот, валовый прирост ВВП, выражающийся в стоимости акций и долговых ценных бумаг. Для его прогнозирования важен не только качественный рост экономики, но и количественный рост рабочей силы. Так что исключение роста населения из рассмотрения или, наоборот, его учет, зависит от характера решаемой задачи.

экономической статистике XVIII—XIX вв. эта концепция работает несколько хуже. Но дело здесь не в ошибочности самого подхода, скорее, нам просто не хватает более точных экономических данных по странам мира того времени. Кроме того, догоняющее развитие нуждается в более или менее свободном распространении идей — сведений о новом, более высоком качестве жизни в экономически развитых странах, а также технологиях, которые его поддерживают. Идеальные условия для обмена знаниями возникли во второй половине XX в., что определило эффективность экономических моделей, построенных на предположении о догоняющем развитии. В более ранние времена идеи и представления о новых возможностях в потреблении распространялись намного медленнее — их тормозили малые объемы международной торговли и низкий уровень мобильности, которые, в свою очередь, вытекали из недостаточного социально-экономического развития государств того времени. Недостаточность информационного обмена приводила к тому, что для запуска механизмов догоняющего развития требовалась значительная «разность потенциалов» в качестве жизни населения: слабые страны начинали проявлять экономическую активность, только если отставание от лидеров по уровню потребления становилось очень большим.

Например, в Нидерландах в самом конце XVI в. появился новый тип грузового торгового судна — флейт. Он отличался низкой стоимостью строительства и эксплуатации, высокой скоростью, маневренностью, удобством. Голландские купцы увидели в нем большие возможности для развития своего бизнеса. Широкомасштабное строительство подобных судов, государственная поддержка дальнейшей морской торговли, захват португальских колоний в Юго-Восточной Азии обеспечили Нидерландам в XVII в. неоспоримое превосходство на морях, статус основного морского перевозчика, и, как следствие, кратное превосходство в уровне жизни населения по сравнению с соседями. Голландская модель процветания стала образцом для реформ, проведенных во второй половине XVII в. Кольбером во Франции.

Анализ данных Maddison Project показывает, что Англия совершила прорыв в развитии в середине XVII — начале XVIII вв. после того, как Нидерланды обогнали ее по размеру душевого ВВП без малого в 3 раза (в 2,9 раза по состоянию на 1650 г.), через 50 лет, в 1700 г. отставание от Нидерландов по размеру душевого ВВП составляло уже менее 40%.

Для сокращения отставания от Нидерландов Великобритания также пошла путем заимствования

голландских рецептов процветания — прежде всего, сюда относится наращивание флота и колониальной империи. К ним добавились торговый протекционизм и военное преследование конкурентов — к мерам по подавлению торговых соперников относится, в частности, череда англо-голландских войн. Сверх этого, для достижения голландского образца процветания Великобритания перешла к стимулированию инноваций и созданию институтов, облегчающих экономическое развитие. Эти меры потребовали политической воли, решимости, больших расходов и людских потерь в многочисленных конфликтах. Однако наградой за предпринятые усилия стало повышение качества жизни купечества и промышленников, аристократии и населения в целом, а также рост могущества страны. Система стимулов к росту, созданная в Великобритании, оказалась настолько успешной, что со временем эта страна сама стала для остальной Европы носителем стандарта высокого качества жизни (примером возможного благополучия граждан) и одновременно — источником передовых технологий, моделью для организации производства и экономической среды.

Другой пример. Экономическое развитие России заметно ускорилося после того, как отставание по душевому ВВП от Германии, ближайшего успешного соседа, на протяжении столетий служившего для россиян эталоном качества жизни, достигло трехкратной отметки (3,02 по состоянию на 1891 г.). На этом история догоняющего развития на российской территории не закончилась. Слом советской политической системы произошел из-за катастрофического отставания СССР от Западной Европы по уровню жизни. Согласно данным Maddison Project, в 1991 г. СССР отставал от Германии по ВВП на душу населения в 2,6 раза, а по обеспеченности знаковыми потребительскими благами — в 4–8 раз.

Расчеты приводят к следующему выводу: как правило, экономическое развитие страны ускоряется, если она отстает от наиболее благополучного соседа более чем в 2–3 раза. Так что, очевидно, догоняющее развитие — это не новость последних лет, а явление, существовавшее в экономике на протяжении последних столетий, и не утратившее актуальности и в настоящее время.

Понятно, что меры, нацеленные на ускорение социально-экономического развития страны, более или менее болезненны для различных групп населения, так как требуют ограничения традиционных свобод. Создание институтов развития, например, невозможно без ограничения прав элитных групп. Участие в сложных индустриальных процессах вы-

зывает потребность в самоконтроле и создании производственных культурных навыков у рабочих. Эффективная судебная система делает более сложным уклонение от ответственности и выполнения принятых на себя обязательств⁵. Однако наградой за эти самоограничения для общества служит расставание с бедностью и стрессом, вызванным наличием поблизости богатого и преуспевающего соседа. Именно поэтому справедливо утверждение о том, что цивилизация — это разумное ограничение прав в общих интересах.

Важный вопрос, возникающий в связи с догоняющим развитием, — как работает этот механизм на практике, в конкретных условиях социально-экономического взаимодействия различных территорий? Очевидно, что душевой ВВП богатой страны не может непосредственно влиять на экономические показатели другого государства. Как мы уже говорили, экономические индикаторы субъективны и не отделимы от человеческого сознания. Так что душевой объем ВВП напрямую не зависит от масштабов производства товаров и услуг в соседней стране. Поэтому теория догоняющего развития будет неполной, если мы не найдем субъективный социальный «переходник», играющий роль «приводного ремня» от одного экономического показателя к другому — от душевого ВВП в процветающей стране к показателям роста производства в менее успешном государстве.

Здесь надо остановиться на главных «приводных рычагах» экономической мотивации человека. С XVIII в. в работах по экономике (в частности, в работе Дж. Стюарта «Исследование принципов политической экономии») основой экономической мотивации признавался консюмеризм — стремление обладать различными престижными материальными благами, создающими более высокое качество жизни [3]. Понятно, что механизм пробуждения экономической активности индивида сложнее, чем простая зависть к состоятельному ближнему, однако, это не меняет сути дела: очевидно, что наличие поблизости живых, осязаемых примеров более высокого качества жизни способствует пробуждению стремления жить не хуже, а значит — и зарабатывать не меньше⁶. Исследования показывают, что в настоящее время большинство россиян в своих представлениях о

желаемом качестве жизни ориентируются на собственное социальное окружение [4]. Поэтому логично предположить, что экономический рост вызывается межстрановой дифференциацией по уровню потребления, а также расхождениями в уровне жизни внутри страны, которая является следствием межстрановой дифференциации.

Однако эта модель нуждается в уточнении. Многочисленные исследования (включая исследования МВФ [5]) показывают, что дифференциация населения страны по уровню дохода слабо коррелирует с темпами роста душевого ВВП. Отсутствие связи между этими характеристиками можно объяснить следующим образом. Дело в том, что дифференциация населения по уровню дохода сама по себе не явная, тем более что, как правило, люди стараются избегать огласки своего финансового благополучия и суммы накоплений. Именно поэтому денежная дифференциация населения не играет заметной роли в активизации экономической активности, без которой невозможен экономический рост. На практике потребитель соотносит себя с социальным окружением не по сумме финансовых активов, а по обеспеченности знаковыми товарами и услугами, являющимися признаками социального статуса (к ним могут относиться автомобиль, смартфон, одежда и часы премиальных брендов, путешествия за границу, загородный дом, посещение дорогих ресторанов и т.п.). Попутно заметим, что знаковые предметы потребления имеют для индивида столь большое значение в силу того, что пользование ими означает для него снятие различных раздражающих ограничений и существенное увеличение степени свободы, например в перемещениях или доступе к информации.

При этом ощущение благополучия гораздо больше зависит от уровня обеспеченности знаковыми благами, чем от их стоимости. На этой особенности дифференциации населения по уровню потребления следует остановиться отдельно. Поясним ее на примере. Уровень свободы человека в перемещении гораздо больше зависит от самого факта наличия автомобиля, нежели от его стоимости. Дело в том, что автомобиль за 40 тыс. долл. по своим потребительским свойствам не превосходит в два раза машину за 20 тыс. долл. — его салон не в два раза больше, он не ездит в два

⁵ С развитием судебной системы перестает работать «правило», описанное М.Е. Салтыковым-Щедринным, согласно которому строгость законов смягчается необязательностью их исполнения.

⁶ Здесь уместнее говорить не столько о зависти, сколько о «чувстве долга» перед ближним окружением индивида в части повышения уровня потребления, а также о стремлении не выпасть по уровню жизни из состава «уважаемых» социальных групп. В сумме такая экономическая мотивация сводится к желанию сохранить общественное уважение и комфортность бытия в меняющемся социально-экономическом окружении.

раза быстрее и не ломается в два раза реже. Более того, начиная с определенной стоимости потребительские качества автомобиля, наоборот, начинают ухудшаться: дорогой спортивный автомобиль престижной марки гораздо меньше подходит для ежедневных потребностей домохозяйства, нежели намного более дешевый минивэн. Таким образом, факт появления автомобиля в семье по вкладу в увеличение степени свободы и, соответственно, в повышение удовлетворенности жизнью намного превосходит кратное увеличение его стоимости. В связи с этим в моделях экономического роста в качестве поведенческой причины повышения производственной активности населения вместо финансовой дифференциации населения следует использовать, скорее, обеспеченность знаковыми предметами потребления.

Такое замещение в полной мере подтверждается фактическими данными. Исследования показывают, что наличие автомобиля в семье является одним из наиболее важных признаков, по которым семья относит себя к числу благополучных⁷. Поэтому с определенными допущениями мы можем предпо-

ложить, что, например, средняя обеспеченность пассажирскими автомобилями представляет собой меру дифференциации населения по доступу к престижным благам. Малая автомобилизация означает концентрацию машин в руках узкой группы лиц и, соответственно, высокий уровень неравенства; значительное распространение автотранспорта является признаком широкого пользования этими благами и низкого уровня дифференциации потребителей по свободе перемещения.

Исследования показывают, что существует тесная связь между обеспеченностью населения знаковыми потребительскими благами и удовлетворенностью граждан своей жизнью (рис. 2). В свою очередь, удовлетворенность населения комфортностью существования определяет уровень его экономической активности и, соответственно, рост ВВП страны: чем выше удовлетворенность жизнью, тем ниже экономическая активность и, соответственно, скорость роста экономики (рис. 3). Обладание широким набором потребительских благ делает население более пассивным, не склонным к риску и прояв-

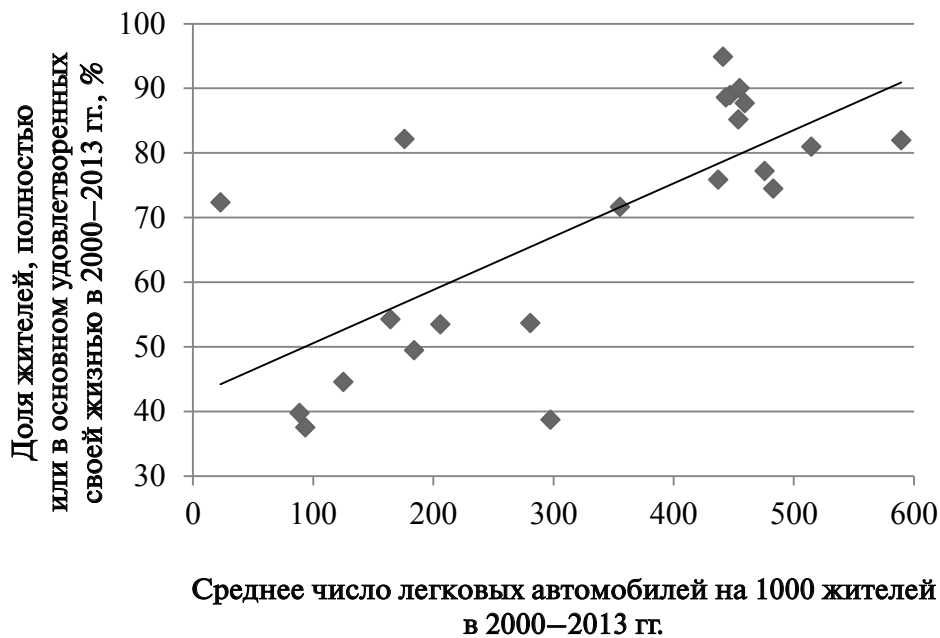

Рис. 2. Соотношение средней автомобилизации и удовлетворенности населения своей жизнью в 2000–2013 гг. по странам мира с населением более 5 млн чел. (по состоянию на 2013 г.) и среднегодовым ростом рабочей силы менее 1%.

Источник: расчеты автора по данным World Bank и World Values Survey.

⁷ Кроме собственного автомобиля к основным признакам благополучия, по данным наших исследований, относятся наличие собственного жилья (дома или квартиры), оборудованного современной бытовой техникой, доступ к платным образовательным и медицинским услугам, а также возможность путешествий на отечественные курорты или за границу.

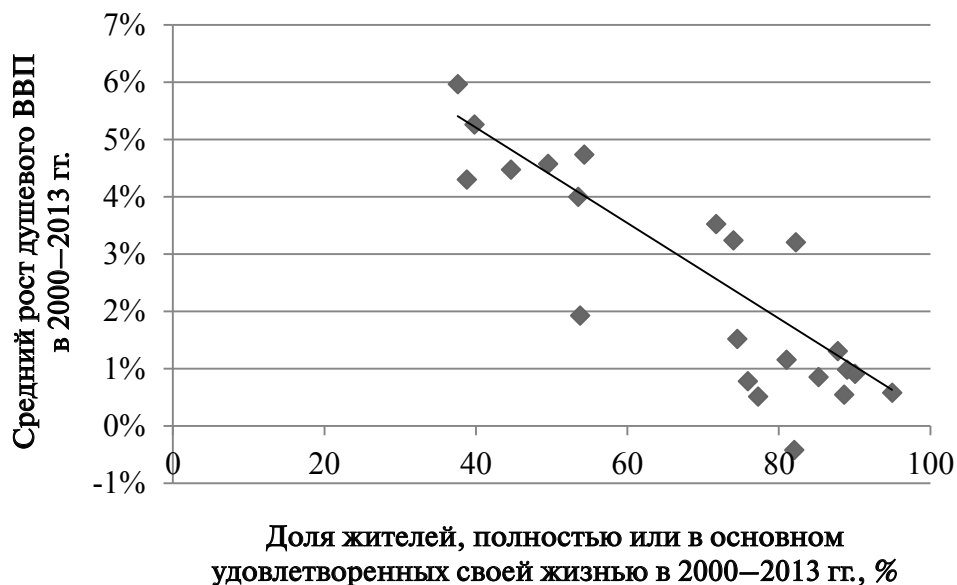

Рис. 3. Соотношение удовлетворенности населения своей жизнью и роста среднего душевого ВВП в 2000–2013 гг. по странам мира с населением более 5 млн чел. (по состоянию на 2013 г.) и среднегодовым ростом рабочей силы менее 1%.

Источник: расчеты автора по данным World Bank и World Values Survey.

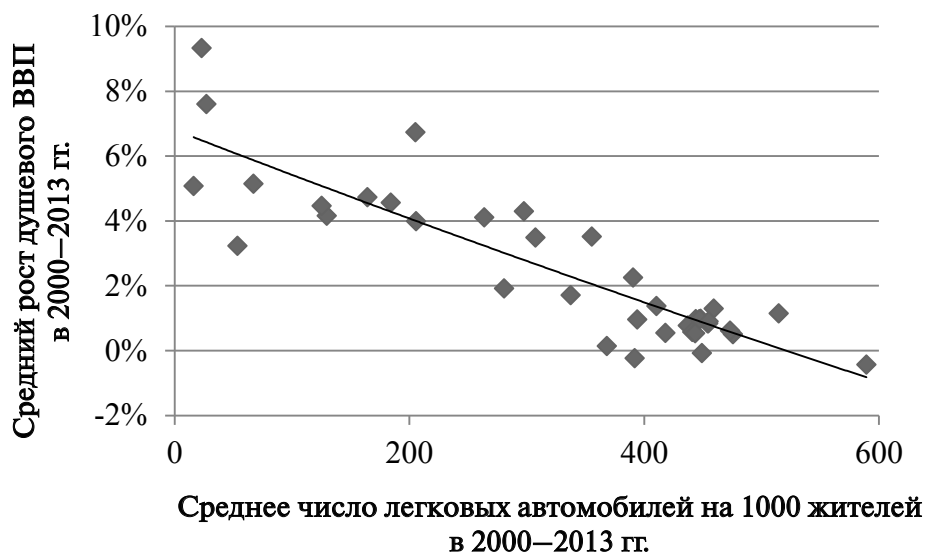

Рис. 4. Соотношение средней автомобилизации и роста среднего душевого ВВП в 2000–2013 гг. по странам мира с населением более 5 млн чел. (по состоянию на 2013 г.) и среднегодовым ростом рабочей силы менее 1%.

Источник: расчеты автора по данным World Bank.

лению экономической инициативы. Вообще говоря, обеспеченность знаковыми предметами потребления можно напрямую замкнуть на рост ВВП (рис. 4), что приведет к повышению качества жизни, так как доступные данные об удовлетворенности жизнью по многим странам еще не вполне точны.

Однако связующим звеном между обеспеченностью престижными благами и развитием экономики являются все же настроения населения, управляющие его готовностью выйти из «зоны комфорта» и прилагать усилия для повышения качества собственной жизни.

Исходя из этого, рабочая гипотеза относительно цепочки воздействий, вызывающих экономическую активность населения, в рамках теории догоняющего развития могла бы выглядеть следующим образом: инновационный прорыв — межстрановая дифференциация населения по уровню жизни — догоняющее развитие.

Исходной точкой экономического роста всегда является креативный технологический прорыв. Вокруг новых технологий возникают инновационные производства, способные вывести на рынок ранее неизвестные и востребованные населением товары и услуги, или же повысить производительность труда в традиционных производствах. Высокий спрос на инновационные блага со стороны бизнеса и населения, растущая производительность труда обеспечивают рост благополучия сотрудников инновационных компаний, а следовательно, и общества в целом.

Мобильность населения и информационные обмены приводят к тому, что сведения о новом, более высоком стандарте качества жизни распространяются по соседним территориям. С ним становятся известны и способы достижения нового качества жизни — понятно, на какие технологии и институты опирается благополучие государства в целом или отдельных социальных групп, какое образование, какие навыки и действия требуются от человека для интеграции в благополучные социальные группы.

Появление территории, кратко превосходящей соседние страны по уровню благополучия граждан, стимулирует активность политического руководства и предпринимателей смежных государств, имеющую целью наверстать упущенное в части богатства и могущества.

Перенос передовых моделей потребления в сочетании с технологиями, поддерживающими более высокую производительность труда, обеспечивают приток инвестиций в развитие новых отраслей экономики на территориях, которые пошли по пути догоняющего развития. Он, в свою очередь, создает предложение высокооплачиваемых рабочих мест в сфере обслуживания новых производств. Поэтому появление новых быстроразвивающихся рыночных сегментов вызывает дифференциацию населения по уровню потребления. В силу более высокого качества жизни предприниматели и персонал, обслуживающие передовые секторы экономики, становятся моделью качества жизни для основной массы своих сограждан. Отставание от наиболее успешных социальных групп подталкивает их к тому, чтобы догнать по уровню благополучия, используя для этого экономические и политические инструменты — повышение соб-

ственной экономической активности или политическую борьбу за перераспределение благ при помощи налогов, дотаций и пособий.

В этой модели есть один логический разрыв: двигателем экономического роста является догоняющее развитие, тогда как источник, дающий старт процессу заимствований, — это креативный инновационный прорыв, создающий более высокую производительность труда. Однако по своей сути креативный прорыв — это тоже заимствование. Только моделью для подражания в данном случае служит не социальная группа, добившаяся высокого качества жизни с использованием новых технологий, а интеллектуальная конструкция, сложившаяся в сознании изобретателя и креативного предпринимателя, взявшегося воплотить в жизнь инновационные решения.

Переход от финансовой дифференциации населения к обеспеченности престижными предметами потребления дает возможность построить более логичную и прозрачную модель экономического роста, основанную на принципах «догоняющего развития». В рамках данной модели основным социальным «приводным ремнем» от душевого ВВП преуспевающих государств к экономическому росту в менее развитых странах станет информация о существовании на других территориях массовых, доступных образцов высокого качества жизни. Особую роль в распространении новых представлений о достижимом уровне благополучия играет возможность лично ознакомиться с новым стандартом потребления там, где он уже реализован, а также заимствовать технологии, поддерживающие его. Человек может также увидеть пример более высокого качества жизни у себя в стране, если процесс международных технологических и культурных заимствований уже запущен.

Исследования показывают, что внутреннее неравенство в уровне потребления является следствием имущественного отставания страны от государств, лидирующих в части технологического развития (межстрановой дифференциации по уровню потребления). Чаще всего оно является следствием миграции в страну новых представлений о высоком уровне потребления, а также технологий, которые поддерживают его. При этом как сами стандарты потребления, так и уровень неравенства имеют неденежную форму представления — на уровне потребительского восприятия они выражаются в доступе к престижным благам, обеспечивающим человеку более высокий уровень свободы и защищенности от неблагоприятных внешних воздействий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зубец А.Н. Истоки и история экономического роста. М.: Экономика, 2014. — 463 с.
2. Abramovitz M. Catching Up, Forging Ahead and Falling Behind // Journal of Economic History, 1986.
3. Аллен Р. Британская промышленная революция в глобальной картине мира / Пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. — 448 с.
4. Зубец А.Н. Жизненные установки населения и экономический рост // Финансы. 2013. №3. С.65-67.
5. Берг Э. Дж., Остри Дж. Неравенство и неустойчивый рост: две стороны одной медали / Пер. с английского Сафонкина Е.А.; научный ред. перевода Ларионова М.В. // Вестник международных организаций. 2013. Т. 8, № 4. С. 77-99.

REFERENCES

1. Zubets A.N. *Istoki i istorija jekonomicheskogo rosta* [The origins and history of economic growth]. Moscow, Ekonomika Publ., 2014. — 463 с.
2. Abramovitz, Moses. Catching Up, Forging Ahead and Falling Behind // Journal of Economic History, 1986.
3. Allen R. *Britanskaja promyshlennaja revoljucija v global'noj kartine mira* [The British Industrial Revolution in Global Perspective]. Moscow, Izd-vo in-ta Gajdara Publ., 2014. — 448 с.
4. Zubets A.N. Zhiznennye ustanovki naselenija i jekonomicheskij rost [Attitudes of the population and economic growth]. *Finansy* [Finance]. 2013, I. 3, pp.65-67.
5. Andrew G. Berg and Jonathan D. Ostry. Neravenstvo i neustojchivyj rost: dve storony odnoj medali [Inequality and Unstable Growth: Different sides of the same coin]. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij* [Bulletin of international organizations], 2013, V. 8, I. 4, pp. 77-99.

Психология обыденных представлений о долгах и кредитах¹

Мужичкова Юлия Евгеньевна

Канд. психол. наук, доцент кафедры «Управление персоналом и психология» Финансового университета при Правительстве РФ

e-mail: muzhichkova@yandex.ru

Статья посвящена исследованию феномена долгового и кредитного поведения в контексте обыденных представлений. Проводится анализ статистических данных о современных тенденциях кредитного и долгового поведения. Выделяются экономические, социально-психологические факторы и механизмы долгового поведения. Отмечается особое влияние установок постиндустриального общества на кредитное поведение. Отдельно рассматривается проблема различий в восприятии институционального вида займа (кредита) и неинституционального вида займа (долга). Приводятся результаты исследования, свидетельствующие о том, что имеется сдвиг к риску в ситуации, когда речь идет о долге, и в обыденном представлении понятие долга в большей степени связано с возможностью невозврата денежных средств, чем понятие кредита. Указывается, что на появление индивидуальных долгов существенное влияние оказывает фактор внедрения пластиковых денег, что способствует снижению критичности при совершении покупок в кредит. Выделены возрастные, гендерные и профессиональные характеристики, влияющие на представления о долгах. Рассмотрена взаимосвязь представлений о долгах и кредитах с индивидуально-психологическими особенностями. Отмечено влияние рамочных эффектов и прокрастинации как важных механизмов образования проблемных долгов. Неопределенность сроков и их отдаленность от настоящего момента времени увеличивает вероятность невыплаты долга.

Ключевые слова: психология должника, долговое поведение, кредитное поведение, институциональный заем, экономические факторы, социально-демографические факторы, индивидуально-психологические особенности, рамочные эффекты, прокрастинация.

Psychology of Ordinary Ideas about Debts and Credits

Muzhichkova Yulia Evgenievna

Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of Human Resource Management and Psychology Chair, Financial University under the Government of the Russian Federation

E-mail: muzhichkova@yandex.ru

This paper is devoted to research of a phenomenon related to debt and credit behavior in the context of ordinary ideas. The analysis of statistical data about current trends of credit and debt behavior is carried out. Economic, social and psychological factors and mechanisms of the debt behavior are marked. A special influence of post-industrial society's prescriptions on the credit behavior is noted. A problem of differences in perception of an institutional type of a loan (credit) and not institutional type of a loan (debt) is separately considered. The research results testifying that there is a shift to risk in a situation so far as concerns a debt, and in ordinary idea the debt concept is more connected with money non-return possibility, than the credit concept, are presented. It is specified that the plastic money introduction factor essentially influences on emergence of individual debts, and this fact promotes the criticality decrease when shopping on credit. Age, gender and professional characteristics, influencing ideas of debts, have been

¹ Исследование проводилось при поддержке РГНФ (грант № 15-06-10710а «Влияние ценностно-смысловых ориентаций личности на чувство долга и типы долгового поведения в условиях экономической сделки»).

allocated. The interrelation of debts and credits ideas with individual and psychological features has been considered. The influence of frame effects and procrastination as important mechanisms of problem debts formation has been noted. Uncertainty of terms and their remoteness from the real time point increase the debt's nonpayment probability.

Keywords: debtor's psychology, debt behavior, credit behavior, institutional loan, economic factors, social and demographic factors, individual and psychological features, frame effects, procrastination.

Проблема долгов и поведения должников существовала во все времена. Причем исторически представления о долге формировались не только как о материальных обязательствах, но и как о морально-этических. «Долг перед Родиной», «родительский долг», «сыновий долг» — все эти понятия характеризуют долг как неотъемлемую составляющую нашей жизни. Мы постоянно находимся перед кем-то или чем-то в долгу, это обязательство воспринимается вполне нормально и естественно. Однако другое отношение человек испытывает к долгу материальному. Он воспринимается как бремя, сопровождается негативными эмоциональными переживаниями. На фоне мировых и отечественных тенденций повышения доступности кредитных банковских продуктов, а также роста количества микрофинансовых организаций, предлагающих деньги взаем под очень высокие проценты, проблема отношения к долгам стала весьма актуальной.

Условно всех потребителей кредитных услуг можно подразделить на три группы по поведенческим характеристикам: 1) активные потребители — люди, которые пользуются кредитами регулярно, хорошо ориентируются в кредитных программах, адекватно оценивают свои финансовые возможности, осуществляют своевременные выплаты по кредитам; 2) кредитоманы — не способны контролировать собственное поведение, доступность розничных кредитов и обилие товарных предложений приводят к потере у них чувства объективности, сознательно или подсознательно уходят от обязательств по выплатам, для покрытия существующих кредитов берут новые кредиты на все большие суммы; 3) консервативные потребители — готовы воспользоваться кредитом только в крайних случаях (например, если сломался холодильник, а на новый пока денег нет, или необходимо срочно оплатить лечение), поведение таких людей можно назвать сберегательным, они стараются осуществлять покупки на накопленные в течение определенного периода денежные средства, при наличии кредита совершают ежемесячные выплаты в срок и прикладывают все усилия для его досрочного погашения.

Однако все типы кредитного поведения обусловлены экономическими и социально-психологическими факторами и механизмами. Если рассматривать, в первую очередь, экономические факторы, то, по мнению ряда исследователей, монетарное поведение современных людей определяется процессами, происходящими в постиндустриальном обществе. Согласно С. Московичи, «движение денег не терпит остановки, застоя: это течение к будущему в виде накопления или страхования сталкивается с противоположным течением, обращенным в прошлое в виде долга или процента» [1, с. 458]. Это приводит к тому, что человек нашего времени распадается на бесчисленное количество сменяющих друг друга социальных ролей, личностных идентичностей и предъявляемых персонализаций. Все это множество он не в состоянии структурировать и централизовать. Максимум, на что он может рассчитывать, это лишь некие социально приемлемые роли, позволяющие ему включаться в процесс достижения успеха и не дающие выпасть из потока финансовой коммуникации. Наряду с консюмеризмом, финансовая успешность становится способом самоопределения. Основной целью монетарного поведения личности выступает потребность получить выгоды (вознаграждение) в результате пользования деньгами, которые могут служить средством повышения социального статуса, достижения определенного уровня материального положения, улучшения чувства субъективного экономического благополучия, получения психологического комфорта. Другими словами, активное осуществление монетарного поведения помогает встроиться в финансовый поток как основу «монетарной цивилизации» и на вопрос «кто я?» ответить — финансово успешный человек [2, с. 65].

Говоря о современной экономической ситуации в России, следует обратиться к данным статистики. Как показали исследования ВЦИОМ с 1998 по 2011 г., в случае финансовых затруднений для россиян преобладают два типа стратегий: «затягивание пояса» — резкое сокращение расходов и строгая экономия, а также обращение за возмездной или безвозмездной помощью к родственникам и друзьям. Однако за

последние годы количество лиц, обращающихся к банковским кредитам, возросло (ВЦИОМ). Представляет интерес и динамика выплат по кредитам. На 1 января 2015 г. доля кредитов, платежи по которым были просрочены более чем на три месяца, оценивалась ЦБ РФ в 7,9% общего объема выданных физическим лицам ссуд (для сравнения: в начале 2013 г. эта цифра составляла 4,3%). Общий объем просроченной задолженности россиян перед банками эксперты «Секвойя Кредит Консолидейшн» в конце декабря 2014 г. оценивали в 661,5 млрд руб. За минувший год просрочка, по подсчетам экспертов, выросла более чем в 1,5 раза и в 2015 г. может увеличиться еще на 60%².

Безусловно, экономическая ситуация определяет готовность россиян брать новые кредиты. По данным ВЦИОМ на апрель 2015 г., индекс кредитного доверия имел худшее значение за всю историю измерений (19 п.). Доля положительных оценок в вопросе кредитования снизилась до 6%, а негативных, т.е. заявление о неготовности взять кредит, напротив, выросла до 84%². Это данные статистики. Что касается реального поведения граждан, то часто в ситуации долгового кризиса люди начинают заимствовать из очень дорогих источников, таких как предложения ростовщиков, работающих на грани законности, а также пользоваться услугами микрофинансовых организаций [3, с. 87]. Такое поведение может спровоцировать перерастание долга из небольшого в очень большой, и здесь уже начинает работать механизм долговой спирали, который может привести человека к практически безвыходной ситуации.

Анализируя статистические данные, можно отметить, что внешний экономический фактор влияет на готовность осуществлять заем денег, и чем хуже экономическая ситуация, тем менее готовы граждане совершать покупки в кредит и создавать первоначальные долги. Однако существуют и другие факторы, влияющие на восприятие долга и отношение к нему. Далее мы рассмотрим представления о долге при различных видах участия в долговых отношениях, влияние маркетинга на представления о долгах, роль социально-демографического фактора в долговом поведении и влияние индивидуально-психологических особенностей на долговое поведение.

Отношение к долгу весьма неоднозначно и зависит, в первую очередь, от его принадлежности, т.е. долг персональный или принадлежит группе,

организации. По результатам фундаментальных наблюдений можно сделать вывод, что люди не дают такое же определение долга, как бухгалтеры. Как и многие другие понятия в обыденном представлении (в том числе экономические понятия, например деньги), долг в понимании рядовых потребителей плохо определен. Разные виды финансовых механизмов, все из которых однозначно долги в техническом смысле, понимаются обывателями как долг в разной степени, а некоторые из них, возможно, и не воспринимаются как долговые вовсе [4, с. 78; 5, с. 140].

Восприятие долга зависит также от общего состояния активов. В исследовании, посвященном изучению восприятия богатства, было показано, что люди с положительным балансом средств, имеющие меньшие сбережения и меньший долг, оцениваются богаче, чем те, у кого больше средств, но при этом выше долг. При отрицательном балансе средств люди, имеющие больше средств, но при этом и больший долг, оцениваются богаче, чем те, у кого мало средств, но при этом меньший долг. А.Сусман и Е. Шафир объясняют это расхождение принципом «заметного положения»: активы (долги) более актуальны, когда баланс средств отрицательный (положительный). Эта картина сохраняется в восприятии как себя, так и других [6, с. 105].

Следует также отметить, что понятия «долг» и «кредит» имеют некоторые отличия. С.Леа, П.Уэбли и Р.Левин подчеркивают необходимость различать понятия кредита и неуправляемого долга. В первом случае речь идет о том, что заемщик может расплатиться с кредитором в любой момент, во втором случае предполагается, что должник или не может вернуть долг по причине материальных затруднений, или хочет избежать расплаты вообще [7, с. 91].

По данным М.А. Гагариной, понятие «кредит», по сравнению с «долгом», оценивается как более подвижный, передовой, динамичный и активный. Данный результат может предполагать тенденцию к переходу от неинституционального к институциональному займу. При этом неработающие респонденты более высоко оценивают «долг» и «кредит», по сравнению с работающими, что свидетельствует о более положительном отношении к займам. Возможно, это связано с тем, что именно займы позволяют данной категории граждан удовлетворять собственные нужды [8, с. 259].

² S&P предупредило об угрозе роста доли плохих кредитов в России до 40%. [Электронный ресурс] URL: <http://www.audit-it.ru/news/finance/813484.html> (дата обращения: 28.06.2015).

³ Пресс-выпуск №2827 ВЦИОМ. [Электронный ресурс] URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115245> (дата обращения: 28.06.2015).

В нашем исследовании мы предприняли попытку изучить различие в представлениях о долгах и кредитах на примере игровой модели. В качестве испытуемых выступили студенты Финансового университета при Правительстве РФ, всего 60 человек. Участникам эксперимента было предложено принять серию решений в ситуации, основанной на классической задаче из теории принятия решений. Использовалась различная установка о заимствовании денежных средств. В первом случае в инструкции речь шла о долге другому лицу: «Что вы предпочтете: А) взять в долг 4000 долларов, при этом есть вероятность 20%, что их не надо возвращать, либо В) взять в долг 3000 долларов, при этом вернуть их необходимо с вероятностью 100%». (Математическое ожидание величины долга при выборе А составляет 3200 долларов.) Далее сумма долга в случае А увеличивалась, и испытуемые делали выбор при других величинах.

Во втором случае речь шла о заимствовании средств в банке, т.е. институциональном займе. Испытуемым давалась инструкция «Представьте, что Вы берете кредит в банке. Что вы предпочтете: А) взять в кредит 4000 долларов, при этом есть вероятность 20%, что их не надо возвращать, либо В) взять в кредит 3000 долларов, при этом вернуть их необходимо с вероятностью 100%». Далее величина кредита в случае А линейно увеличивалась. Результаты исследования представлены в табл. 1.

Таблица 1

**Выбор стратегии А при разных установках
о заимствовании денежных средств**

	4000	6000	8000	10000	12000
Решение о величине долга	63,6%	41,5%	31,7%	29,3%	26,8%
Решение о величине кредита	63%	34%	24,4%	19,5%	14,6%

Как видно из представленных результатов, у испытуемых наблюдается большой сдвиг к риску в ситуации, когда речь идет о долге, а не об институциональном заимствовании, т.е. заимствование у некоего лица сопряжено с большей неопределенностью и вероятностью невозврата денежных средств, чем получение кредита в банке. Из этого можно сделать вывод, что в обыденном представлении понятие долга в большей степени связано с возможностью невозврата, чем понятие кредита.

Существуют различные пути появления индивидуальных долгов, и маркетинг оказывает непосредственное влияние на них. В первую очередь,

исследователи обращают внимание на активное внедрение в оборот пластиковых денег, особенно кредитных карт. Зачастую распространение кредитных карт производится весьма агрессивно, в том числе в студенческой среде [9, с. 644; 10, с. 941]. При отсутствии финансового наставничества со стороны родителей вероятность перерасхода по кредитной карте повышается [11, с. 152]. Если говорить о причинах долгов по пластиковым картам, то по данным зарубежных исследователей, например Дж. Бачман, всех должников можно разделить на следующие категории:

1) неэкономные, небережливые держатели карточек, которые живут сегодняшним днем и не задумываются о будущем;

2) наивные держатели, не представляющие в полной мере последствия образования задолженности;

3) пострадавшие в результате непредвиденных обстоятельств держатели, для которых чрезвычайное событие в жизни привело к финансовому коллапсу;

4) безрассудные, беспечные транжиры — категория держателей, близкая к неэкономным. Однако в данном случае траты осуществляются без осмысления;

5) беспринципные, непорядочные, безнравственные должники, которые берут в долг, но заранее знают, что не будут возвращать долг;

6) заведомо финансово несостоятельные держатели, которым кредитные карточки были выданы по ошибке [12].

Таким образом, долговое поведение может подкрепляться виртуальными денежными инструментами, которые снижают критичность мышления при принятии решения о займе денежных средств.

Социальные связи также влияют на формирование представлений о долгах и кредитах. Исследования Д.О. Стребкова показали [13, с. 54], что граждане, среди знакомых и друзей которых есть люди более состоятельные, чем они сами, гораздо лояльнее относятся к возможности получить кредит или заимствовать денежные средства. Механизм, который задействован в данном случае, имеет название «социальное сравнение». Таким образом, людям, имеющим ориентацию на более доходные стратификационные группы, взять кредит гораздо проще. Возможность соответствовать социальным ожиданиям значительно повышает самооценку. Немаловажную роль играет также опыт заемной деятельности. Причем здесь важен не только индивидуальный опыт, но и особенности экономической социализации личности. Если в семье терпимо относятся к любым формам заимствования, то последующие поколения будут воспроизводить эту модель [14, с. 144].

Гендерный аспект этой темы весьма интересен. В целом и мужчины, и женщины относятся к долгу положительно. Но мужчины (как в России, так и за рубежом) недооценивают степень социального риска при осуществлении займа. Российские женщины так же, как и зарубежные, больше склонны занимать деньги у родных или знакомых, мужчины предпочитают брать кредиты в банках, т.е. мужчины чаще одобряют институциональный заем денежных средств, а женщины — неформальное кредитование. В ситуации, когда долг в силу каких-либо причин становится неуправляемым, мужчины оказываются слишком самоуверенными и пускают свою кредитную историю на самотек. Женщины, наоборот, склонны впадать в панику, испытывая сильный стресс и явно занижая свои способности справиться с кризисной ситуацией. Имеет значение и возрастной аспект: граждане в возрасте от 31 до 44 лет проявляют наибольшую склонность к заимствованию. Наемные работники и студенты в целом демонстрируют положительное отношение к займам, а пенсионеры и предприниматели — негативное. Чаще всего в качестве активных банковских потребителей и мелких заемщиков выступают молодые семьи и прочие домохозяйства непенсионеров (как с детьми, так и без них) [13, с. 60].

Изучалось также влияние индивидуально-психологических особенностей на представления о долгах и кредитах и самих долгов на психическое состояние человека. Установлено, что долг ассоциируется с такими явлениями, как тревога, стресс, депрессия, суицидальные мысли и аддиктивное поведение и наконец, социальные последствия. Сами долги также могут влиять на социальные отношения людей, что выражается в их социальной изоляции и социальном исключении. Но возникает закономерный вопрос, были ли вызваны, например, мысли о суициде именно возросшей задолженностью, или в основе и того и другого дезадаптивного поведения лежат общие причины. Не случайно среди лиц, имеющих проблемы с психическим здоровьем, наблюдается достоверно больше сообщающих о проблемных долгах [15, с. 199]. Существует подход к должникам, как людям, страдающим специфической социальной болезнью «аффлюэнцией». Суть данного состояния заключается в неадекватном отношении к деньгам, в стремлении добиться богатства любыми способами.

Что касается психологических механизмов долгового поведения, то в научной литературе встре-

чается не так много работ, посвященных исследованию взаимосвязи долгового поведения и личностных особенностей. Так, по мнению О. Маховской, человек, который не боится брать кредиты, ближе по психологическому складу к сангвиникам, экстравертам. Он быстро адаптируется к любым условиям, может одновременно заниматься множеством проектов, но не всегда выдерживает оптимальное соотношение между заимствованными средствами и собственными, как правило, он часто одалживает в одном месте, чтобы расплатиться по кредиту в другом. Таких людей можно обнаружить как среди влиятельных и успешных бизнесменов, так и в кругу невезунчиков, которые переживают то взлеты, то падения [16]. Способствуют накоплению долгов другие личностные факторы, а также различные виды финансовых аттитюдов⁴ — импульсивность, склонность к риску [17, с. 758; 18, с. 293], чрезмерный оптимизм, надежда на то, что про долг забудут [19, с. 8], предпочтение материальных ценностей, завышенная или заниженная самооценка [20, с. 1130].

Рамочные эффекты и стратегия «выигрыш/проигрыш» могут быть причиной поведения должников. Согласно теории перспектив [21, с. 38] можно предположить, что должники, как правило, считают, что их решение «участвовать и платить», по сравнению с «ждать и наблюдать», как выбор между верной потерей и азартной игрой, в которой есть возможность ничего не потерять. Другими словами, это выбор в области потерь, которая является рискованной, и, следовательно, в данном случае предпочтение отдается ожиданию. Ожидание включает шанс не платить, в сочетании с возможностью заплатить больше с учетом штрафов.

Можно предположить пример такой игры. Есть долг в € 150. Стратегия выигрыша будет выглядеть следующим образом: вы должны заплатить € 150, но если вести переговоры с вашим кредитором, то можно сохранить € 50 точно. Если вы не будете вести переговоры с кредитором, то есть вероятность 2/3, что вы не спасете ничего, и вероятности 1/3, что удастся сохранить полностью € 150. Стратегия потери: Вы не платите ничего, но если вести переговоры с вашим кредитором, то вы будете платить € 100 наверняка. Но если вы не будете вести переговоры с кредитором, то есть вероятности 2/3, что вы будете платить € 150, и вероятности 1/3, что вы не будете платить ничего. Большинство людей предпочитают вторую стратегию.

⁴ Аттитюд в традиционной психологии личности рассматривается как внутренняя аффективная ориентация (преднастройка), которая зависит от прошлого опыта и объясняет действия личности.

Прокрастинация⁵ также является одним из факторов образования плохих долгов. Изучение межвременного выбора показывает, что люди часто делают непропорциональный акцент на ранних результатах, с характерным предпочтением хороших результатов и «затягиванием» начала плохих результатов, даже если в будущем придется за это платить. Иными словами, мы стараемся отсрочить неприятные эмоциональные переживания, связанные с выплатой долга. Неопределенность сроков и их отдаленность от настоящего момента увеличивает вероятность прокрастинации и, как следствие, невыплаты долга. Исследователи в области предотвращения образования плохих долгов советуют ставить четкие временные рамки в сжатые сроки [22, с. 144]. Это касается не только банковских кредитов, но и ситуаций, когда мы даем деньги в долг знакомым или родственникам. Если давать деньги в долг с формулировкой «отдашь, когда будет возможность», то повышается неопределенность и увеличивается риск невозврата долга.

Подводя итоги данного анализа, можно сделать выводы, что обыденные представления о долгах и кредитах отличаются от профессионального понимания займа. На представления и восприятие долгов и кредитов влияют различные экономические и социально-психологические факторы и механизмы.

Внешний экономический фактор определяет общую готовность граждан пользоваться кредитными продуктами. Текущая экономическая ситуация сказывается на ситуативной готовности взять кредит в банке, при этом существует более серьезная установка постиндустриального общества, которая обозначает консюмеризм и финансовую успешность как основные способы самоопределения личности. Восприятие долга зависит от общего состояния активов, а также от того, является долг институциональным или нет. Представления о долгах и кредитах имеют различия: в обыденном представлении понятие долга в большей степени связано с возможностью невозврата, чем понятие кредита. Существенное влияние на восприятие долга в современном мире оказало внедрение пластиковых денег, потребители стали менее критично относиться к сумме расходов по кредитным картам. Представление о долгах связано с возрастными, гендерными и профессиональными характеристиками. Индивидуально-психологические особенности, рамочные эффекты и прокрастинация также оказывают влияние на представление и восприятие долгов и кредитов. Следует отметить, что данные изучены недостаточно в контексте различия представлений об институциональном и неинституциональном займе, что должно стать предметом дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Московичи С.* Машина, творящая богов / Пер.с фр. Москва: Центр психологии и психотерапии: КСП+, 1998.
2. *Шперлинь А. В.* Монетарное поведение как стратегия конструирования идентичности // Вестник НГУ. Серия: Психология. 2012. Т. 6, вып.к 2.
3. *Мужичкова Ю.Е., Бахарева А.А., Четверикова А.А.* Отношение молодежи к деятельности микрофинансовых организаций // Формирование общекультурных и профессиональных компетенций финансиста. Сборник научных трудов студентов, аспирантов и преподавателей Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Редакционная коллегия: А.Н. Лебедев, Н.В. Анненкова, Е.В. Камнева, Ю.Е. Мужичкова. Москва, 2014. С. 82-88.
4. Dearden, C., Goode, J., Whitfield, G., Cox, L. (2010). Credit and debt in low-income families. York: Joseph Rowntree Foundation.
5. Lea, S.E.G. (1999). Credit, debt and problem debt. In: P.E. Earl, S. Kemp (eds.). The Elgar companion to consumer research and economic psychology. Cheltenham: Edward Elgar, pp.139–143.
6. *Sussman, A. B., Shafir, E.* (2012). On assets and debt in the psychology of perceived wealth // Psychological Science, 23, 101-108.
7. Lea S.E.G., Webley P., Levine R.M. The economic psychology of consume debt // Journal of Economic Psychology. 1993. Vol. 14. P. 85-119.
8. *Гагарина М.А., Павлова О.Е.* Ограниченная рациональность и долговое поведение работающих и неработающих россиян // Социальная политика и социология: междисциплинарный научно-практический журнал. 2013, №3. С. 251-265.

⁵ Прокрастинация – склонность к переносу важных и срочных дел, откладыванию их «на потом», что приводит к жизненным проблемам и связано с болезненными психологическими эффектами.

9. Hayhoe, C.R., Leach, L., Turner, P.R. (1999). Discriminating the number of credit cards held by college students using credit and money attitudes // *Journal of Economic Psychology*, 20, 643–656.
10. Norvilitis, J.M., Szablicki, P.B., Wilson, S.D. (2003). Factors influencing levels of credit-card debt in college students // *Journal of Applied Social Psychology*, 33, 935–947.
11. Webley, P., Nyhus, E.K (2006). Parents' influence on children's future orientation and saving // *Journal of Economic Psychology*, 27, 140–164.
12. Bachman J. The Psychology of Debt. Credit & Collections World. White Paper, April 2001. [Электронный ресурс]. URL: <http://i2credit.com/img/white/archivo-23.pdf> (дата обращения: 21.06.2015).
13. Стребков Д.О. Модели кредитного поведения и факторы, их определяющие // *Социологические исследования*. 2007. № 3. С. 52-62.
14. Lea S.E.G., Webley P., Walker C.M. Psychological factors in consumer debt: Money management, economic socialization, and credit use // *Journal of economic psychology*. 1995. Vol. 16. P. 144.
15. Fitch C., Chaplin R., Trend C., Collard S. Debt and mental health: the role of psychiatrists // *Advances in Psychiatric Treatment*. 2007. Vol. 13. 194–202
16. Семенова Е. Кредитная истерия [Электронный ресурс] <http://www.credits.ru/articles/2346/> (дата обращения: 10.06.2015)
17. Ottaviani, C., Vandone, D. (2011). Impulsivity and household indebtedness: Evidence from real life. *Journal of Economic Psychology*, 32, 754–761. doi:10.1016/j.joep.2011.05.002.
18. Brown, S., Garino, G., Taylor, K. (2013). Household debt and attitudes toward risk. *Review of Income and Wealth*, 59, 283–304. doi:10.1111/j.1475-4991.2012.00506.x.
19. Seaward, H.G.W., Kemp, S. (2000). Optimism bias and student debt. *New Zealand Journal of Psychology*, 29, 7-9.
20. Donnelly, G., Iyer, R., Howell, R.T. (2012). The Big Five personality traits, material values, and financial wellbeing of self-described money managers. *Journal of Economic Psychology*, 33, 1129–1142. doi:10.1016/j.joep.2012.08.001
21. Канеман Д., Тверски А. Рациональный выбор, ценности и фреймы // *Психологический журнал*. 2003. Т. 24. №4. С. 31–42
22. Anderson C.J. (2004). The psychology of doing nothing: forms of decision avoidance result from reason and emotion // *Psychological Bulletin*, 129: 139–167.

REFERENCES

1. Moscovici S. *Mashina, tvoryashchaya bogov* [La machine à faire des dieux]. Moscow, KSP+ Publ., 1998, p. 556.
2. Shperlin' A.V. Monetarnoe povedenie Kak strategiya konstruirovaniya identichnosti [Monetary behavior as a strategy for constructing identity]. *Vestnik NGU. Seriya: Psihologiya* [Vestnik NSU. Series: Psychology]. 2012, V. 6, I. 2.
3. Muzhichkova Yu.E., Bahareva A.A., Chetverikova A.A. Otnoshenie molodezhi k deyatelnosti mikrofinansovykh organizacij [The ratio of young people in the activities of microfinance institutions]. *Formirovanie obshchekul'turnyh i professional'nykh kompetencij finansista. Sbornik nauchnykh trudov studentov, aspirantov i prepodavatelej Finansovogo universiteta pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii* [Formation of common cultural and professional competences financier]. Moscow, 2014, pp. 82-88.
4. Dearden, C., Goode, J., Whitfield, G. & Cox, L. (2010). Credit and debt in low-income families. York: Joseph Rowntree Foundation.
5. Lea, S.E.G. (1999). Credit, debt and problem debt. In P.E. Earl & S. Kemp (Eds.), *The Elgar companion to consumer research and economic psychology*, pp.139–143. Cheltenham: Edward Elgar.
6. Sussman, A. B., & Shafir, E. (2012). On assets and debt in the psychology of perceived wealth. *Psychological Science*, 23, 101-108.
7. Lea S.E.G., Webley P., Levine R.M. The economic psychology of consume debt. *Journal of Economic Psychology*. 1993. Vol. 14. P. 85-119.
8. Gagarina M.A., Pavlova O.E. Ogranichennaya racional'nost' i dolgovoe povedenie rabotayushchih i nerabotayushchih rossiyan [Bounded rationality and debt behavior of employed and unemployed Russians]. *Social'naya politika i sociologiya: mezhdisciplinarnyj nauchno-prakticheskij zhurnal* [Social Policy and Sociology: a multidisciplinary scientific journal]. Moscow, 2013, I. 3, pp. 251-265.
9. Hayhoe, C.R., Leach, L. & Turner, P.R. (1999). Discriminating the number of credit cards held by college students using credit and money attitudes. *Journal of Economic Psychology*, 20, 643–656.
10. Norvilitis, J.M., Szablicki, P.B. & Wilson, S.D. (2003). Factors influencing levels of credit-card debt in college students. *Journal of Applied Social Psychology*, 33, 935–947.

11. Webley, P. & Nyhus, E.K (2006). Parents' influence on children's future orientation and saving. *Journal of Economic Psychology*, 27, 140–164.
12. Bachman J. The Psychology of Debt. *Credit & Collections World*. White Paper, April 2001. Available at: <http://i2credit.com/img/white/archivo-23.pdf> (accessed 21 June 2015).
13. Strebkov D.O. Modeli kreditnogo povedeniya i faktory, ih opredelyayushchie [Models of credit behavior and the factors that determine them]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2007, I. 3, pp. 52-62.
14. Lea S.E.G., Webley P., Walker C.M. Psychological factors in consumer debt: Money management, economic socialization, and credit use. *Journal of economic psychology*. 1995. Vol. 16. P. 144.
15. Fitch S., Chaplin R., Trend C., Collard S. Debt and mental health: the role of psychiatrists. *Advances in Psychiatric Treatment*. 2007. Vol. 13. 194–202
16. Semenova E. *Kreditnaya isteriya* [Credit hysteria]. Available at: <http://www.credits.ru/articles/2346/> (accessed 10 June 2015)
17. Ottaviani, C. & Vandone, D. (2011). Impulsivity and household indebtedness: Evidence from real life. *Journal of Economic Psychology*, 32, 754–761. doi:10.1016/j.joep.2011.05.002.
18. Brown, S., Garino, G. & Taylor, K. (2013). Household debt and attitudes toward risk. *Review of Income and Wealth*, 59, 283–304. doi:10.1111/j.1475-4991.2012.00506.x.
19. Seaward, H.G.W., & Kemp, S. (2000). Optimism bias and student debt. // *New Zealand Journal of Psychology*, 29, 7-9.
20. Donnelly, G., Iyer, R. & Howell, R.T. (2012). The Big Five personality traits, material values, and financial wellbeing of self-described money managers. // *Journal of Economic Psychology*, 33, 1129–1142. doi:10.1016/j.joep.2012.08.001
21. Kaneman D., Tverski A. Racional'nyj vybor, cennosti i frejmy [Rational choice, values and frames]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal]. 2003, V. 24, I. 4, pp. 31–42
22. Anderson CJ. (2004) The psychology of doing nothing: forms of decision avoidance result from reason and emotion. *Psychological Bulletin*, 129: 139-167.

Особенности интеграции и адаптации Крыма в российскую социально-политическую систему¹

Костяев Сергей Сергеевич

Канд. полит. наук, заместитель заведующего кафедрой «Прикладная политология» Финансового университета при Правительстве РФ

E-mail: SSKostyaev@fa.ru

Юшков Игорь Валерьевич

Ассистент кафедры «Прикладная политология» Финансового университета при Правительстве РФ

E-mail: ushkovigor@gmail.com

Авторы статьи исследуют особенности процесса вхождения Республики Крым и г. Севастополь в состав Российской Федерации. Особый акцент в исследовании сделан на анализ процесса адаптации и интеграции новых регионов в социальную, экономическую и политическую системы России. В частности, проводится анализ условий при которых проходит интеграция. С одной стороны — есть поддержка населения, с другой — внешние экономические санкции. Авторы анализируют состояние и перспективы развития энергетической и транспортной инфраструктуры Крыма в связи с блокадой со стороны Украины. В работе указывается на ряд проблем и направлений для дальнейшей работы для повышения эффективности адаптационного и интеграционного процесса.

Ключевые слова: Крым, адаптация, интеграция, энергетика, Севастополь, энергомост, транспорт, блокада, санкции, политика.

Features of Crimea Integration and Adaptation to Russian Socio-Political System

Kostyaev Sergey Sergeevich

Ph.D. in Political Sciences, Deputy Head of Applied Politology Chair, Financial University under the Government of the Russian Federation

E-mail: SSKostyaev@fa.ru

Yushkov Igor Valer'evich

Assistant of Applied Politology Chair, Financial University under the Government of the Russian Federation

E-mail: ushkovigor@gmail.com

The paper's authors investigate the features related to the process of entering the Republic of Crimea and Sevastopol into the Russian Federation. This investigation's particular accent has been placed on analysis related to the process of new regions adaptation and integration in the Russia's social, economic and political system. In particular, the analysis of the conditions under which the integration takes place is carried out. There is the support of population on the one hand, and the external economic sanctions on the other. The authors analyze the status and prospects of Crimea's energy and transport infrastructure development in connection with the blockade on the side of Ukraine. A number of problems and areas for further work to improve the adaptation and integration process effectiveness have been pointed out in this paper

Keywords: Crimea, adaptation, integration, energy, Sevastopol, energy bridge, transport, blockade, sanctions, policy.

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по Государственному заданию Финансового университета 2015 г.

Суть проблемы

Воссоединение России и Крыма в марте 2014 г. актуализировало процессы всестороннего приобщения новых территорий, людей, населяющих их, политических и социально-экономических структур к российским реалиям. Одним из наиболее важных явлений в этой связи выступает политическая и социальная адаптация Крыма. Президент России В.В. Путин заявил в своем послании Федеральному Собранию, что «возвращение в родную гавань» Крыма и Севастополя крайне важно для России: «Потому что в Крыму живут наши люди, и сама территория стратегически важна, потому что именно здесь находится духовный исток формирования многоликой, но монолитной русской нации и централизованного Российского государства... Наряду с этнической близостью, языком и общими элементами материальной культуры, общей, хотя и не очерченной тогда устойчивыми границами территорией, нарождающейся совместной хозяйственной деятельностью и властью князя христианство явилось мощной духовной объединяющей силой, которая позволила включить в формирование единой русской нации и образование общей государственности самые разные по крови племена и племенные союзы всего обширного восточнославянского мира. И именно на этой духовной почве наши предки впервые и навсегда осознали себя единым народом. И это дает нам все основания сказать, что для России Крым, древняя Корсунь, Херсонес, Севастополь имеют огромное цивилизационное и сакральное значение» [1].

Характерной чертой социально-экономической интеграции Крыма в состав России стала всесторонняя поддержка данного процесса со стороны большинства населения как самого полуострова, так и жителей остальных регионов России. Реинтеграция Крыма была единодушно поддержана практически всем населением полуострова. Это показали и результаты референдума 2014 г., и дальнейшее развитие политических и социально-экономических процессов в регионе уже в составе РФ.

Так, в бюллетень для голосования 16 марта 2014 г. были внесены два вопроса: «Вы за воссоединение Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации?» и «Вы за восстановление действия Конституции Республики Крым 1992 г. и за статус Крыма как части Украины?». Большинство проголосовавших (96,77%) высказались за воссоединение с Россией. По данным главы крымской комиссии по проведению референдума М. Малышева, явка составила 83,1%.

Более поздние замеры общественного мнения выявили устойчивость симпатий крымчан по отношению к России, причем такого рода настроения фиксировались не только российскими, но и западными и украинскими социологическими службами. В этом плане примечательны итоги опроса жителей полуострова, проведенного в январе 2015 г. GfK Ukraine по заказу компании Berta Communications при поддержке Canada Fund for Local Initiatives. Выяснилось, что подавляющее большинство крымчан — 82% — поддерживают присоединение полуострова к России, 11% опрошенных скорее поддерживают присоединение и лишь 4% (34 человека из 800 опрошенных) выступают против.

На оптимизм жителей Крыма негативно не смогли повлиять даже определенные социально-экономические трудности, вызванные переходным периодом, а также введенными против Российской Федерации экономическими санкциями. В мае 2015 г. фонд «Общественное мнение» провел социологический опрос относительно удовлетворенности крымчан своим социально-экономическим положением. По данным ФОМ, 84% опрошенных жителей Крыма и 78% жителей Севастополя в целом довольны положением дел в регионе. Более 60% респондентов чувствуют улучшение ситуации в Крыму, лишь 5% считают, что стало хуже.

Сохраняющееся позитивное восприятие крымчанами факта вхождения полуострова в состав России играет важнейшую роль в процессе интеграции и адаптации новых субъектов Российской Федерации. Значение данного фактора высоко, так как мировая общественность не признает изменение государственных границ России и Украины, вследствие чего США, ЕС, Украина и их союзники ввели против России, и Крыма в частности, ряд санкций, ухудшающих качество жизни граждан. Поддержка вхождения Крыма в состав России как крымчанами, так и жителями остальной страны показывает готовность «перетерпеть» материальные трудности.

Влияние антироссийских санкций на развитие экономики Крыма

Программа санкций США в отношении России, вызванная событиями на Украине, основывается на следующих нормативных актах: два федеральных закона «О международных чрезвычайных экономических полномочиях» и «О национальных чрезвычайных ситуациях», четырех указах президента США № 13660 от 6.03.2014 г. «О блокировании имущества физических лиц, влияющих на ситуацию на Украине», № 13661 от 17.03.2014 «О блокировании имущества

дополнительных лиц, влияющих на ситуацию на Украине», № 13662 от 20.03.2014 г. «О блокировании имущества дополнительных лиц, влияющих на ситуацию на Украине», № 13685 от 19.12.2014 г. «О блокировании имущества определенных лиц и запрете отдельных транзакций в отношении Крымского региона Украины», кодекс федеральных нормативно-правовых актов (31 CFR Part 589 – Ukraine-Related Sanctions Regulations), подзаконные акты, определяющие порядок исполнения указов №№ 13660, 13661, 13662 (79 FR 26365-14 – Issuance of regulations to implement Executive Order 13660, Executive Order 13661, and Executive Order 13662).

Часть из перечисленных законов и норм были введены как реакция на вхождения Республики Крым и г. Севастополя в состав России. Указ № 13660 от 6.03.2014 г. объявил, что «действия людей, заявивших о государственной власти в Крыму без разрешения украинских властей, подрывают демократические процессы и институты на Украине, угрожают ее миру, безопасности, стабильности, суверенитету, территориальной целостности, способствуют незаконному присвоению ее имущества, составляют необычную и чрезвычайную угрозу национальной безопасности и внешней политике США, вследствие чего объявляется национальная чрезвычайная ситуация для ликвидации этой угрозы» [2]. Далее указом определяется, что все имущество вышеупомянутой категории лиц, которое находится в юрисдикции США, подлежит блокированию. Конкретные индивиды определяются министром финансов США по согласованию с государственным секретарем США. Также устанавливается, что въезд в США таких физических лиц запрещается, равно как и любые пожертвования и перевод денежных средств в их адрес. Попытки обойти данные санкции преследуются по закону. Блокирование имущества вступает в силу с момента публикации санкционного списка.

Последующие указы (№ 13661, 13662) расширили санкции в связи с вводом российских войск на территорию Крыма и присоединением его к РФ. Так, указ № 13662 вводил запрет физическим и юридическим лицам США взаимодействовать с такими секторами российской экономики, как финансовые услуги, энергетика, горно-добывающая промышленность, военно-промышленный комплекс [3].

В указе № 13685 от 19.12.2014 г. «О блокировании имущества определенных лиц и запрете отдельных транзакций в отношении Крымского региона Украины» говорится, что налагается запрет на следующие виды деятельности: новые инвестиции в Крым со стороны

физического или юридического лица США вне зависимости от его нахождения; импорт в США, прямой или не прямой, любых товаров, услуг и технологий, произведенных на территории Крыма; экспорт, реэкспорт, продажа, прямая или не прямая, из США в Крым, или любым физическим или юридическим лицом США; посреднические услуги физических или юридических лиц США в проведении операций с Крымом [4].

По состоянию на 30 сентября 2015 г. в санкционных списках Управления контроля зарубежных активов министерства финансов США и Совета ЕС находились 16 предприятий. Включение большинства из них в санкционные списки США и ЕС вызвано в основном «сменой собственности предприятия в противоречие с украинскими законами» [5]. Основанием для введения санкций власти западных стран считают резолюцию Президиума Парламента Крыма № 1836-6/14 от 26 марта 2014 г. «О национализации собственности предприятий, учреждений и организаций агропромышленного комплекса, находящихся на территории Республики Крым» и резолюцию № 1991-6/14 от 9 апреля 2014 г. «О поправках к резолюции от 26 марта 2014 г.».

ЕС ввел следующие общие ограничительные меры в отношении Республики Крым и Севастополя:

- запрет на импорт из Крыма и Севастополя, за исключением товаров, имеющих сертификат происхождения, выпущенный украинскими властями;
- приостановление всех инвестиций в Крым и Севастополь со стороны европейских физических и юридических лиц; отныне покупка имущества, предоставление услуг не разрешаются;
- европейские операторы лишены права предоставлять туристические услуги в Крыму и Севастополе; европейские круизные лайнеры не могут останавливаться в портах Крыма и Севастополя, за исключением чрезвычайных ситуаций; данные ограничения затрагивают не только европейские суда, но и все суда, плавающие под европейскими флагами.

Экспорт определенных товаров и технологий в Крым и Севастополь также запрещается. Данные ограничения касаются транспорта, телекоммуникаций, энергетике, а также добычи, разведки нефти, газа и других природных ресурсов; также запрещается любая техническая помощь, инжиниринговые услуги в данных отраслях. Данные меры были продлены ЕС до 23 июня 2016 г. [6]. При этом следует отметить, что транзит европейских товаров через территорию Крыма не запрещается, согласно директиве Совета ЕС № 1351 от 18 декабря 2014 г. [7].

Влияние санкций США и ЕС на деятельность большинства этих предприятий велико. Одни, например санаторий «Нижняя Ореанда», улучшили свое положение, оказавшись в ведении управления делами Президента РФ. Другие, например компания «Добролет», были ликвидированы после включения в санкционные списки. Третьи не планировали выходить на зарубежные рынки капитала и до введения санкций, поэтому ограничения на заимствования средств за рубежом не имеют практического негативного значения. Однако ограничения на торговлю с ЕС крайне негативно сказываются на деятельности ГУП РК «Завод шампанских вин “Новый свет”»: предприятие испытывает трудности с поставками пробкового материала для бутылок, который оно раньше закупало в Испании и Португалии, винных материалов, а также бутылок, приобретаемых ранее на Украине, налаживание новых деловых связей с Россией идет крайне тяжело. ФГУП производственно-аграрное объединение «Массандра» Управления делами Президента РФ испытывает аналогичные проблемы: прекратились поставки пробки, винных материалов из-за рубежа, экспорт продукции в другие страны, который ранее приносил от 20 до 30% прибыли. Особо следует отметить намерение украинских властей ограничить использование товарных знаков и брендов.

ГУП предприятие города Севастополя «Севастопольский морской порт» испытывает большие трудности. Запрет европейским судам останавливаться в порту привел к снижению грузооборота на 95%. Объединение с другими предприятиями создало ситуацию, при которой лишь около 20% сотрудников приносят прибыль, а уволить лишний персонал нельзя. Тем не менее все это не вызвало локального социального взрыва. В результате падения товарооборота и снижения прибыли образовались долги по налоговым отчислениям и за электроэнергию. По состоянию на 5 октября 2015 г. возбуждено исполнительное производство по аресту счетов для взыскания задолженности по налогам и платежам за электроэнергию.

Для ГУП РК «Универсал-Авиа» основная проблема заключается в потере зарубежных клиентов: до введения санкций работы по тендерам ООН и других международных организаций приносили около 75% прибыли. Альтернативных источников дохода со стороны России пока нет.

По данным Федеральной службы государственной статистики РФ, в первом полугодии 2015 г. общий объем инвестиций в Крымский федеральный округ составил 11,5 млрд руб., из них в Республику Крым —

10,2 млрд руб., в г. Севастополь — 1,3 млрд руб. [8]. Оценить влияние санкций на иностранные инвестиции в Крымский федеральный округ не представляется возможным, поскольку данные по иностранным инвестициям в субъекты РФ представлены Федеральной службой государственной статистики лишь по 2013 г. Опасаясь санкций США и ЕС, зарубежный бизнес воздерживается от инвестиций в этот регион.

Западные санкции в отношении предприятий Крыма создают экономические проблемы, последствия которых растянуты во времени. Поддержка компаний полуострова становится стратегической долгосрочной задачей для российского руководства. Однако более значимой задачей для нормального жизнеобеспечения крымчан в настоящий период стало обеспечение энергетической и транспортной безопасности полуострова. Угроза транспортной и энергетической блокады Крыма появилась в результате действий Украины, считающей территорию полуострова «оккупированной». Поэтому интеграция Крыма в российскую инфраструктурную систему становится первоочередной задачей, без которой экономическое и социальное развитие региона невозможно.

Интеграция Крыма в российский ТЭК

Нынешнее состояние энергетической системы Крыма стало отражением ранее существовавшего социально-экономического профилирования полуострова. В дореволюционный период Крым рассматривался как курортный район [9]. Промышленность фактически развивалась только на Керченском полуострове. В советское время на полуострове появилось четыре района, нуждавшихся в электрификации: Севастополь, Симферополь, Керчь и Саки. Там и были построены тепловые электростанции, работающие до сих пор.

Старейшей ТЭС Крыма считается Севастопольская ТЭЦ, запущенная в эксплуатацию в январе 1937 г. (по другим данным — в декабре 1936 г.). Станция должна была обеспечивать город и соседние населенные пункты электроэнергией и теплом. Мощность Севастопольской ТЭЦ составляет 33 МВт, 153,3 Гкал/ч. Во время Великой Отечественной войны станция была разрушена, а оборудование вывезено в Германию. Восстановлена Севастопольская ТЭЦ только в 1951 г.

В 1937 г. (по другим данным — 28 октября 1938 г.) была построена еще одна крупная электрогенерирующая станция — Камыш-Бурунская ТЭЦ. До 1972 г. станция имела название Камыш-Бурунская ГРЭС, но потом была переименована в ТЭЦ. Ее установленная электроэнергетическая мощность

составляет 30 МВт, а тепловая — 103 Гкал/ч. Станция была создана для обеспечения производственным паром Керченского железо-рудного комбината и судостроительного завода «Залив».

Для обеспечения промышленных предприятий Сакского района тепловой и электрической энергией была построена Сакская ТЭЦ. Станция была введена в эксплуатацию в 1955 г. для обеспечения нужд Сакского химического завода, ставшего градообразующим для г. Саки. Мощность Сакской ТЭЦ изначально составляла 6 МВт. Однако после распада СССР химический завод закрылся, и Сакская ТЭЦ переориентировалась на энергоснабжение г. Саки и прилегающих населенных пунктов. В 1978 г. ТЭЦ переименована в Сакские тепловые сети. В настоящее время на электростанции установлены две паровые теплофикационные турбины Т-6-35/16 и три паровых котла БКЗ-50-39 ФБ. Установленная электрическая мощность электростанции составляет 12 МВт, тепловая — 154,5 Гкал/ч. Кроме того, на Сакских тепловых сетях работает парогазовая установка ПГУ-20 мощностью 20 МВт.

После Великой Отечественной войны была также построена Симферопольская ГРЭС им. В.И. Ленина. Ее строительство началось в 1956 г. Первая очередь станции была введена в строй в 1958 г. Установленная паровая мощность Симферопольской ГРЭС составляла 160 т/ч, электрическая — 50 МВт. В 1959 г. началось строительство второй очереди ГРЭС. Были построены и оформлены два новых котла мощностью 160 т/ч каждый. Также была установлена новая турбина 50 МВт. Вторая очередь была включена в сеть в 1961 г. После завершения строительства установленная мощность всей станции составила 68 МВт, тепловая мощность 364 Гкал/ч.

Фактическое отсутствие развития собственной энергетической системы Крыма объясняется тем, что после передачи Крымской области из состава РСФСР в состав УССР в 1954 г. [10] новое руководство предпочло «запитывать» полуостров электроэнергией с Запорожской АЭС. Для этого была построена система ЛЭП. Следует отметить, что в Крыму предполагалось построить собственную АЭС, но проект был прекращен после аварии на Чернобыльской АЭС [11, с. 31].

После присоединения Крыма к России и национализации части энергетических активов власти Украины заявляли о возможном прекращении поставок электроэнергии на территорию полуострова по ЛЭП. Чтобы в случае остановки перетока электроэнергии в Крым смягчить энергетический кризис, на полуостров были в срочном порядке переброшены

резервные генерирующие установки, в частности мобильные газотурбинные электростанции (МГТЭС). Из Сочи были доставлены 9 МГТЭС (закуплены специально для создания резервов генерирующих мощностей на время проведения Олимпиады), еще 4 станции были привезены из Московской области (составляют часть резервных мощностей Москвы). Общая установленная мощность мобильных ГТЭС, доставленных в Крым, составила 292,5 МВт.

Однако имеющейся на территории Крыма мощности генерирующих мощностей недостаточно для обеспечения независимости от Украины. Киевские власти в 2014 г. по политическим мотивам неоднократно отключали Крым от энергоснабжения, вызывая тем самым локальные кризисы. Ситуация стабилизировалась после подписания между «Укринтерэнерго» и российской «Интер РАО» договора на поставку электроэнергии. Это соглашение было связано с договором на поставку электроэнергии из Украины в Крым. Эти договоренности истекают 31 декабря 2015 г. И пока нет гарантий продления соглашений. Поэтому Россия в ускоренном темпе реализует ряд проектов, которые позволят Крыму отказаться от поставок электроэнергии из украинской энергосистемы.

В 2014 г. на полуострове потребление электроэнергии составило 5416,6 млн кВт/ч, что на 478,8 млн кВт/ч, или на 8,1%, меньше аналогичного периода 2013 г. (5895,4 млн кВт/ч). Собственная генерация электроэнергии в Крыму в 2014 г. составила 1130,6 млн кВт/ч. Таким образом, импорт электроэнергии с территории Украины в 2014 г. составил 4286 млн кВт/ч, что составляет 79,13% общего объема потребления электроэнергии в Крыму. Следовательно, именно на 79% Крым зависит от поставок электроэнергии из Украины.

Предполагается построить на площадках Севастопольской и Симферопольской ТЭС новые блоки — парогазовые установки по 470 МВт каждая. Благодаря национализации «Черноморнефтегаза» крымскими властями, новые энергоблоки смогут «запитываться» газом с крымских месторождений. В настоящее время в Крыму наблюдается профицит газа, который будет возрастать по мере роста добычи «Черноморнефтегаз».

Для увеличения безопасности газоснабжения с территории Кубани в Крым строится газопровод. Однако проекты создания собственной генерации на полуострове будут реализованы в среднесрочной перспективе. Новые блоки предполагается построить в 2018 г.

Так как угроза энергетической блокады Крыма существует уже сейчас, российское руководство

Рис. 1. Расположение объектов электроэнергетической отрасли Крыма
Источник: Переток.ру [12].

Рис. 2. Производство и потребление газа в Крыму 2013–2014 гг.
Источник: Министерство топлива и энергетики Республики Крым [13].

реализует проект строительства «энергомоста» «Кубань–Крым» [14, с 17]. По дну Керченского пролива предполагается проложить высоковольтный кабель, мощность которого составит 850 МВт. Причем первая очередь «энергомоста» будет введена в декабре 2015 г. — мощностью 300 МВт.

Таким образом, в рамках интеграции Крыма в российскую энергосистему реализуется весь перечень возможных проектов. Это приводит к завышению затрат, так как проекты дублирующие. Однако такое решение обусловлено рисками энергоблокады Крыма со стороны Украины.

Проблемы транспортного обеспечения Крыма в условиях блокады

Причины ускоренной интеграции транспортной инфраструктуры Крыма и «континентальной» России схожи с проблемами в энергетике. Единственным направлением железнодорожного и автомобильного сообщения Крыма с другими регионами был переход через Перекопский перешеек. После вхождения Крыма в состав России Украина поэтапно ввела транспортную блокаду полуострова. Было остановлено железнодорожное сообщение, введен запрет на полеты авиатранспорта через территорию Украины, а в 2015 г. радикальные организации стали препятствовать провозу коммерческих грузов на территорию Крыма. Из-за блокады со стороны Украины в Крыму меняется ориентация транспортных потоков [15, с. 22]. Теперь железнодорожное и автомобильное сообщение будет идти от Керченской паромной переправы. Через Керченский пролив предполагается построить мост.

Задачу строительства моста через Керченский пролив В.В. Путин поставил перед министерством транспорта РФ 19 марта 2014 г. ОАО «Гипротрансмот» было объявлено победителем конкурса на инженерные изыскания и разработку технико-экономического обоснования. В соответствии с обоснованием оптимальным маршрутом прокладки трассы моста был признан вариант через косу Тузла. Окончательный проект моста предполагает строительство смежной автомобильной и железнодорожной магистрали. Автомобильная дорога будет иметь по две полосы в каждую сторону, железная дорога станет двухпутной.

В январе 2015 г. было опубликовано распоряжение правительства РФ, в соответствии с которым единственным подрядчиком работ по проектированию и строительству транспортного перехода через Керченский пролив определено ООО «Стройгазмонтаж». Правительственное постановление также зафиксировало предельную стоимость работ — 228,3 млрд руб. в ценах 2015 г. Однако общие затраты на мероприятия, направленные на обеспечение связи Крымского полуострова с материковой частью Российской

Федерации, ФЦП «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года» оценивает в 246,9 млрд руб. Эти средства должны быть освоены в период с 2015 до 2020 г. На строительство железнодорожных подходов к транспортному переходу через Керченский пролив предполагается потратить 6,52 млрд руб. Автомобильные подходы к будущему мосту потребуют 5,68 млрд руб. Эти средства необходимы для модернизации существующих дорог, а также для расширения данных транспортных артерий. В частности, со стороны Таманского и Керченского полуостровов необходимо расширять автомобильные автодороги с двух до четырех полос, а железную дорогу — с одно- до двухпутной.

Процесс адаптации, интеграции в российскую социальную, экономическую и политическую сферу проходит интенсивно. Однако перед региональным и федеральным руководством стоит еще множество задач.

Требуется тщательная работа с элитами полуострова, которые пока по методам работы и мировоззрению не столько «российские», сколько «украинские», т.е. фактически «застряли» в позднесоветском периоде. Для этого необходимо провести системный кадровый отбор молодых управленцев, создать из них кадровый резерв для замещения «поколения революционеров».

Кроме того, требуется резко интенсифицировать политический, социальный и культурный обмен между Крымом и остальной частью России, проводить совместные конференции, симпозиумы, выставки и другие «объединяющие» статусные мероприятия. Такого рода политика будет направлена на преодоление «местечковости» населения Крыма и «экзотичности» его статуса. Также возможно проведение ежемесячных «дней российских министерств» с выездом в Крым делегаций министерств и ведомств РФ. Важным представляется проводить регулярные кадровые ротации, направленные не только на «насыщение» Крыма федеральными управленцами, но и на перевод крымских чиновников на ответственные посты в других субъектах РФ. Решение этих проблем позволит улучшить интеграцию и адаптацию новых регионов в российскую социально-политическую сферу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Послание Президента России Федеральному Собранию // Российская газета. 2014. 4 дек.
2. Executive order #13660, March, 6, 2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/ukraine_eo.pdf.
3. Executive Order #13662, March, 20, 2014. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/ukraine_eo3.pdf.

4. Executive Order #13685, December, 19, 2014. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/ukraine_eo4.pdf.
5. List of persons and entities under E.U. restrictive measures over the territorial integrity of Ukraine, Council of the E.U. 15 September, 2015.
6. Restrictions for Crimea and Sevastopol [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://europa.eu/newsroom/highlights/special-coverage/eu_sanctions/index_en.htm.
7. Council Regulation (EU) No 1351/2014 of 18 December 2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2014.365.01.0046.01.ENG.
8. Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации. Федеральная служба государственной статистики РФ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1246601078438.
9. А.В. Территориально-политическое устройство и региональная политика Российской Империи в середине — второй половине XVIII в. // Вестник Российской нации. 2012. Т. 24-25. № 4-5. С. 50-67.
10. Закон СССР «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР» от 26 апреля 1954 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.bestpravo.ru/sssrgn-praktika/r7p.htm>.
11. Юшков И.В. О роли энергетических ресурсов в международных конфликтах будущего // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2013. №2. С. 28-37.
12. Энергосистема Крыма. Инфографика. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://peretok.ru/multimedia/infographics/energositema-kryma.html>.
13. Информация о развитии и текущей ситуации в топливно-энергетическом комплексе Республики Крым за 2014 год. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mtop.rk.gov.ru/rus/reports.htm>.
14. Шатилов А.В. Инновационный проект модернизации России и позиция властной элиты // Власть. 2013. № 9. С. 16-20
15. Симонов К.В., Петросянци Д.В., Махмутова Е.В. Системное регулирование национального модернизационно-инновационного развития в условиях преобразований общественно-политической среды // Экономический анализ: теория и практика. 2014. № 21. С. 19-28.

REFERENCES

1. Message from the President of Russia to the Federal Assembly. The Russian newspaper. 4 December 2014.
2. Executive order #13660, March, 6, 2014. Available at: http://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/ukraine_eo.pdf
3. Executive Order #13662, March, 20, 2014. Available at: http://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/ukraine_eo3.pdf
4. Executive Order #13685, December, 19, 2014. Available at: http://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/ukraine_eo4.pdf
5. List of persons and entities under E.U. restrictive measures over the territorial integrity of Ukraine, Council of the E.U. 15 September, 2015.
6. Restrictions for Crimea and Sevastopol. Available at: http://europa.eu/newsroom/highlights/special-coverage/eu_sanctions/index_en.htm
7. Council Regulation (EU) No 1351/2014 of 18 December 2014. Available at: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2014.365.01.0046.01.ENG
8. Information for monitoring the socio-economic situation of the Russian Federation. Federal Service of State Statistics of Russia. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1246601078438
9. Fedyakin A.V. Geographically-political system and the regional policy of the Russian Empire in the middle - the second half of the XVIII century. Bulletin of the Russian nation. 2012, V. 24-25, I. 4-5, pp. 50-67. (in Russian)
10. Law of the USSR “On the transfer of the Crimean region of the RSFSR in the Ukrainian Soviet Socialist Republic” from April 26, 1954. Available at: <http://www.bestpravo.ru/sssrgn-praktika/r7p.htm>
11. Ushkov I.V. On the role of energy resources in the international conflicts of the future. Bulletin of Moscow University. Episode 12: Political science. 2013, I. 2, pp. 28-37. (in Russian)
12. The power system of the Crimea. Infographics. Available at: <http://peretok.ru/multimedia/infographics/energositema-kryma.html>
13. Information about the development and current situation in the energy sector of the Republic of Crimea in 2014. Available at: <http://mtop.rk.gov.ru/rus/reports.htm>.
14. Shatilov, A.V. An innovative project to modernize Russia and the position of the ruling elite // Vlast: Moscow, 2013. - № 9, pp. 16-20.
15. Simonov, K.V. System regulation of the national modernization and innovative development in the conditions of transformation of the social-political environment. The economic analysis: theory and practice. 2014, I. 21, pp. 19-28. (in Russian)

ГУМАНИТАРНАЯ ТЕОРИЯ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ПОИСКЕ

УДК 324+330.33+330.36.012

DOI 10.12737/17059

Теория политических деловых циклов и манипуляционная монетарная политика

Ильинский Александр Иоильевич

доктор технических наук, декан Международного финансового факультета, профессор кафедры
Макроэкономическое регулирование Финансового университета при Правительстве РФ

E-mail: ailyinsky@fa.ru

Теория политических деловых циклов рассматривает возможности манипулирования макроэкономическими переменными — выпуском внутреннего валового продукта, уровнем безработицы и инфляцией с целью получения политических преимуществ в процессе будущих выборов в демократическом обществе. Периодичность выборов приводит к циклическим движениям в национальной экономике. Воздействия на экономику осуществляются через монетарную политику, проводимую центральным банком. Центральный банк в своих оперативных действиях является независимым от правительства. Однако де-факто руководство центрального банка имеет множество связей с правительством, что открывает последнему скрытые от избирателя каналы манипулирования монетарной политикой в своих политических интересах.

Активное манипулирование американской экономикой в политических целях президентом Ричардом Никсоном в 1972 г. привлекло внимание Уильяма Нордхауза и послужило основанием для создания им теории политических деловых циклов. Настоящая работа посвящена анализу мотивов исследования У. Нордхауза 1975 г. в контексте американской политической и макроэкономической ситуации во времена президентства Р. Никсона. Рассматриваются данные о манипулировании монетарной политикой, проводимой Федеральной резервной системой США во времена выборов 1972 г. и их макроэкономические последствия. Отдельно анализируются личные и профессиональные отношения Артура Бернса и Ричарда Никсона.

Ключевые слова: Теория политических деловых циклов, монетарная политика, манипулирование американской экономикой, Федеральная резервная системой США, президентские выборы 1972 г., агрегированная функция голосования, обратное политическое дисконтирование, модели демократических выборов.

Theory of Political Business Cycles, and Manipulation Monetary Policy

Ilyinsky Alexander Iolievich

Doctor of Engineering, International Financial Faculty Dean, Professor of Macroeconomic Regulation Chair, Financial University under the Government of the Russian Federation

E-mail: ailyinsky@fa.ru

The theory of political business cycles is focused on the possibility for manipulating of the macroeconomic variables — gross domestic product output, unemployment level, and inflation in order to obtain political advantages in the process of future elections in a democratic society. The periodicity of elections results in cyclical movements at the national economy. The impacts on the economy are carried out through the monetary policy pursued by the Central Bank. The Central Bank is independent from the government in its operational activities. However, de-facto the Central Bank's top management has a lot of connections with the government, paving the later with hidden from voter channels for monetary policy manipulating in the government's political interests. The active manipulation of the American economy by the president Richard Nixon in 1972 in his own political goals had drawn William Nordhaus attention and had formed the basis for creation by him the theory of political business cycles.

The present paper devoted to analysis of the Nordhaus research (1975) motives in the context of American political and macroeconomic situation during the Richard Nixon's presidency. Data on the monetary policy manipulation pursued by the US Federal Reserve System during the elections of 1972 and their macroeconomic consequences are considered. The personal and professional relationship of Arthur F. Burns and Richard Nixon are analyzed separately.

Keywords: political business cycle theory, monetary policy, manipulation of American economy, US Federal Reserve System, presidential election of 1972, aggregate voting function, reverse political discounting, democratic elections models.

Исполнилось 40 лет со дня публикации статьи Уильяма Нордхауза «Политический бизнес-цикл» в авторитетном журнале Университета Оксфорда «Экономическое обозрение» [1]. Эта пионерская публикация открыла новое обширное направление экономико-политологических исследований, посвященных предвыборным экономическим манипулированиям действующего правительства, принятым для достижения политических целей. Празднованию 25-летнего юбилея публикации Нордхауза был посвящен детальный обзор истории и современного состояния теоретических и эмпирических исследований в области политических деловых циклов, представленный Алланом Драценом [2] с обширными комментариями Альберто Алесины и Карла Уолша. Теория политических деловых циклов лежит на стыке политологии и макроэкономики и вызывает интерес ученых и политиков, рассматривающих возможности эффективного манипулирования макроэкономическими переменными — выпуском внутреннего валового продукта, уровнем безработицы и инфляцией — с целью получить преимущества в процессе будущих политических выборов в демократическом обществе.

Периодичность процесса выборов в демократическом обществе, ограниченная 4–5 годами, приводит к росту политической значимости кратко- и среднесрочного воздействия правительства на макроэкономические показатели, по результатам которых избиратели судят об успешности или провале экономической политики правительства и принимают важное для политиков решение о голосовании на выборах. Интересно отметить, что в условиях демократии долгосрочные последствия экономической политики, проводимой правительством, не влияют на выборный процесс, приводящий партию к власти. Другими словами, долгосрочные результаты экономической политики в демократическом обществе

имеют общечеловеческое, но не политическое значение. С другой стороны, хорошо известно, что в долгосрочном периоде любая проводимая монетарная политика нейтральна и не оказывает воздействие на реальные макроэкономические переменные.

Настоящая работа посвящена анализу мотивов исследования Нордхауза в контексте политической и макроэкономической ситуации в США во времена президентства Ричарда Никсона [3]–[7], эволюции методологии моделирования макроэкономической динамики для построения монетарных политик от эмпирической кривой Филлипса, которую использовал Нордхауз, до современных неокейнсианских динамических стохастических моделей общего равновесия.

Выпускник Йельского университета, член студенческого братства «Череп и кости»¹ Уильям Нордхауз получил степень PhD Массачусетского технологического института в 1967 г. (научными руководителями были Роберт Солоу и Пол Самуэльсон) и затем вернулся на преподавательскую и исследовательскую работу в alma mater, с которой он связал всю свою дальнейшую карьеру: занимал впоследствии должность первого проректора, а сегодня носит титул профессора Стерлинга по экономике, — высший академический титул Йельского университета. В настоящее время профессор Нордхауз является действительным членом Американской национальной академии наук, президентом Американского экономического общества, мировым авторитетом в области экономики природопользования и климатической политики. Нордхауз плодотворно сотрудничал с нобелевскими лауреатами Полом Самуэльсоном (соавтор бестселлера «Экономикс», который выдержал 19 изданий в США и переведен на 17 языков, включая русский) и Джеймсом Тобином (пионерские работы по устойчивому развитию в 1970-е гг.). Обучение Нордхауза в Парижском институте поли-

¹ Членами студенческого тайного общества «Череп и кости» становятся представители американской элиты, после окончания университета члены общества поддерживали друг друга и занимали руководящие позиции в правительстве, бизнесе и общественных организациях. Традицию братства грубо нарушили Джордж Буш-мл. и Джон Керри, которые впервые в истории общества публично выступили друг против друга на президентских выборах 2004 г. Подробнее см.: Sutton Antony C. 2004. America's Secret Establishment: An Introduction to the Order of Skull & Bones. TrineDay.

тических исследований (1963) способствовало его будущему интересу к политическим наукам. Становление Нордхауза как ученого пришлось на эпоху Никсона — гибкого, прагматичного, политически пронизательного и активного президента США, который пытался манипулировать американской экономикой в политических целях. Отсутствие идеологической базы позволяло ему легко менять свою макроэкономическую позицию: так, за сравнительно короткий период 1969–1971 гг. Никсон последовательно публично позиционировал себя как монетариста, кейнсианца и посткейнсианца [3]. Политические цели полностью определяли его экономическую позицию. Консерватор Никсон 15 августа 1971 г. для борьбы с инфляцией установил государственный контроль цен и заработной платы (традиционный для демократов экономический инструмент государственного регулирования), который привел к окончательному завершению исторической эпохи свободной конвертации американского доллара в золото. Никсон твердо верил, что макроэкономические результаты определяют исход президентских выборов [4]. В качестве основного инструмента макроэкономического регулирования Никсон использовал монетарную политику.

Важнейшим инструментом экономической политики в краткосрочном и среднесрочном периодах является монетарная политика, которую осуществляет центральный банк, в случае США — Федеральная резервная система, путем изменения резервных требований, процентной ставки и/или денежной массы. Деятельность центрального банка регулируется национальным законом о центральном банке и соглашениями в области международного финансового права. Центральный банк играет ключевую монопольную роль на национальном финансовом рынке за счет возможности эмиссии национальной валюты, предоставления ликвидности банковскому сектору и управления денежными резервами. Национальный закон о центральном банке определяет совокупность его стратегических целей и полномочий, которые образуют юридический мандат. Де-юре центральный банк в своих оперативных действиях независимый от правительства. Однако де-факто руководство центрального банка множеством социальных связей неразрывно связано с правительством, что открывает последнему скрытые от избирателя каналы манипулирования монетарной политикой в своих политических интересах.

С чувством глубокой горечи выдающийся представитель школы монетаризма, лауреат Нобелевской премии по экономике Милтон Фридман делился своим видением проблемы манипулирования на слушаниях в Республиканском комитете Палаты представителей США. В частности он сказал, что «многие годы он и другие экономисты старались совершенствовать монетарную политику. И только сегодня, достигнув преклонных лет, он начал ясно понимать, что наши усилия были ошибочны. С нашей точки зрения, чтобы улучшить монетарную политику было необходимо (а) изучить, как работают деньги, (б) сконструировать соответствующие правила для проведения монетарной политики и (в) убедить людей, реализующих монетарную политику, что это верные правила. Идея состояла в том, что чиновники правительства [США — А.И.], правительственные бюрократы это люди, которые стремятся содействовать общественному благу. Это не тот путь, которого мы ожидаем от бизнесменов <...> Однако, как только предложенная монетарная политика приводила к конфликту интересов (с правительственными чиновниками), они (правительственные бюрократы) были способны очень легко убедить себя, что предложенная (монетарная) политика нехороша для страны» [8].

Рассмотрим более подробно политическую и макроэкономическую ситуацию в США, предшествующую исследованиям Нордхауза в области политических деловых циклов и особенно действия американских монетарных властей перед 47-ми президентскими выборами в ноябре 1972 г. Эти выборы ключевые для понимания действующих механизмов политического делового цикла. Несмотря на войну во Вьетнаме и растущее антивоенное движение, сравнительно простое манипулирование монетарной политикой ФРС принесло убедительную победу над демократами действующему президенту Ричарду Никсону [7].

За три года до президентских выборов на должность председателя Совета управляющих ФРС США был назначен Артур Ф. Бернс², известный экономист и активный сторонник консервативной партии. Артур Ф. Бернс был крупным ученым, создателем теории экономических циклов Бернса—Митчелла, вел исследования как профессор экономики Колумбийского университета, возглавлял в должности президента Национальное бюро экономических исследований с 1957 по 1967 г., был председателем

¹ Артур Бёрнс родился в 1904 г. в городе Ивано-Франковск, ныне Украина, в то время г. Станислав, Королевство Галиции и Лодомерии, Австро-Венгрия. В 1914 г. эмигрировал в США.

Комитета экономических советников при президенте Эйзенхауэре с 1953 по 1957 г. В 1970–1978 гг. возглавлял Федеральную резервную систему и определял монетарную политику США. После ухода из ФРС представлял США в ФРГ как посол с 1981 по 1985 г. Сохранились и доступны для изучения магнитофонные записи разговоров Бернса, президента Никсона и руководителей президентской администрации, которые проливают свет на отношения «независимой» ФРС США и администрации Никсона [5, 7]. Главный советник Белого дома по внутренней политике Джон Эрлихман позднее вспоминал, что «Никсон был настроен контролировать Федеральную резервную систему, хотя всячески поддерживал мнение о ее независимости от всех политиков, включая его самого. Никсон говорил Бернсу, что он знает, что существует миф о независимости Федеральной системы. <...> и когда вы (Артур Бернс) будете проходить утверждение в Сенате, какой-нибудь Сенатор может спросить вас о вашей дружбе с президентом. Формальное подчинение правилам становится важным, поэтому вы для передачи мне сообщения можете позвонить Эрлихману и он мне все передаст» [7].

Назначение Бернса в ФРС состоялось в феврале 1970 г., в период рецессии в американской экономике, которая началась в декабре 1969 г. и завершилась в декабре 1970 г. Сохранились свидетельства, что Ричард Никсон оказывал давление на Артура Ф. Бернса в целях проведения стимулирующей монетарной политики [4]. В табл. 1 приведены данные о росте денежных агрегатов М1 и М2 и реального ВВП. Рост денежных агрегатов М1 и М2 в 2 и 4 раза соответственно превышал темпы роста реального ВВП в 1971 г. Низкие инфляционные ожидания, сформировавшиеся в период рецессии 1969–1970, привели к падению инфляции в американской экономике с 6,18% до 3,27% за период 1970–1972 гг.

Таблица 1

**Рост денежных агрегатов и реального ВВП
при стимулирующей монетарной политике ФРС США**

Год	Рост денежного агрегата М1	Рост денежного агрегата М2	Рост реального ВВП
1970	4,51%	7,36%	2,80%
1971	6,77%	13,38%	3,50%
1972	7,56%	11,65%	7,70%

В обстановке полной секретности заседаний Федерального комитета по операциям на открытом рынке ФРС США, несмотря на его публичный имидж как основного борца с инфляцией, Артур Ф. Бернс упорно добивался и обеспечил быстрый рост де-

нежной массы перед выборами Никсона в 1972 г. Скорость роста денежной массы в течение 1972 г. была самой высокой в США после окончания Второй мировой войны [4].

Динамика безработицы, инфляции и функции потерь избирателя показаны на рис. 1. Стимулирующая монетарная политика ФРС привела к снижению инфляции и преодолению роста безработицы. Так, если в 1970 г. наблюдался незначительный рост безработицы с 4,9% до 5,9%, то перед президентскими выборами уровень безработицы впервые снизился с 5,9% до 5,6%. При этом установился устойчивый отрицательный тренд для инфляции, которая монотонно уменьшалась до момента голосования на президентских выборах. Мгновенная функция потерь избирателя показана на рис. 1, где видно, что она достигла абсолютного минимума в момент голосования.

Высокие темпы роста реального ВВП в предвыборный период, при достижении уровня роста реального ВВП 7,7%, к выборам сформировали высокие инфляционные ожидания, которые начали проявляться сразу после президентских выборов 1972 г. За три года второго срока Никсона инфляция увеличилась с 3,27% до рекордных 11,8% при одновременном удвоении уровня безработицы. Американская экономика заплатила высокую цену за манипулирование монетарной политикой в политических интересах консерваторов. Через три года после успешных выборов Ричард Никсон был вынужден покинуть пост президента США из-за угрозы импичмента в результате Уотергейтского скандала и макроэкономических проблем американской экономики [7].

Активное и явное экономическое манипулирование президентом Никсоном американской экономикой в политических целях, по мнению Хекельмана [6], привлекло внимание Нордхауза к этому вопросу и послужило основанием для создания его теории политических деловых циклов. Сам Нордхауз позднее говорил, что «теория политических деловых циклов, которая анализирует взаимодействие политической и экономической систем, возникает из простых жизненных наблюдений, когда избирателей волнует экономика, а политики заботятся только о власти» [9]. Хронология событий, связанных с публикацией работы Нордхауза, показана на рис. 1, где видно, что статья Нордхауза была опубликована в момент достижения максимума функции макроэкономических потерь американского избирателя. Это обстоятельство определило высокую актуальность и прикладное значение исследования политических

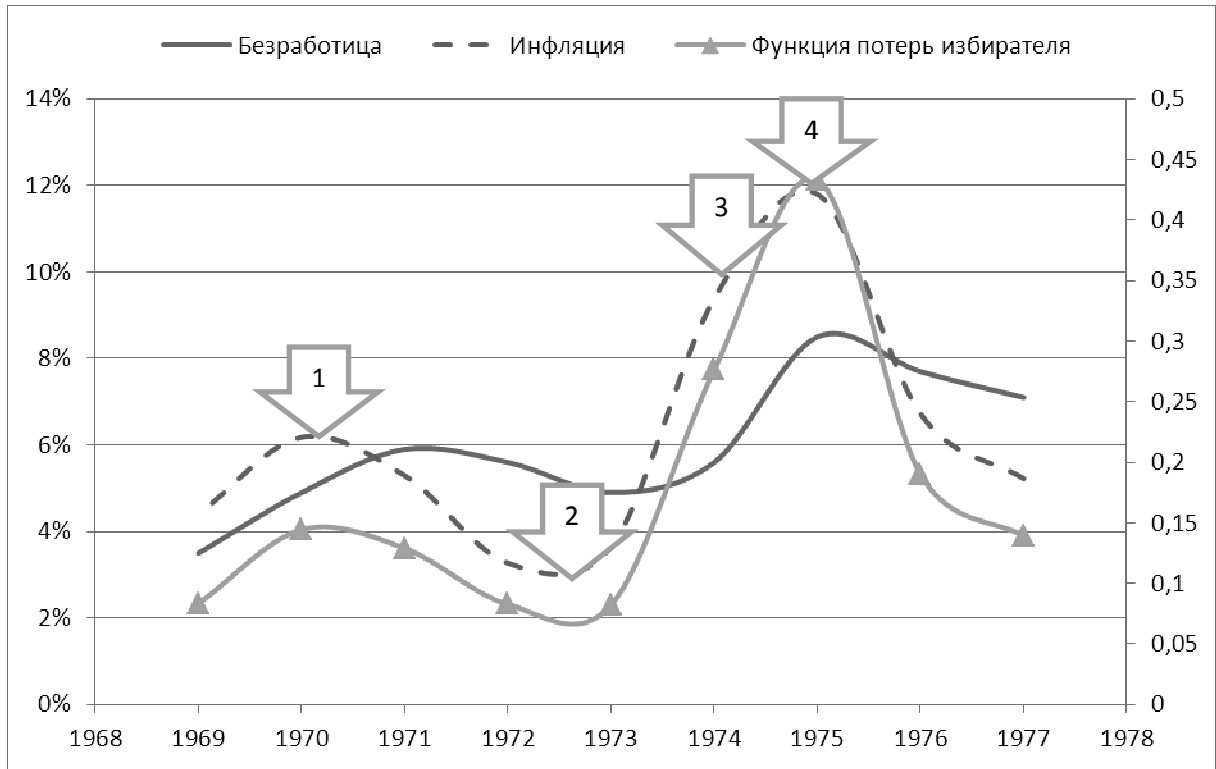

Рис. 1. Безработица, инфляция и функция потерь репрезентативного избирателя до и после президентских выборов в США 1972 года.

Обозначения. Инфляция (пунктирная линия) и безработица (сплошная линия) представлены на левой вертикальной оси. Функция потерь избирателя (сплошная линия с треугольными точками) отражена на правой вертикальной оси в относительных величинах. Обозначение стрелок: 1 – назначение Артура Бернса председателем Совета управляющих ФРС, 2 – президентские выборы в США, 3 – отставка Ричарда Никсона, 4 – выход статьи Нордхауза

деловых циклов и послужило причиной дальнейшего устойчивого интереса исследователей к этой междисциплинарной области.

Существует множество каналов, через которые политический выбор оказывает влияние на будущее благосостояние граждан, которые представлены множеством домохозяйств в экономике и множеством избирателей в политологии. Политический выбор влияет на эффективную межвременную аллокацию ресурсов между потреблением и инвестициями домохозяйства. С другой стороны, межвременная аллокация потребления и инвестиций, которая обеспечивает максимизацию дисконтированной функции полезности репрезентативного домохозяйства, представляет классическую задачу макроэкономической теории. Поэтому можно поставить проблему политической межвременной аллокации ресурсов между потреблением и инвестициями, которая минимизирует интегральную функцию потерь избирателя к моменту выборов. Решение этой проблемы и составляет содержание теории политических деловых циклов.

Оно требует знания макроэкономической системы, которая управляется политиками, и макроэкономических предпочтений избирателей, которые характеризуются интегральной функцией потерь избирателя.

Важным аспектом теории политических деловых циклов является описание множества избирателей с гетерогенными предпочтениями. В литературе для описания действий избирателя используются взаимосвязанные понятия — функция потерь, функция предпочтений, функция голосования, которые являются модифицированными аналогами функции полезности в микроэкономике. Продолжая аналогию, если в экономике в условиях рынка действует закон одной цены, то в политических науках использование теоремы о медианном избирателе в случае мажоритарной избирательной системы позволяет ввести одного агрегированного агента — репрезентативного избирателя [10], действия которого определяют итоги выборов. Сравнительная простота теоретической модели репрезентативного избирателя сделала

ее популярной среди политологов. Обзор более 300 статей, в которых в широком политическом, экономическом и социальном контексте исследуется электоральное поведение репрезентативных избирателей на представительной выборке стран от Замбии до США, представлен М. Пэлдэмом [11]. Анализ эмпирических данных достоверно определяет важнейшие свойства универсального репрезентативного избирателя, которые могут быть обобщены в следующем виде.

- Избиратель чувствителен к двум макроэкономическим переменным — уровень безработицы и инфляции.
- Избиратель близорук — временной горизонт избирателя не превышает одного года.
- Избиратель является ретроспективным агентом, больше опирается в своих действиях на события в прошлом, а не на ожидания будущего.
- Избиратель в большинстве стран проявляет смешанное — эгоистическое и коллективистское — поведение.
- Избиратель ничего не понимает в макроэкономике и не предполагает существование связи между безработицей и инфляцией.
- Избиратель склонен сильнее наказывать политиков, чем поощрять.

Рассмотрим структуру теории политических деловых циклов, предложенную Нордхаузом [1]. В разделе «Индивидуальные предпочтения и агрегированное поведение» автор предвосхищает результаты будущих эмпирических исследований и просто постулирует свойства избирателей (i) — (vi). Нордхауз объясняет, почему атомарные индивидуальные домохозяйства, которые принимают электоральные решения, чувствительны к агрегированному уровню безработицы и инфляции. По мнению Нордхауза, основной причиной внимания домохозяйств к макроэкономическим показателям является высокая корреляция экономического опыта индивидуального домохозяйства с циклическими движениями в национальной экономике. Рост безработицы снижает в целом доходы домохозяйств из-за потери работы и снижения ставок заработной платы. Периоды стабильных цен и/или возможно стабильных темпов инфляции домохозяйства предпочитают временам ускорения инфляции. Нордхауз постулирует предпочтения стабильными ценами для домохозяйств и указывает на три причины неприятия ими инфляции.

1. Инфляция вызывает проблемы с платежным балансом.

2. Инфляция приводит к неэффективной аллокации ресурсов.

3. Инфляция влечет произвольное перераспределение доходов.

Затем Нордхауз описывает индивидуальные предпочтения домохозяйств с помощью квазивыпуклой функции полезности с уменьшающейся предельной нормой замещения и конструирует агрегированную функцию голосования. Избиратель рассматривает безработицу и инфляцию как две независимые переменные, которые могут произвольно меняться без учета кривой Филлипса, фактически связывающей эти величины. Если макроэкономические результаты выше ожиданий к моменту выборов, то избиратель голосует за действующее правительство. Задача действующего правительства заключается в максимизации агрегированной функции голосования к моменту выборов при макроэкономических ограничениях, налагаемых на возможные экономические действия правительства. В работе Нордхауза из анализа исключается случай дефляции, поэтому инфляция всегда неотрицательна. Для анализа краткосрочной экономической политики правительства Нордхауз использует простейшее соотношение для агрегированной функции голосования

$$g(u, \pi) = -u^2 - \beta\pi, \quad \pi \geq 0, \quad \beta > 0. \quad (1)$$

Важной инновацией в теории политических деловых циклов Нордхауза является форма временной свертки мгновенной функции голосования, где вместо традиционного экономического дисконтирования вводится обратное политическое дисконтирование, т.е. вес действий правительства с учетом «близорукости» избирателя по мере приближения выборов экспоненциально растет. В случае «близорукого» репрезентативного избирателя, который имеет короткую память, прошлые макроэкономические состояния слабо влияют на его электоральное поведение. Очевидно, что после выборов функция голосования обнуляется и процесс политического манипулирования национальной экономикой повторяется циклически снова.

$$V_T = \int_0^T g(u, \pi) e^{\mu t} dt \quad \mu > 0. \quad (2)$$

В разделе «Макроэкономическая структура теории» Нордхауз рассматривает динамические соотношения между уровнем инфляции π и безработицей u в рамках кривой Филлипса с адаптивными ожиданиями инфляции v . Нордхауз кривую Филлипса с коррекцией на инфляционные ожидания v представил в виде линейного уравнения

$$\pi = f(u) + \lambda v. \quad (3)$$

Инфляционные ожидания определяются адаптивно по уравнению — скорость изменения ожиданий пропорциональна разности между актуальной и ожидаемой инфляцией, т.е. пропорциональна ошибке инфляционного прогноза

$$\frac{dv}{dt} = \gamma(\pi - v). \quad (4)$$

Уравнения (3)–(4) представляют ограничения, накладываемые на экономические действия правительства, а уравнение (2) определяет политический критерий экономических действий правительства, которое стремится своими действиями максимизировать агрегированную функцию голосования и одержать победу на следующих выборах.

В случае линейного приближения кривой Филлипса Нордхауз получил точное аналитическое решение, используя стандартную технику гамильтонианов, и показал, что возникает политический деловой цикл. Другими словами, действия правительства направлены на минимизацию функции потерь / максимизацию агрегированной функции голосования избирателей во время выборной кампании, когда избиратели с короткой памятью формируют свои электоральные предпочтения. В этом случае действующее правительство сразу после выборов за счет проведения жесткой ограничительной монетарной политики (роста процентной ставки и увеличения резервных требований) снижает экономическую активность, что приводит к формированию в обществе низких инфляционных ожиданий и росту безработицы. Эта сдерживающая политика продолжается вплоть до начала следующей избирательной кампании. В течение этого времени низкие инфля-

ционные ожидания трансформируются в низкий уровень текущей инфляции. В период непосредственно перед началом избирательной кампании действующее правительство снижает процентные ставки и резервные требования и за счет стимулирующей монетарной политики резко снижает уровень безработицы перед выборами, при этом формируются ожидания высокой инфляции, которые проявляются в высоком уровне инфляции уже после выборов. Далее политический цикл, который вызывает периодические изменения экономической активности, регулярно повторяется.

Теория политического делового цикла Нордхауза вызвала большой резонанс среди политологов и экономистов и создала новое научное направление исследований на стыке политических и экономических наук. Уильям Нордхауз всегда использовал простые модели для описания сложных социально-экономических процессов и это ясное видение сущности исследуемых явлений приводило к научным прорывам и возникновению новых областей знания. За прошедшее время макроэкономические модели, использованные Нордхаузом в 1975 г., стали выглядеть наивными, их подверг резкой критике Лукас [12], и в настоящее время полностью они замещены неокейнсианскими динамическими стохастическими моделями, с учетом рациональных ожиданий экономических агентов [13], жесткости цен и заработной платы [14], микробоснования макроэкономических моделей и использованием модели Диксита-Стиглица [15] монополистической конкуренции. Однако глубина, простота и ясность результатов Нордхауза остаются до сих пор недостижимыми для современных ученых, несмотря на все успехи численных методов и вычислительной техники.

ЛИТЕРАТУРА

1. Nordhaus, W. (1975). The political business cycle. *Review of Economic Studies* 42:169-190.
2. Drazen, A. (2001). The political business cycle after 25 years, in B. Bernanke and K. Rogoff, eds. *NBER Macroeconomics Annual 2000* (MIT Press, Cambridge, MA), 75- 117.
3. Keller, Robert R. and Ann M. May. "The Presidential Political Business Cycle of 1972." *Journal of Economic History* 44, (1984): 265-71.
4. Auerbach Robert D. Politics and the Federal Reserve, *Contemporary Economic Policy*. Volume 3, Issue 5, pp. 43–58, September 1985. DOI: 10.1111/j.1465-7287.1985.tb00821.x
5. Burton A. Abrams. How Richard Nixon Pressured Arthur Burns: Evidence from the Nixon Tapes. *Journal of Economic Perspectives* — Volume 20, Number 4 — Fall 2006 — pp. 177–188.
6. Heckelman, Jac. "Historical Political Business Cycles in the United States". *EH. Net Encyclopedia*, edited by Robert Whaples. August 14, 2001. URL <http://eh.net/encyclopedia/historical-political-business-cycles-in-the-united-states/>
7. John Ehrlichman, (1982) *Witness to Power: The Nixon Years* (New York, Simon & Schuster; First Edition) p. 244-248. ISBN-10: 0671242962 ISBN-13: 978-0671242961

8. Milton Friedman, Monetary Policy Structures. *Cato Journal*, Vol. 34, No. 3 (Fall 2014). pp. 631-656.
9. Nordhaus, W. (1989). Alternative approaches to political business cycle. *Brookings Papers on Economic Activity*, 2, 1-49.
10. Downs, A. (1957) *An Economic Theory of Democracy*. New York: Harper Collins.
11. Paldam, Martin (2004), Are Vote and Popularity Functions Economically Correct?, in Charles K. Rowley and Friedrich Schneider (eds.), *The Encyclopedia of Public Choice*, Dordrecht: Kluwer, pp.49-59.
12. Lucas, Robert E. (1976): "Econometric Policy Evaluation: A Critique," *Carnegie–Rochester Conference Series on Public Policy* 1, 19–46.
13. Muth, J. F. (1961), "Rational Expectations and the Theory of Price Movements", *Econometrica*, 29.
14. Calvo, G.A., 1983. Staggered prices in a utility-maximizing framework. *J. Monet. Econ.* 12, 383–398.
15. Dixit, A. K., and J. E. Stiglitz (1977): "Monopolistic Competition and Optimum Product Diversity," *American Economic Review*, 67(3), 297–308.

REFERENCES

1. Nordhaus, W. (1975) The political business cycle. *Review of Economic Studies* 42:169-190.
2. Drazen, A. (2001). The political business cycle after 25 years, in B. Bernanke and K. Rogoff, eds. *NBER Macroeconomics Annual 2000* (MIT Press, Cambridge, MA), 75- 117.
3. Keller, Robert R. and Ann M. May. "The Presidential Political Business Cycle of 1972." *Journal of Economic History* 44, (1984): 265-71.
4. Auerbach Robert D. Politics and the Federal Reserve, *Contemporary Economic Policy*. Volume 3, Issue 5, pp. 43–58, September 1985. DOI: 10.1111/j.1465-7287.1985.tb00821.x
5. Burton A. Abrams. How Richard Nixon Pressured Arthur Burns: Evidence from the Nixon Tapes. *Journal of Economic Perspectives – Volume 20, Number 4 – Fall 2006 – pp. 177–188.*
6. Heckelman, Jac. "Historical Political Business Cycles in the United States". *EH. Net Encyclopedia*, edited by Robert Whaples. August 14, 2001. Available at: <http://eh.net/encyclopedia/historical-political-business-cycles-in-the-united-states/>
7. John Ehrlichman, (1982) *Witness to Power: The Nixon Years* (New York, Simon & Schuster; First Edition) p. 244-248. ISBN-10: 0671242962 ISBN-13: 978-0671242961
8. Milton Friedman, Monetary Policy Structures. *Cato Journal*, Vol. 34, No. 3 (Fall 2014). pp. 631-656.
9. Nordhaus, W. (1989). Alternative approaches to political business cycle. *Brookings Papers on Economic Activity*, 2, 1-49.
10. Downs, A. (1957) *An Economic Theory of Democracy*. New York: Harper Collins.
11. Paldam, Martin (2004), Are Vote and Popularity Functions Economically Correct?, in Charles K. Rowley and Friedrich Schneider (eds.), *The Encyclopedia of Public Choice*, Dordrecht: Kluwer, pp.49-59.
12. Lucas, Robert E. (1976): "Econometric Policy Evaluation: A Critique," *Carnegie–Rochester Conference Series on Public Policy* 1, 19–46.
13. Muth, J. F. (1961), "Rational Expectations and the Theory of Price Movements", *Econometrica*, 29.
14. Calvo, G.A., 1983. Staggered prices in a utility-maximizing framework. *J. Monet. Econ.* 12, 383–398.
15. Dixit, A. K., and J. E. Stiglitz (1977): "Monopolistic Competition and Optimum Product Diversity," *American Economic Review*, 67(3), 297–308.

УДК 130.2

DOI 10.12737/17060

Современная культурная политика России в контексте евразийских идей¹

Замараева Елена Ивановна

Канд. филос. наук, доцент кафедры «Философия» Финансового университета при Правительстве РФ

E-mail: zamaraeva_e@mail.ru

В статье рассматриваются основные положения в учении евразийства, одного из философских и общественно-политических движений первой волны русской эмиграции. Анализируются ключевые идеи евразийской концепции, такие, как уникальность и самобытность этнокультурного пространства России, особенности «месторазвития», единство многонационального российского народа, «общеевразийский национализм», национальная идея, евразийская государственность. В статье рассматриваются базовые документы и программы федеральной культурной политики и проводится корреляция евразийских концептов с основными принципами и задачами государственной культурной политики России в постсоветский период. Делается вывод о том, что евразийская концепция может быть использована для решения задач культурной политики на современном этапе развития страны, так как она учитывает специфические национальные, геополитические, исторические и культурные особенности нашего государства и позволяет сохранить самобытность и многообразие евразийского мира.

Ключевые слова: евразийство, Россия-Евразия, самобытность, национальное единство, государственная культурная политика.

Modern Cultural Policy of Russia in the Context of Eurasia's Ideas

Zamaraeva Elena Ivanovna

Ph.D. in Philosophy, Associate Professor of Philosophy Chair, Financial University under the Government of the Russian Federation

E-mail: zamaraeva_e@mail.ru

The foundations in the Eurasianism doctrine, one of the philosophical and socio-political movements of the Russian emigration's first wave are considered in this paper. The Eurasian concept's key ideas, such as the uniqueness and originality of Russian ethno-cultural space, features of development area, Russian multinational people's unity, "pan-Eurasian nationalism," national idea, Eurasian statehood are analyzed. The basic documents and programs of the federal cultural policy are considered in this paper, and a correlation of Eurasian concepts with the basic principles and objectives of the Russia's state cultural policy in the post-Soviet period are carried out as well. The conclusion is drawn that the Eurasian concept can be used for solving the problems of cultural policy at this country development's present stage, as this concept takes into account specific national, geopolitical, historical and cultural characteristics of our state and allows keep the Eurasian world's identity and diversity.

Keywords: Eurasian, Russia-Eurasia, identity, national unity, public cultural policy.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-23-21002/15 «Международные аспекты культурной политики России в постсоветский период».

Культурная политика — это деятельность государства, связанная с планированием, реализацией и обеспечением культурной жизни общества. Сущность культурной политики предопределяется самой природой культуры — многозначностью, многоуровневостью смыслов и многофакторностью ее содержания, что делает ее составной частью всех направлений деятельности государства (экономической, внешнеполитической, социальной и т.п.). Культурная политика СССР характеризовалась излишней идеологизированностью, административно-командными методами, была построена на механизмах агитации и пропаганды и определялась Идеологическим отделом ЦК КПСС. Однако в ней были понятны большинству граждан ориентиры: всеобщая грамотность, общедоступность и бесплатность образования, политика просвещения и ориентация на классическое искусство, государственная поддержка искусства и всей системы культурных учреждений.

Культурная политика России в постсоветский период характеризуется пересмотром основных идеологических и ценностных ориентиров и поиском новых концепций развития. И если в 1990-е наблюдались полный хаос и слом основных принципов советской культурной политики, то в последнее десятилетие, несмотря на финансовые и правовые сложности в культурной сфере, возникла надежда, что в России сформируются новые социокультурные парадигмы и новые концепции культурной политики.

Формирование новых концепций развития культуры неизбежно обращает нас к философскому наследию мыслителей начала XX в., и прежде всего к учению евразийства — одного из наиболее значимых течений русской общественной и политико-философской мысли этого периода. В современном философском пространстве наблюдается очередной всплеск интереса к этому масштабному проекту, в рамках которого были подняты проблемы, особенно актуальные в современной России. О плодотворности возрождения евразийских идей на почве дезориентированной и дезинтегрированной российской ментальности свидетельствует не только то, что они успешно используются оппозицией, но и то, что они нашли применение в правительственных структурах.

Напомним, что евразийство — это философское и общественно-политическое движение первой волны русской эмиграции. Евразийство утверждает Россию как особый мир, самобытный, самодостаточный с точки зрения географии, экономики, культуры, исторического и языкового развития, который был емко назван Евразией. Этот мир от-

личен и от Запада, и от Востока, но в то же время несет в себе их элементы. Говоря о России как об особом этногеографическом образовании, евразийцы особо подчеркивали роль, которую сыграли азиатские народы в становлении русского государства.

Одной из ключевых в евразийской концепции является геософская категория «месторазвитие», введенная П.Н. Савицким, означающая неразрывное единство географического и исторического континуума, в рамках которого конкретный этнос вырастает из природной и климатической среды, определяя эту среду в дальнейшем своей социокультурной жизнедеятельностью. Согласно евразийской концепции, история и культура каждого народа неразрывно связаны с пространственными условиями проживания. Многообразие ландшафтов порождает многообразие культур, каждая из которых имеет свои внутренние циклы, модели развития и критерии оценки.

Рассматривая срединное положение России-Евразии, евразийское учение утверждает, что Россия — это континент в континенте, так как занимает положение между Европой и Азией и находится на путях пересечения двух цивилизационных течений, идущих с Запада и Востока. Исторические границы Российской империи, а впоследствии и Советского Союза, почти полностью совпадали с границами Евразии, что говорит о естественности и устойчивости данного территориально-государственного образования. Пространственная целостность Евразии обеспечивается ее географической спецификой: огромные размеры, тундра с севера и горная полоса с юга, реки, которые текут в меридиональном направлении, широкая степная полоса, соединяющая восток и запад, практически полное отсутствие выходов к морю, то есть к морским торговым путям, «флагоподобное» расположение основных почвенно-ботанических и климатических зон — все эти особенности подталкивают ее к тому, что она должна быть единым государством, экономически самодостаточным и отличным от других в своем историческом и культурном развитии.

Срединное положение России-Евразии определяет другое важное положение евразийской концепции: единство Евразии предполагает этническую близость народов, населяющих ее. И близость эта не генетическая, не «по крови», а по «почве», по общности территории и исторической судьбы. Анализ языков народов Евразии, их духовной культуры и этнопсихологического уклада, проведенный в рамках евразийской концепции, подтверждает это родство.

Народы, населяющие огромные пространства России-Евразии, многонациональны, и важно под-

держат стремление каждой нации к своей идентичности. В то же время необходимо осознание себя всеми нациями в виде единого народа, связанными исторической судьбой и общей миссией. Национальный идеал евразийства исходит из концепции симфонического «единства во множестве». Его определяющим понятием является «общеевразийский национализм», согласно которому каждый народ имеет право на национальное самоопределение, более того, должен ощущать национальную самобытность. Однако народы, населяющие Россию-Евразию, связаны общими задачами. Они представляют собой единую евразийскую нацию, и осознание этого является одним из важнейших факторов объединения евразийского государства [1, с. 98]. «Общеевразийский национализм» трактуется евразийцами как общий наднациональный интерес народов России-Евразии, способствовавший созданию российского государства, определявший и направлявший в течение веков его внешнюю и внутреннюю политику, идеологию, культуру. В Евразии братство народов должно осуществляться не по одному какому-либо признаку (язык, религия), а по общности исторических судеб. Евразийский национализм — это стремление уйти от сугубо этнической основы национализма и утвердить единственно неэгоистическим видом привязанности к своему этносу любовь к его культуре. А поскольку культура народов России-Евразии — это синтез культур всех народов, населяющих ее, то и национализм общий. (Такая трактовка сближается с концепцией советского народа как особой исторической общности).

Важнейшей частью евразийского учения является концепция государства и государственного управления, которая тесно связана с проблемами культуры, так как исходит из положения о России-Евразии как уникальном этнокультурном мире со своей историей и особым путем развития. Евразийская социокультурная концепция соотносит идею общественного прогресса с усовершенствованием государства, поэтому принципиальным моментом в ней является признание за государством положительной миссии и, соответственно, направленность всего устройства государственного механизма на осуществление этой миссии. Более того, согласно евразийской концепции, любое государство уже имеет в себе начала нравственности: законодательство практически любого государства содержит установленные нормы, несущие в себе определенные религиозно-нравственные начала, а государство, в котором эти нравственные начала полностью вытеснены правовыми, неминуемо снисходит в «состояние принудительной тюрьмы

или в состояние неорганизованной монархии» [2, с. 219]. Культурная компонента в государственном устройстве, согласно евразийской концепции, превагирует над национальной и расовой, а само государство является вторичной формой бытия культуры: «Государство есть сама культура в ее единстве и в качестве единства многообразия, т.е. принципиально государство объемлет все сферы жизни» [3, с. 263]. Более того, в силу необходимости осуществлять признанную за государством положительную миссию, во всех сферах культурной жизни оно должно играть активную роль.

Актуально утверждение евразийцев о несостоятельности западной, романо-германской культуры как общечеловеческой. Идеологи евразийства выступали против слепого подражания Западу и западным ценностям и последовательно развенчивали агрессивные романо-германские претензии на универсальную значимость европейской культуры. Запад в понимании евразийцев предстает носителем технократической цивилизации, вещным, материальным миром в его несовершенстве и конечности бытия. Резким и полемически заостренным в их учении было то, что Европа предстает как поработитель народов, как некий угнетатель культур, подавляющий самобытное развитие других цивилизаций. Культура, как известно, может существовать лишь во множественном числе, а различность, непохожесть становится главным условием развития всего человечества. Когда же это многообразие пытаются распределить по ступеням некоей эволюционной лестницы, на верхушке которой располагается самая развитая и совершенная культура (например, романо-германская), а в основании самая отсталая и дикая, то, с точки зрения евразийцев, это совершенно искусственное и надуманное деление. Оно не может быть объективным, так как предлагается теми, кто находится на вершине, а в качестве критерия развитости закладывается степень близости другой культуры к эталонной. Любая оценка «чужой» культуры в таком случае будет заведомо субъективной и обусловлена чувством собственного национального эгоизма.

Подобную культурную политику «европеизации» наша страна особенно остро ощутила в постсоветский период. И все минусы такой политики, которые были нарисованы Н.С. Трубецким, основоположником и главным идеологом евразийства еще в 1920 г., были налицо: утрата чувства национальной гордости и достоинства, чувства национального единства, утрата политической и экономической независимости, резкий ценностный и культурологический разрыв поколений.

Культурный интернационализм, согласно евразийской концепции, не несет в себе ничего положительного, наоборот, содержит разрушительное начало, так как нивелирует уникальную национальную самобытность каждой человеческой личности. Истинный патриотизм должен вытекать из национального самопознания, должен признавать необходимость самобытной национальной культуры и при этом осознавать самобытность других национальных культур, без подражания и без навязывания своих культурных ценностей. Идея интернациональной цивилизации, иными словами, глобализации, по мнению евразийцев порождает мысль о мировом господстве.

Основоположники евразийства исходили из того, что западничество органически чуждо России. Запад, в отличие от Востока (где личность неразрывно связана с обществом), тяготеет к индивидуализму во всех сферах жизни общества. Таким образом, основной целью евразийства становилось творческое преодоление Запада путем «исхода к Востоку» и построение новой синтетической евразийской культуры.

Евразийское учение утверждает необходимость для России так называемой «восточной ориентации». Очень символично в этом смысле название одного из первых евразийских сборников — «Исход к Востоку». Н.С. Трубецкой еще в 1922 г. писал, что помощь Запада России не будет бескорыстной, что будут приложены все усилия, «чтобы в обмен на эту помощь получить Россию в качестве своей колонии» [4, с. 297]. Следовательно, «интересы России неразрывно связаны с интересами Турции, Персии, Афганистана, Индии, быть может, Китая и других стран Азии. «Азиатская ориентация» становится единственно возможной...» [4, с. 301]. Эти слова Н.С. Трубецкого звучат как пророческие в начале XXI в., «поворот к Востоку» в России, который мы наблюдаем в последние годы, подтверждает значимость евразийской доктрины.

Чем же актуально евразийское учение для современной культурной политики России? Во-первых, пониманием России-Евразии как особого культурного мира со своим особым путем развития. Во-вторых, идеей «предсозданности» Евразии к образованию на ее территории единого и сильного государства. В-третьих, в противоположность концепциям, где единицей общественного бытия считался отдельный субъект, индивид, евразийцы использовали понятие «симфоническая личность», элементы которой органично связаны и раскрываются только во взаимодействии, образуя некое единство. В такой трак-

товке народ выступает как организованное и согласованное иерархическое единство социальных групп, а культура народа — как симфоническое единство более частных культур. Таким образом, культура одновременно является объективацией симфонической личности и осуществляется через индивидуумов [5, с. 176-177].

Разрабатывая модель совершенного государства, евразийцы отмечали непонимание западниками геополитических и культурных задач России, ошибочность их желания пересадить на русскую почву чужие формы общественного устройства без учета наших национальных особенностей. Евразийские идеи в настоящее время последовательно воплощаются в жизнь, так как территория, очерченная рамками бывшего СССР (а раньше рамками Российской империи), по мысли классиков евразийской мысли, должна быть единым и сильным объединением. Может быть, поэтому распад СССР был охарактеризован президентом России В.В. Путиным в 2005 г. как «геополитическая катастрофа века» [6].

Меняющаяся однополярная картина мира, стремление России отстоять свою геополитическую, экономическую и культурную независимость неизбежно ведут к тому, что государственная культурная политика будет опираться на евразийские идеалы. После периода откровенно антисоциальных реформ, после того как Россия, открыв свои рынки, стала практически добычей для Запада, начались процессы возрождения и модернизации страны. По мнению А.Б. Шатилова, российская элита именно в этот период «была обречена стать патриотической» [7, с. 18], а значит, необходимы новые идеологические парадигмы, выстраивание новой государственной культурной политики.

С начала 2000-х гг. в правящих кругах растет понимание необходимости национальной идеи для возрождения страны. В 2000-е гг. это направление оформляется в виде государственных программ: «Культура России (2001–2005 гг.)» и «Культура России (2006–2011 гг.)», благодаря которым удалось преодолеть спад в развитии культуры и даже увеличить участие государства и общества в поддержке культуры. В настоящее время успешно работает федеральная целевая программа «Культура России (2012–2018 гг.)», в концепции которой, утвержденной распоряжением правительства РФ от 22.02.2012, говорится о необходимости программного подхода к развитию культуры, так как культура России представляет собой сложную многоуровневую систему, и решение проблем может быть только комплексным, учитывающим множество смежных факторов.

В мае 2014 г. был опубликован и вынесен на общественное обсуждение проект Основ государственной культурной политики, подготовленный рабочей группой во главе с руководителем Администрации президента С.Б. Ивановым, в котором нашли отражение многие евразийские идеи. Подчеркивалось, что на протяжении всей непростой российской истории именно культура аккумулировала и передавала поколениям духовный опыт нации и обеспечивала единство многонационального народа России. В настоящее время, в условиях обострения глобальной идейно-информационной конкуренции это свойство российской культуры становится определяющим для будущего страны. Указом Президента РФ от 24.12.2014 г. «Основы государственной культурной политики» были утверждены. В документе декларируется, что содержанием современной государственной культурной политики является создание и развитие системы воспитания и просвещения в русле традиционных для России нравственных ценностей, воспитание гражданской позиции и патриотизма. И главным инструментом в этом процессе является многовековая и многонациональная культура России.

Государство не только ставит перед собой задачу сохранить культурные и нравственные ценности, но и выступает в роли активного организатора социокультурной жизни общества, воспитывающего творчески активную личность с гражданской позицией, вовлеченную в общественное и культурное строительство. «Принимая настоящие Основы, государство впервые возводит культуру в ранг национальных приоритетов и признает ее важнейшим фактором роста качества жизни и гармонизации общественных отношений, залогом динамичного социально-экономического развития, гарантом сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности России» [8].

Впервые в постсоветской России признается на государственном уровне, что культура является не только основой национальной самоидентификации, но и гарантом сохранения национальной безопасности, и это отражено во многих программных документах Министерства культуры. «Государственная культурная политика призвана обеспечить приоритетное культурное и гуманитарное развитие как основу экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны. Государственная культурная политика признается неотъемлемой частью стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [8]. Подчеркивается, что сохранение культурной и национальной самобытности всех народов России обеспечивает ее единство, и это поддерживается политикой на

государственном уровне. Государственная культурная политика на современном этапе не только утверждает уникальность культуры нашей страны, ее многовековые традиции, но и призывает использовать этносоциальные особенности России как многонационального и многоконфессионального единства. «В силу своего географического положения, многонациональности, многоконфессиональности Россия развивалась и развивается как страна, объединяющая два мира — Восток и Запад. Исторический путь России определил ее культурное своеобразие, особенности национального менталитета, ценностные основы жизни российского общества. Накоплен уникальный исторический опыт взаимовлияния, взаимообогащения, взаимного уважения различных культур — на этом естественным образом веками строилась российская государственность» [8].

Основанием для выработки государственной культурной стратегии на современном этапе являются не только задачи модернизации страны, но и опасности гуманитарного кризиса, которые стали проявляться в снижении интеллектуального и культурного уровня граждан, в девальвации традиционных для России нравственных и духовных ценностей, деформации исторической памяти. Россия в последние годы выступает гарантом защиты традиционных религиозных и моральных норм, выступает против навязывания и пропаганды либеральных ценностей Запада. «Если говорить о взаимоотношениях России и Евросоюза, то их резкое ухудшение в 2013–2014 гг. во многом стало следствием несовпадения мировоззрений российского и европейского руководства. Команда Владимира Путина ориентирована на религиозные и традиционные ценности, что уже изначально создает ситуацию «недоговороспособности» с левыми либералами» [9, с. 18]. Президент России откровенно обвиняет европейский истеблишмент в отходе от нравственных начал христианской идентичности, заявив, что наша страна не будет в угоду политкорректности отходить от традиционных для России религиозных и нравственных приоритетов.

Целями государственной культурной политики являются развитие личности и укрепление российского общества с помощью культуры, а также укрепление гражданской идентичности, сохранение культурных ценностей и передача их следующим поколениям. В принципах государственной культурной политики отражен один из важнейших евразийских принципов открытости русской культуры и взаимодействия ее с другими культурами. Одной из приоритетных задач в области культурной политики является «сохранение этнокультурного раз-

нообразия как одного из значимых источников профессиональной культуры и важной составляющей этнонациональной идентичности» [8].

На протяжении всей истории России культура была уникальным ресурсом, который сохранял и передавал следующим поколениям духовный опыт нации, обеспечивал единство нашего народа, воспитывал чувство патриотизма и национальной самоидентичности и укреплял престиж страны в мире. Культура — это мост, который помогает восстановить единство поколений, разрушенное после распада СССР. «Культура России — такое же ее достояние, как и природные богатства. В современном мире культура становится значимым ресурсом социально-экономического развития, позволяющим обеспечить лидирующее положение нашей страны в мире» [8].

Концептуальное решение современной культурной политики России в русле евразийских идей определяет задачу модернизации и интеграции механизмов создания и передачи ментальных парадигм, традиционных для нашей страны. Это позволит сохранить духовное и этнокультурное единство страны, обеспечит независимость и развитие Российского государства в сложных условиях глобализирующегося мира и восстановит утраченный паритет в мировой биполярной структуре. Именно для воссоздания этно- и культурной самоидентификации России в постсоветский период необходима реализация ясно сформулированной и планомерно реализуемой государственной культурной политики как главного инструмента интегрирования важнейших культурных, нравственных и ментальных основ нашего общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трубецкой Н.С. Общевразийский национализм. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 417–428.
2. Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб.: Лань, 1999.
3. Евразийство. Опыт систематического изложения // Мир России — Евразия: антология / Сост.: Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М.: Высшая школа, 1995. С. 233–290.
4. Трубецкой Н.С. Русская проблема. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С.297.
5. Карсавин Л.П. Основы политики // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993. С. 176–177.
6. Российская газета. № 3755. 26 апреля 2005 г.
7. Шатилов А.Б. Инновационный проект модернизации России и позиция властной элиты // Власть. 2013. № 9.
8. Основы государственной культурной политики. — URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d526a87768a8730eb.pdf> (дата обращения 30.07.2015).
9. Шатилов А.Б. Идеологическая трансформация элиты современного запада в начале XXI в. // Власть. 2015. №3.

REFERENCES

1. Trubetsky N.S. Obshchevraziyskiy natsionalizm [Pan-Eurasian nationalism] *Istoriya. Kul'tura. Yazyk*. [Story. Culture. Language.]. Moscow, Progress Publ., 1995, pp. 417–428.
2. Alekseev N.N. *Osnovy filosofii prava* [Fundamentals of the philosophy of law]. St. Petersburg, Lan' Publ., 1999. 256 p.
3. Novikova L.I., Sizemskaya I.N. Evraziystvo. Opyt sistematicheskogo izlozheniya [Eurasianism. The experience of systematic exposition]. *Mir Rossii – Evraziya: antologiya* [World of Russia - Eurasia: an anthology]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1995, pp. 233–290.
4. Trubetsky N.S. Russkaya problema [Russian problem]. *Istoriya. Kul'tura. Yazyk*. [Story. Culture. Language.]. Moscow, Progress Publ., 1995, pp. 297.
5. Karsavin L.P. Osnovy politiki [The policy framework]. *Rossiya mezhdru Evropoy i Aziey: Evraziyskiy soblazn. Antologiya*. [Russia between Europe and Asia: Eurasian temptation. Anthology.]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 176–177.
6. *Rossiyskaya gazeta*. № 3755. 26 April 2005.
7. Shatilov A.B. Innovatsionnyy proekt modernizatsii Rossii i pozitsiya vlastnoy elity [An innovative project to modernize Russia and the position of the power elite]. *Vlast'* [Power]. 2013, I. 9.
8. *Osnovy gosudarstvennoy kul'turnoy politiki* [Fundamentals of state cultural policy] Available at: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d526a87768a8730eb.pdf> (accessed 30 July 2015).
9. Shatilov A.B. Ideologicheskaya transformatsiya elity sovremennogo zapada v nachale XXI v. [The ideological transformation of the elite of the modern West in the early twenty-first century]. *Vlast'* [Power]. 2015, I. 3.

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

УДК 005 +612.821

DOI 10.12737/17061

Применение теории катастроф в рамках новой парадигмы менеджмента

Титова Ольга Александровна

студентка группы УПР 2-3 факультета «Менеджмент» Финансового университета при Правительстве РФ

e-mail: Olga132_95@mail.ru

Дальнейшее увеличение роли процессов глобализации и информатизации общества в XXI в. создает необходимость формирования новой парадигмы менеджмента, в рамках которой будут широко использоваться математические методы и модели. В настоящее время поток информации, растущий в геометрической прогрессии, практически не поддается полному и своевременному анализу, в связи с чем принятие оптимальных решений на основании логики и интуиции весьма затруднительно. В данной статье рассматривается пример интеграции методов различных наук (психология, философия, математика) в целях построения модели, которая поможет спрогнозировать ожидаемые вариации поведения людей. Проанализировав данные, приведенные в статье, можно сделать следующий вывод: применение теории катастроф в менеджменте в качестве инструмента прогнозирования реакции общественности на изменения целесообразно, так как дает возможность построения актуальной модели человеческого поведения и восприятия людьми стабильности. Это, в свою очередь, делает возможным своевременное управленческое реагирование и облегчает задачу принятия соответствующих решений.

Ключевые слова: глобализация, информационные технологии, парадигма менеджмента, теория катастроф.

Application of Catastrophism in the Frame of Management's New Paradigm

Titova Olga Aleksandrovna

Student of UPR 2-3 Group of Management Faculty, Financial University under the Government of the Russian Federation

E-mail: Olga132_95@mail.ru

The further increase of the role of society's globalization and informatization processes in the 21st century creates the need of management's new paradigm formation in the frame of which mathematical methods and models will be widely used. Even today the information flow growing in a geometrical progression practically defies the full and timely analysis, wherefore it is very difficult to adopt optimum decisions based on logic and intuition. In this paper an example related to integration of methods of various sciences (psychology, philosophy, mathematics) for the purpose of creation of a model which will help to predict the expected variations of people's behavior is considered. Having analyzed this paper's data it is possible to draw the following conclusion: catastrophism application in management as the tool for forecasting of the population's reaction on changes is expediently as this application gives the chance for creation of actual model for human behavior and stability perception by the people. Whereas it does possible a timely administrative reaction and facilitates a task for making of relevant decisions.

Keywords: globalization, information technologies, management paradigm, catastrophism.

В настоящее время в связи с процессом глобализации деятельность в области менеджмента становится практически безграничной. В данном

контексте актуально формирование новой парадигмы менеджмента. Выделяют ряд факторов, которые будут непосредственно влиять на этот процесс:

- новое восприятие, измерение и интерпретация менеджмента;
- отрицание прошлого и ориентация на новое;
- избегание стереотипных моделей системы;
- неповторимость организационных систем;
- учет особенностей национальной культуры [1].

В табл. 1 приведены различия традиционной парадигмы и новой.

В новой парадигме концепция философии менеджмента есть решение насущных проблем управления организацией путем согласования потребностей и интересов национальных организаций и личности, создания условий их единения. Эта парадигма должна приниматься обществом и поддерживаться государством, а также быть фактически реализуемой в условиях меняющейся действительности.

В настоящее время многие исследователи сходятся во мнении, что основой развития современного общества выступают цифровые технологии, электронная микроинженерия и новые коммуникационные технологии [2]. Согласно теории Н. Винера и М. Кастельса, к этим основополагающим факторам можно добавить достижения в области медицины и биологических наук. Глобализация как результат стремительного развития информационных технологий еще более усложняет процесс выработки управленческих решений.

Необходимо отметить также следующую тенденцию современности: организационные системы становятся все более сложными, их реакции на внешнее воздействие менее предсказуемы. В этих условиях оценить результативность принятых решений затруднительно. В итоге возникает стойкая неспособность человека к принятию оптимальных решений в условиях лавинообразно нарастающего

потока информации. Поэтому современный менеджер, в рамках новой парадигмы, при подготовке и принятии решений должен использовать результаты обработки информации различных информационных систем. А на данном этапе общественного развития принципиально необходимо использовать математические методы и информационные технологии принятия управленческих решений.

Использование математических моделей и методов очень распространено. Широко используются они для оценки общественных настроений, а также прогнозирования их влияния на состояние стабильности в обществе. Здесь нужно особо выделить эмоциональный компонент, как непосредственную часть социального познания, лишь частично понимаемый и контролируемый человеком. Эмоция может рассматриваться не только как индивидуальное переживание, но и в аспекте связи между индивидами и социальными явлениями.

В связи с этим рассмотрим использование теории катастроф как метода математического прогнозирования потери стабильности обществом. Л.А. Паутова и А.К. Гуц в статье «Крушение стабильности общества и теория катастроф» [3] описывают экспериментальное измерение эмоциональных состояний посредством цвета, т.е. с использованием адаптированного восьмичетового теста Люшера. Данный тест широко применяется для фиксирования бессознательных невербализированных ассоциаций, возникающих при восприятии объекта. Исследование на тему «Социальное представление о стабильности», проведенное в 2005 г. среди студентов и пользователей Интернета России и Украины, показало, что стабильность имеет неоднозначное цветовое выражение. Тест Люшера показал, что стабильность чаще

Таблица 1

Традиционная и новая парадигмы менеджмента

Традиционная (Ф. Тейлор, А. Маслоу, Э. Мэйо, А. Файоль)	Новая (П. Друкер, Э. Шо, Р. Уотерман, Т. Питерс, П.Сенге, И. Ансофф)
Предприятие — закрытая система	Организация — открытая система, влияние на которую оказывают как внутренние, так и внешние факторы
Главный фактор успеха и конкуренции — количественное увеличение объема производства продукции	Ориентация в первую очередь на спрос потребителя, а также на качество выпускаемой продукции и предоставляемых услуг
Основная цель менеджмента — обеспечение экстенсивного роста путем оптимального использования ресурсной базы и производственных мощностей	Гибкость системы и своевременная адаптация к изменениям внешней и внутренней среды
Основные источники прибыли — сами работники предприятия и их производительность	Главный источник прибыли — интеллектуальный потенциал сотрудников, в связи с чем необходимо создать комфортные условия для самореализации работников
Тотальный контроль, т.е. опора на стандарты, правила и нормы, а также распорядок труда и полномочий	Гибкая и вариативная система управления, направленная на инновации, повышение мотивации сотрудников, непрерывное развитие и совершенствование методов управления. Большая роль математических и информационных технологий

ассоциируется с синим («глубина чувства») и зеленым («гибкость воли») цветами, что говорит о преобладании спокойного восприятия стабильности. Однако зафиксированы и другие доминанты стабильности: радостное восприятие (желтый), динамичная акцентуация (красный), болезненно-настороженное отношение (серый) и негативно-печальное восприятие (черный, коричневый, фиолетовый). Полученные данные можно интерпретировать следующим образом: противоречивое эмоциональное восприятие стабильности говорит о различии в организации сознания стабильности в обществе. Эмоция выступает важным фактором при оценке и прогнозировании последующего поведения (радикального или стабилизационного).

С точки зрения менеджмента, данное исследование имеет ценность как в аспекте оценки стабильности и эмоционального климата внутри предприятия, так и анализа стабильности общества в целом. А потому следует продемонстрировать возможность применения результатов исследования для построения цветовой модели стабильности общества и прогнозирования возможных кризисов. Для этого свяжем уровень стабильности (x) с 8 цветами: синим (С), красным (К), зеленым (З), желтым (Ж), серым (Ср), черным (Ч), коричневым (Кн) и фиолетовым (Ф). Изменение уровня стабильности во времени описывается следующим дифференциальным уравнением:

$$\frac{dx}{dt} = -\frac{\partial V}{\partial x}, \quad (1)$$

где

$$\begin{aligned} V(x, C, K, Z, J, Sp, Ch, Kn, Ph) = \\ = \frac{1}{10}x^{10} + \frac{1}{8}C \cdot x^8 + \frac{1}{7}K \cdot x^7 + \frac{1}{6}Z \cdot x^6 + \\ + \frac{1}{5}J \cdot x^5 + \frac{1}{4}Sp \cdot x^4 + \frac{1}{3}Ch \cdot x^3 + \\ + \frac{1}{2}Kn \cdot x^2 + Ph \cdot x. \end{aligned} \quad (2)$$

Общественная стабильность и ее эмоциональное цветовое восприятие соответствуют некоему равновесному состоянию, обозначающему неизменность величины x на протяжении заданного периода ста-

бильности. Предполагая в уравнении (1) $x=const$, получим уравнение состояния равновесия вида:

$$\frac{\partial}{\partial x} V(x, C, K, Z, J, Sp, Ch, Kn, Ph) = 0$$

или

$$\begin{aligned} x^9 + C \cdot x^7 + K \cdot x^6 + Z \cdot x^5 + \\ + J \cdot x^4 + Sp \cdot x^3 + Ch \cdot x^2 + \\ + Kn \cdot x + Ph = 0. \end{aligned} \quad (3)$$

Согласно теории катастроф, уравнение (3) соответствует высшей катастрофе [4], где в заданном 8-мерном пространстве С, К, Ж, Ср, Ч, Кн, Ф в случае изменения исходных цветовых параметров происходит скачкообразное изменение уровня стабильности x , т.е. переход от одного типа стабильности к другому. Момент перехода характеризуется наличием кризисных изменений в обществе: хаос, войны, беспорядки.

Значимость исследования стабильности общества в целом не вызывает сомнения, однако можно с уверенностью говорить о целесообразности применения подобных методов математического моделирования в рамках философии менеджмента вследствие возрастающей ответственности управляющей системы за судьбы общества, обусловленную, в первую очередь, нестабильными предельными ситуациями, охватившими все сферы общественной жизни [5]. Таким образом, в рамках новой парадигмы философии менеджмента, учитывающей тенденцию к увеличению роли информационных технологий и экономико-математических методов управления, прогнозирование общественных настроений путем моделирования процессов в соответствии с теорией катастроф выступает важным инструментом управления, а также предотвращения кризисных ситуаций. Использование аналогичных математических методов в менеджменте, несомненно, вызывает некоторые затруднения, связанные, в первую очередь, с необходимостью проведения предварительных исследований и последующей обработкой и систематизацией данных, что приводит к дополнительным затратам. Однако к положительным факторам указанного процесса можно отнести высокую точность сформированного прогноза и, как следствие, возможность принятия наиболее оптимальных решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батхурэл Х.Г. Поиск новой парадигмы менеджмента в условиях глобализации // Экономика региона. 2011. №1. С.224-228.

2. Муромцев В.В. Новая парадигма управления в сложных организационных системах (введение в информационный менеджмент) // Экономический журнал. 2013. №4 (том 32). С.143–150.
3. Паутова Л.А., Гуч А.К. Крушение стабильности общества и теория катастроф // Математические структуры и моделирование. 2014. №3 (31). С.68–77.
4. Постон Т., Стюарт И. Теория катастроф и ее приложения / Пер. с англ. [и предисл.] А.В. Чернавского. М.: Мир, 1980.
5. Струк Е.Н. Социальные пределы инновационных изменений: философско-методологический анализ: дис. ...канд. фил.наук. –2013. URL:http://dibase.ru/article/13062013_124227_struk (дата обращения: 06.03.2015).

REFERENCES

1. Bathurjel H.G. Poisk novej paradigmy menedzhmenta v uslovijah globalizacii [The search for new paradigms of management in the context of globalization]. *Ekonomika regiona* [The region's economy], 2011, I. 1, pp. 224–228.
2. Muromcev V.V. Novaja paradigma upravlenija v slozhnyh organizacionnyh sistemah (vvedenie v informacionnyj menedzhment) [A new paradigm in the management of complex organizational systems (introduction of information management)]. *Ekonomicheskij zhurnal* [Economic Journal], 2013, I. 4 (V. 32), pp.143–150.
3. Pautova L.A., Guc A.K. Krushenie stabil'nosti obshhestva I teorija katastrof [The collapse of the stability of society and catastrophe theory]. *Matematicheskie struktury I modelirovanie* [Mathematical Structures and Modeling], 2014, I. 3 (31), pp.68–77.
4. Poston T., Stjuart I. *Teorija katastrof I ee prilozhenija* [Catastrophe theory and its applications]. Moscow, Mir Publ., 1980.
5. Struk E. N. *Social'nye predely innovacionnyh izmenenij: filosofsko-metodologicheskij analiz. Kand. Diss.* [Social changes in the limits of innovation: the philosophical and methodological analysis. Cand. Diss.]. Available at: http://dibase.ru/article/13062013_124227_struk (accessed 06 March 2015).

Мифологический фактор в политико-экономическом проекте инновационной модернизации Китая

Зебелева Александра Васильевна

студентка 4 курса, направление Политология, Финансовый университет при Правительстве РФ

E-mail: a.zebeleva@gmail.com

С необходимостью инноваций сталкивается каждое государство, претендующее на региональное или мировое лидерство. Одной из моделей инновационного развития является китайская. Она включает не только политические и экономические преобразования. Факторы политической культуры, а конкретнее — мифологический фактор — при изучении инновационной модернизации часто недооценивается.

К настоящему времени Китай достиг значительных успехов за относительно небольшой временной промежуток. В данной ситуации важно и интересно понять, за счет каких «нестандартных» методов это произошло. Модель китайской инновационной модернизации наглядно демонстрирует стратегически важную роль мифологического фактора в экономико-политическом развитии страны. В статье рассматриваются основные «столпы» использования мифологии в рамках инновационной модернизации — архетипы и мифологическое мировоззрение.

Ключевые слова: Китай, модернизация, политическая культура, мифологический фактор, архетипы современности, национальная инновационная система.

Mythological Factor in Political and Economic Project for Innovative Modernization of China

Zebeleva Alexandra Vasil'evna

4-year Student, Politics Program Track, Financial University under the Government of the Russian Federation

E-mail: a.zebeleva@gmail.com

Each state applied for regional or global leadership faces the necessity of innovations. One of the models of innovative development is the Chinese. It includes not only political and economic changes. Factors of political culture, more specifically - the mythological factor is often underestimated in the study of innovative modernization.

To date, China has made considerable progress in a relatively short period of time. In this situation it is important and interesting to understand, due to what "non-standard" methods it happened. The model of Chinese innovation modernization demonstrates the strategic role of the mythological factor in the economic and political development of the country. The article examines the main "pillars" of the use of mythology within the framework of innovative modernization - archetypes and mythological worldview.

Keywords: China, modernization, political culture, mythological factor, archetypes of modernity, the national innovation system.

Вопрос инноваций далеко не нов, но по-прежнему актуален. Многие страны уже столкнулись или даже пережили если не сам этап модернизации и перехода к инновационной экономике, то этап осознания необходимости этого перехода. Сложно отрицать тезис о том, что переход к модернизации распространен повсеместно. Хотя вопрос о модернизации в странах с недемократическим режимом долгое время оставался сомнительным; западная наука говорила о том, что переход к инновационной экономике в таких государствах невозможен. Но, с другой стороны, существует позиция, что недемократическим режимам также интересен инновационный проект, поскольку в рамках этого проекта существует возможность обеспечить развитие экономической и социальной сферы без кардинальных политических преобразований. Если говорить о вопросе инноваций в России, то мы только вступаем на путь перехода к инновационной экономике.

В данной статье ставится вопрос о роли политической культуры в процессе модернизации. Но так как вопрос этот достаточно широкий, то следует рассмотреть конкретный, узкий кейс. В данных параметрах наиболее очевидным и достойным примером является пример Китая, инновационная модель которого стала одним из ключевых примеров успешной модернизации. В рамках ее изучения наиболее интересно раскрыть роль мифологического фактора как элемента политической культуры. Для этого необходимо разъяснить функцию мифологии в современном обществе, поскольку первоначальный, поверхностный взгляд может привести к мысли об ее отсутствии, а этот вывод ошибочен. Миф — это не только рассказ о сверхъестественном прошлом, но и средство объяснения настоящего и будущего. Более того, мифология этноса способна организовать ритуалы — политические акции, способна порождать символы, приобретающие характер политического лозунга, знамени.

Религия, язык, этнические различия, а иногда и этнический эпос подвергаются мифологизации в современной культуре. Существенна в рассматриваемом вопросе, а также в культуре этноса как целого, мифологизация истории, особенно происходящая под влиянием межэтнических противоречий и конфликтов. В условиях китайской специфики этот аспект один из самых важных.

В рамках повествования о мифологизации возможна недооценка этого фактора в контексте общей политической культуры, а впоследствии — и институциональной структуры и инновационного процесса. Также необходимо отметить, что человек, перешедший

к постматериалистическим ориентациям, отличается отрицанием любой иерархии. Из этого тезиса можно прийти к мысли о неэффективности и отсутствии значения мифов в современной ситуации. Но этот аргумент опровергается при углублении в вопрос о том, что же такое миф. В первую очередь это коллективное бессознательное, «слабо рефлекслируемое психическое состояние» (З. Фрейд). Оно проявляется как смутные образы, предчувствия, не поддающиеся вербализации влечения. Они как бы независимы от доминирующих в сознании категориальных схем и концептуальных полей. Таким образом, они существуют и воздействуют на поведение любого человека, на каком бы этапе развития он не находился.

Бессознательное включает разные составляющие, в том числе сосредоточение информации, накопленной предшествующими поколениями. Именно эти архаические пласты представляют автономный психический фонд — коллективное бессознательное, в котором запечатлен культурно-исторический опыт многих поколений. О коллективном бессознательном много писал К.Г. Юнг, который говорил, что это «есть вместе с тем образ мира, в котором с течением времени выкристаллизовывались определенные черты, доминанты, так называемые архетипы» [1]. Такие архетипы создают готовность репродуцировать вышедшие из коллективного бессознательного мифологические представления, также они являются некими «силами или тенденциями», которые способствуют повторению опыта коллективного бессознательного. Таким образом, мы можем считать миф сохраняющимся, неопровержимым и самовоспроизводящимся фактором политической культуры. Поэтому его влияние на экономическое и политическое поведение человека отрицать невозможно.

Доказав необходимость изучения мифа как аспекта экономической и политической системы, перейдем к разъяснению того, в какой «фокусной точке» миф имеет прямое воздействие на эти сферы жизни общества, а конкретно — на процесс инновационной модернизации. Элита выступает главным носителем и транслятором идей инновационной модернизации. Практика прошедших в разных странах модернизаций показывает, что бизнес и гражданское общество очень редко становятся инициатором таких реформ. Общественные массы, как правило, психологически и интеллектуально консервативнее (инертнее) своих элит, кроме того, массы не обладают развитыми аналитическими и прогностическими способностями.

Интересно, что китайское руководство, в том числе в рамках обеспечения инновационного раз-

вития, достаточно легко смогло найти сочетание между марксизмом, уходя от догматизма, и традиционными мировоззренческими моделями. Впоследствии появилась органичная модель, сочетающая традиции и новации. Похожая мировоззренческая система была заложена великим китайским философом Конфуцием, который говорил о балансе этики и знаний в жизни человека [2].

Инновационные преобразования являются частью экономической системы, но нельзя отрицать, что их невозможно полноценно отделить от политической системы, в том числе потому, что для старта инновационных изменений необходима политическая воля. Таким образом, экономико-политическая элита общества выступает двигателем инновационной модернизации. Элита внедряет инновации, формирует устойчивую инновационную среду, которая сама поддерживает и воспроизводит.

Рассмотрим вопрос об идеологии и стратегии инновационного развития Китая. Китайская элита смогла после долгих обсуждений прийти к общему решению по поводу главного направления, в рамках которого будет возможность проводить реформы, но это не изменит незыблемые основы государства и общества. Именно так появилась концепция неоавторитаризма. Ее суть заключается в том, что ориентируясь на реализацию модернизационного курса, рынок и демократия должны появиться в стране постепенно, под особым вниманием и контролем жесткой и сильной власти. Сторонники неоавторитаризма считают ключевым отличием от старого авторитаризма то, что новый авторитаризм ставит целью динамичное развитие общества. Старый авторитаризм, в свою очередь, это режим, реализующийся в замкнутой системе, разрушающий впоследствии сам себя. В результате, по мысли сторонников неоавторитаризма, новый режим приведет к созданию условий для мирных, эволюционных демократических преобразований. Также они говорили, что перейти к демократии можно лишь путем всеобъемлющей, поэтапной, разноплановой модернизации, по итогам которой появятся психологические, социальные и экономические предпосылки для свободы и демократии [3].

Успех или поражение инновационных преобразований зависит от политической стабильности в стране и степени единства нации. Возвращаясь к специфике Китая, можно сделать вывод, что проект был подготовлен и проработан достаточно тщательно. Но он не мог состояться без обширного и массивного воздействия на общественное сознание. КНР, уже использующая к тому моменту и ограничение ин-

формации, и пропаганду, выбрала более мягкий путь воздействия. В связи с этим важно отметить, что инновационная мотивация нередко несет в себе идеологическую составляющую. На инновационный курс серьезное влияние оказывает политическая культура, которая может либо мешать, либо способствовать инновациям, а также отражается на характере реформ. Именно эта идеологическая составляющая инновационного проекта заслуживает особого внимания.

В КНР сформировали особую идеологическую конструкцию, самодостаточную концепцию для определенного стереотипа поведения. Китайская модель использовала обширную идеологическую составляющую. В ее рамках использовались древние, подчас архаичные и мифологизированные конструкции. Например, сами китайцы регулярно вспоминают об одном из древнейших мифов Китая о том, что Китай является центром мира: на севере — холодные леса, на востоке и юге — бескрайнее море, на западе — высокие горы; таким образом вокруг нет никого и ничего, а значит, Китай — центр мира. Этот миф является примером идеологической составляющей. Эта составляющая была отлично проработана китайской правящей элитой: несмотря на место своего проживания, китаец всегда старается работать на благо Поднебесной. Любой исконный китаец, родившийся в Китае или за его пределами, работая на любую организацию, всегда заботится об улучшении положения Китая.

Население КНР как постколониальной страны тяготело к коллективизму, недемократическим режимам и господству моноидеи или идеократии. Слабая ориентация населения в политических процессах, а также отсутствие навыков самостоятельного управления после освобождения от метрополии привели к доминированию коллективных форм организации жизни и к консолидации общества. У новой тоталитарной власти была неограниченная возможность управлять общественным мнением, поскольку население не имело артикулированных и агрегированных политических интересов, мировоззренческих приоритетов и соответствующего опыта. Эта власть часто использовала простые, понятные населению идейно-теоретические мифологизированные формулировки. Такие простые и доступные конструкции неизбежно становились популярными и востребованными у большинства. С другой стороны, идейно-теоретические конструкции, полученные от либерального Запада, сталкивались с традиционными верованиями, традициями, обычаями, базовыми ценностями. В итоге западные

конструкции либо вытеснялись, либо трансформировались для соответствия существующей системе.

Важно отметить противопоставление Китая и враждебного западного мира как элемент этой идеологической составляющей. Это может показаться свойственным только Китаю, но на самом деле это не так. В формировании этносов существуют две тенденции: этноинтегрирующая и этнодифференцирующая, причем наиболее существенна и первична этнодифференцирующая тенденция. Она формирует самосознание, и часто самоназвание этноса строится на основе дифференциации и обособления от других этносов. «Этнос может быть определен лишь через его противопоставление другим этносам. Следовательно, самосознание этноса есть реализация древнейшего архетипа “мы—они”, бытующего в коллективном бессознательном и воплощаемого в стереотипах поведения, мифах, ритуалах и символах» [4]. Это не может не отразиться и на мифологии этноса, которая развивается в этноинтегрирующем и этнодифференцирующем русле. Таким образом, возвращаясь к вопросу о роли мифологического фактора, можно особенно выделить в китайском примере противопоставление «мы—они» как дополнительный рычаг форсирования модернизации. Это также отражается на внешней политике, поскольку успешная модернизация, проводимая собственным путем, повышает ресурсный потенциал и международный вес Китая. Это путь сохранения традиций, идущий вопреки навязываемому пути ломки старых экономических и политических систем, который всегда приводит к социальным проблемам. Помимо этого КНР активно продвигает свои национальные интересы практически по всему миру, претендуя тем самым на глобальное лидерство. Важно отметить, что Китай вступил на путь модернизации не только в практически враждебной внешнеполитической обстановке, но и в ситуации методологического и научного кризиса по вопросу потенциала реформ в «несвободных» странах. Суть заключается в том, что «победы демократии» в период 1980–1990-х гг. привели транзитологов к мысли, что тоталитарные государства даже не смогут дожить до нового века, а не то чтобы модернизироваться или стать лидерами.

Дополнительным рычагом для китайской модели стал и образ врага. В мифологии архетип «мы—они» всегда подразумевает наличие «чужих». «Они» или «чужие» — это некий оплот зла. От «них» ожидаешь только жестокости, предательства, беды и несчастья. Обычно «врагу» приписываются и собственные негативные качества, таким образом «мы» избавляются от них. В итоге на фоне таких «они» члены

своего этноса выглядят как люди без негативных качеств. Соответственно, «нам» необходимо выжить среди «них», если понадобится, таких «врагов» нужно нещадно уничтожать. Создание образа врага — одна из наиболее характерных черт этнической мифологии и встречается во все времена и во всем мире. «Тайными кознями врагов можно объяснить и оправдать любые просчеты и неудачи, несоответствие результата поставленным целям и т.д. Таинственные силы зла — причина всех недостатков в нашей сегодняшней действительности» [5].

Персонификация представлений о причинах происходящих в обществе изменений вырастает впоследствии в образы «добрых» и «злых» сил, «героя» и «врага». Мифологическая логика не признает возможности существования безличной, объективной причины события или явления, ставя на ее место конкретную личность или группу. Таким образом происходит и персонификация лидера. Восприятие мира на основе мифов приводит к тому, что общество осознает свое единство только вокруг образа умершего или живого вождя, постепенно теряющего признаки человека и приобретающего сверхспособности и символические черты. Такому образу «героя» приписываются подвиги и все достижения общества, «герой», чаще всего, это оплот мечты данного общества. В данном случае вспоминается пример современных и предыдущих лидеров Китая, легенд о них и т.д.

Если образ врага ассоциируется с понятием «заговор», то образу героя наиболее точно соответствует понятие «чудо». При этом подразумевается, что истоки того и другого исходят из сверхъестественного, сил добра и зла. Вывод: обычный человек не может и не должен понимать замысел этих сил, он может лишь верить в этот замысел и надеяться, что этот замысел учтет все его интересы и ожидания.

Несмотря на то, что по официальным данным половина населения КНР неграмотны, у правящей элиты получилось создать систему эффективного информационного обеспечения. Систему, которая доводит до населения позицию государства как единственно приемлемую и абсолютно верную. Пример, подтверждающий это, можно найти в 1989 г.: студенческие волнения, которые были представлены как действия групп экстремистов и бандитов. Информационная система довела до граждан Китая представления о том, что эти беспорядки были инициированы их идеологическим «врагом» из Америки. Также интересно отметить, что это информационное воздействие работало не только на территории Китая, диаспоры КНР в США и Западной Европе также

получили эту позицию как единственно верную. Можно сделать вывод, что эта информационная система работает по всему миру, в каждом государстве, где есть китайская диаспора.

Характер мифа-символа может приобрести в процессе этнической идентификации религия, которая всегда играла важную роль в процессе этнической консолидации. Современная инновационная политика Китая уделяет большое внимание человеческому фактору, воспитанию «благородного мужа», о котором говорил Конфуций. «Мужа» — как образованной и гармонично развитой личности, которая способна решать наряду с личными и общественные задачи. В КНР не зря до сих пор Конфуций почи-

тается как главный духовный наставник и мыслитель, а конфуцианство выступает в качестве идеологической основы общества.

Экономическая система Китая добилась успеха за счет децентрализованных процессов экономической деятельности в условиях жесткой международной конкуренции. Успехи в инновационной деятельности стали результатом создания мощных возможностей и стимулов для предпринимательства, обеспечения входа и выхода на рынок, открытости экономики к конкуренции на внутреннем и международных рынках. Свою роль в рамках китайского проекта экономико-политической модернизации сыграл и мифологический фактор.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юнг К.Г. Очерки по психологии бессознательного. Пер. с англ. под общей ред. В.В. Зеленского. М.: Когито-центр, 2010.
2. Константинова М.А. Философские основы современного китайского образования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение Вопросы теории и практики. 2011. №4, ч. 1. С. 72-74.
3. Селезнев П.С. Инновационная политика «незападных» стран в начале XXI столетия: поиск приоритетов модернизации / Финуниверситет, Каф. общей политологии. М.: Финуниверситет, 2013.
4. Мосейко А.Н. Коллективное бессознательное и мифология современных этнических отношений // Современная политическая мифология: содержание и механизмы функционирования / Сост. А.П. Логунов, Т.В. Евгеньева. Рос. гос. гуман. ун-т. М.: РГГУ, 1996. С. 33–51.
5. Евгеньева Т.В. Социально-психологические основы формирования политической мифологии // Современная политическая мифология: содержание и механизмы функционирования / Сост. А.П. Логунов, Т.В. Евгеньева. Рос. гос. гуман. ун-т. М.: РГГУ, 1996. С. 25.

REFERENCES

1. Yung K.G. *Ocherki po psikhologii bessoznatel'nogo* [Essays on the psychology of the unconscious]. Moscow, Kogito-tsentr Publ., 2010.
2. Konstantinova M.A. *Filosofskie osnovy sovremennogo kitayskogo obrazovaniya* [The philosophical foundations of modern Chinese education]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art theory and practice Questions]. 2011, I. 4, Part 1, pp. 72-74.
3. Seleznev P.S. *Innovatsionnaya politika «nezapadnykh» stran v nachale XXI stoletiya: poisk prioriteto modernizatsii* [Innovation policy “No-Western” countries in the beginning of the XXI century: the search for modernization priorities]. Moscow, Finuniversitet Publ., 2013.
4. Moseyko A.N. *Kollektivnoe bessoznatel'noe i mifologiya sovremennykh etnicheskikh otnosheniy* [The collective unconscious and mythology of modern ethnic relations]. *Sovremennaya politicheskaya mifologiya: sodержanie i mekhanizmy funktsionirovaniya* [The modern political mythology: the content and mechanisms of functioning]. Moscow, RGGU Publ., 1996, pp. 33–51.
5. Evgen'eva T.V. *Sotsial'no-psikhologicheskie osnovy formirovaniya politicheskoy mifologii* [Socio-psychological basis of formation of political mythology]. *Sovremennaya politicheskaya mifologiya: sodержanie i mekhanizmy funktsionirovaniya* [The modern political mythology: the content and mechanisms of functioning]. Moscow, RGGU Publ., 1996, p. 25.

МЕТОДИЧЕСКИЙ МАСТЕР-КЛАСС

УДК 378.147

DOI 10.12737/17063

Особенности иноязычного профессионально ориентированного обучения политологов-бакалавров с позиции системного подхода

Дробышева Наталия Николаевна

Канд. филол. наук, доцент кафедры «Иностранные языки-2» Финансового университета при Правительстве РФ

E-mail: nndrobysh@bk.ru

В статье рассматриваются некоторые аспекты, связанные с использованием системного подхода в процессе обучения бакалавров по направлению подготовки «Политология». Представлены особенности иноязычного профессионально ориентированного обучения, включающие психологические, психофизиологические и лингвистические аспекты описываемого процесса. Автор более подробно останавливается на тех конструктах, которые могут способствовать совершенствованию иноязычной подготовки, а именно: учет возрастных особенностей студентов, востребованность в практической направленности процесса изучения иностранного языка и его связь с последующей профессиональной деятельностью, а также возможности, которые открывает полипредметность дисциплины «Иностранный язык». С позиции системного подхода предлагаются некоторые практические рекомендации для успешной реализации целей и задач на занятиях по преподаванию иностранного языка политологам-бакалаврам.

Ключевые слова: обучение иностранному языку, политологическое образование, системный подход.

Features of Professionally Focused Foreign-Language Teaching of Politologists-Bachelors from the System Approach Standpoint

Drobysheva Nataliya Nikolaevna

Ph.D. in Philology, Associate Professor of Foreign Languages-2 Chair, Financial University under the Government of the Russian Federation

E-mail: nndrobysh@bk.ru

Some aspects relating to the system approach application in the teaching of bachelors for "Politology" specialization are considered in this paper. The features of professionally focused foreign-language training, including psychological, psycho-physiological and linguistic aspects of the described process have been presented. The author comments more detailed constructs that can promote the foreign-language training improving, namely: taking into account students' age features, demand in a practical orientation of foreign language learning process and its connection with a following professional activity, as well as opportunities that such multidisciplinary branch of knowledge as "Foreign Language" reveals. Some practical recommendations for successful accomplish of objectives and tasks on foreign language lessons for politologists-bachelors are offered from the system approach standpoint.

Keywords: foreign language teaching, politological education, system approach.

В психолого-педагогической литературе системному подходу уделяется большое внимание. Ученые-теоретики определяют сущность системного подхода исходя из тезиса, что относительно самостоятельные компоненты рассматриваются субъектом не изолированно, а в их взаимосвязи, в развитии и движении. Данный подход позволяет выявить интегративные системные свойства и качественные характеристики, которые отсутствуют в разрозненных элементах, составляющих целостную систему. Исследователи выявляют ключевые аспекты системного подхода — предметный, функциональный и исторический, — которые требуют реализации в совокупности таких принципов исследования, как историзм, конкретность, учет разнообразных связей и развития.

Системный подход в науке — явление не новое. Его основы были заложены в трудах таких ученых, как Л. Берталани, К. Боулдинг, Н. Винер, А.И. Берг. В отечественной педагогике его появление в конце 1960-х гг. было предопределено социокультурными, общенаучными факторами и внутринаучными тенденциями развития процессов в области образования. Основная идея системного подхода в педагогической деятельности заключается в том, что относительно самостоятельные конструкты обучения рассматриваются как систематическая совокупность взаимосвязанных компонентов, в которые входят цели образования, субъекты педагогического процесса, содержание образования, методы, формы, средства педагогического процесса.

Системный подход широко представлен в работах отечественных исследователей А.Н. Аверьянова, И.В. Блауберга, М.С. Кагана, В.Н. Садовского, Э.Г. Юдина, а педагогическая специфика данного подхода отражена в трудах В.П. Беспалько, Ю.А. Коннаржевского и др. Методологическая специфика системного подхода определяется тем, что он ориентирует исследователя на раскрытие целостности объекта, которая обеспечивает механизмы его развития, выявляет многообразие типов связей сложного объекта и сводит их в единую теоретическую картину. Основной задачей педагога-практика при этом становится необходимость учета всех этих взаимосвязей. При этом он должен учитывать следующие важные обстоятельства:

1) выбор позиции в рамках системного подхода, так как существуют принципиальные различия между системой-предметом и системой-процессом;

2) выбор конкретного подхода (подходов) для успешной реализации цели внутри самого системного подхода, так как он имеет значительное число относительно самостоятельных направлений, каждое

из которых решает собственные задачи, — системно-генетический, системно-исторический, системно-структурный, системно-содержательный, системно-функциональный, системно-методический, системно-информационный и др. [1].

Учет данных аспектов представляет трудность в плане реализации принципа единства педагогической теории, эксперимента и практики. Теория, как известно, дает основу для правильных практических решений, но глобальные проблемы, задачи, возникающие в образовательной практике, порождают новые вопросы, требующие фундаментальных исследований. Эксперимент призван проверить правильность теоретических обоснований. Педагогическая практика, по сути, — критерий истинности научных знаний, положений, которые разрабатываются теорией и экспериментом. Именно практика становится источником новых фундаментальных проблем образования, которые требуют выработки новых теорий. Таким образом, мы имеем систему, сравнимую по форме со спиралью Гегеля.

Переходя от общего к частному, следует отметить, что процессу иноязычной профессионально ориентированной подготовки студентов вуза присущ системный характер. Он выражается посредством анализа и учета психологических, психофизиологических и лингвистических аспектов. Современная российская школьная программа зачастую ориентирована на то, чтобы «натаскать» ученика в области различных знаний в целях относительно успешной сдачи ЕГЭ. Она не направлена на подготовку выпускника, способного системно мыслить, видеть причинно-следственные связи, воспринимать целостную картину мира во всем его разнообразии. Поступив в вуз, студент вынужден соответствовать требованиям, которые предъявляет ему система обучения более высокого порядка: усвоение большого объема материала за короткий срок, получение основ специальности, расширение кругозора, который будет востребован в дальнейшем в процессе профессионального роста, участие в мероприятиях научно-исследовательского или технического характера и т.д. О систематизации полученных и вновь приобретенных знаний часто речь не идет: задача-минимум для большинства студентов — сдать сессию, задача-максимум — получить диплом. В вузе дополнительные возможности, ориентированные на актуализацию системного подхода в области образования, часто остаются невостребованными со стороны обучаемых.

Средства, которыми располагает современный вуз, способны расширить рамки изучения гумани-

тарных дисциплин, а ведь именно эти дисциплины могут способствовать объединению разрозненных знаний, показать пути дальнейшего направления движения научной мысли, способствовать расширению границ познания вообще, и в сфере выбранной профессии в частности. Например, Е.В. Яковлев убедительно доказывает, что система — это целостная совокупность элементов, которая характеризуется следующими признаками:

- совокупность элементов и их взаимосвязь;
- функционирование элементов благодаря существованию целого;
- функционирование совокупности не сводимо к функционированию отдельных элементов;
- существование системообразующих факторов, влияющих на обозначенные свойства [2, с. 46].

Возвращаясь к вопросу иноязычной профессионально ориентированной подготовки студентов вуза, еще раз необходимо подчеркнуть, что только системность способна помочь педагогу сначала проанализировать, а затем учитывать различные аспекты данного процесса. Говоря о подготовке специалиста в области политологии, следует отметить, что политолог исследует современную политическую обстановку, сравнивает ее с похожими явлениями в мировой истории, обнаруживая сходства или различия. Такое сравнение помогает ему выявить причинно-следственные связи политических событий с другими сферами жизни. Профессиональные политологи не только дают глубокий анализ ушедших в прошлое политических событий, но и составляют прогноз развития событий. В мире политики разбираются далеко не все, и политолог должен в определенной степени быть неким просветителем, способным донести до остальных слоев населения известную ему информацию.

Как эти специфические моменты профессиональной деятельности могут отразиться на подготовке политологов в вузе? Во-первых, следует отметить необходимость учитывать возрастные особенности студентов. Как правило, возраст поступивших в бакалавриат варьирует от 17 до 20 лет. В этом возрасте есть и силы, и возможности обучаться на дневном отделении, ментальные процессы демонстрируют свою активность как никогда успешно; концентрация внимания, скрупулезность выполнения заданий, способность к самообучению достаточно высока; фонематический слух и лабильность языка в достаточной мере развиты после усвоения (желательно, успешного!) школьной программы и т.д.

Во-вторых, педагогам не обойтись без определения реального уровня подготовки зачисленных в вуз

студентов. Преподавателям известно, что все первокурсники прошли жесткий отбор на основе результатов ЕГЭ при приеме в вуз, где основным критерием успешного зачисления является высокий балл по дисциплине «Обществознание». Если первичный срез знаний по данной дисциплине показал действительно высокий уровень подготовки, то преподаватели иностранного языка не просто могут, а должны использовать этот факт на практике. В процессе иноязычной подготовки иногда проще накладывать на старые (ранее полученные) знания на родном языке новый материал уже на неродном языке. Пропедевтика первого курса в рамках дисциплины «Иностранный язык» предполагает не только перевод запаса сведений из одной языковой системы в другую, но и введение нового пласта знаний (пусть и начального) в области выбранной специальности.

Если преподаватель готов следовать системному подходу на занятиях со студентами, то он знакомит учащихся с новым грамматическим и лексическим материалом, используя схемы, формулы, объясняя различные явления в системе иностранного языка логично и последовательно, используя линейный характер введения учебного материала. Кроме того, одной из зарекомендовавших педагогических технологий, которую многие студенты воспринимают для себя как открытие, может стать умение составлять интеллект-карты на основе разработок, например, Т. Бьюзена [3]. Это облегчает усвоение новых знаний и дает хороший эффект его закрепления и последующего использования на практике.

В-третьих, педагоги должны принять во внимание тот факт, что будущим политологам часто важен не сам процесс изучения иностранного языка (они поступили не в лингвистический вуз), а его «привязка» к последующей профессиональной деятельности. Именно в этом аспекте важно подчеркнуть значимость такого конструкта иноязычного образования, как профессионализация [4, с.171-177]. Чтобы каждый, даже слабо подготовленный в языковом плане студент активно участвовал в иноязычном общении на занятиях, педагог должен уметь создавать ситуации, которые были бы близки к возможным в профессиональной сфере. Студентам, выбравшим профиль подготовки «Политология», важно осознать ценности, перспективность, потенциальную прибыль от знания иностранного языка в их будущей профессиональной деятельности. В связи с этим важным направлением профессиональной подготовки в рамках дисциплины «Деловой иностранный язык» (для студентов второго и третьего года обучения в бакалавриате) остается использование на занятиях различных учебных де-

ловых и ролевых игр [5, с. 2176–2190], подготовка и проведение кейс-стади [6, с. 22–26], применение метода проектов [7, с. 110–115], проведение дебатов, ток-шоу, круглых столов и т.д.

В-четвертых, использование того факта, что сама дисциплина «Иностранный язык» является полипредметной, поскольку в процессе ее изучения педагог имеет возможность привлекать и расширять знания из области любого другого предмета, помогая студенту составить если не целостную картину мира, используя неродной язык как вспомогательное средство, то хотя бы развиваться в этом направлении. При этом преподаватель может успешно решать и еще одну задачу системного подхода в иноязычном образовании — интеграцию всех видов речевой деятельности, а именно чтения, говорения, аудирования, письма и перевода (как одного из подвидов речевых умений, который достаточно востребован в социальной жизни вообще и в политической среде в частности).

Обобщая особенности иноязычного профессионально ориентированного обучения бакалавров — будущих политологов, нужно отметить, что одним из приоритетных педагоги-практики считают системный подход, поскольку он применим к анализу объектов, имеющих множество взаимосвязанных элементов, объединенных общностью функций и

цели, единством управления и функционирования и т.д. При этом важным признаком системных объектов является наличие определенных связей элементов между ними, которые в совокупности с данными элементами образуют целостность системы. Для педагогической практики в системе высшего профессионального образования значимо предложенное В.П. Беспалько представление педагогической системы как совокупности связанных определенным образом компонентов: целей обучения и воспитания, педагогических задач, содержания обучения и воспитания, образовательных процессов, учащихся, учителей, технических средств обучения, форм организации образования, педагогических технологий [8, с. 78].

Древнегреческий философ Антисфен, считавший Сократа своим учителем, говорил: «С политикой следует обращаться как с огнем: не подходить слишком близко, чтобы не обжечься, и не очень удаляться, чтобы не замерзнуть». Политологам приходится сталкиваться с политикой постоянно и очень тесно. Научить их правильному обращению с этим «огнем» — задача не из легких, и системный подход представляется инструментом, при грамотном использовании которого педагоги высшей школы способны найти пути ее решения.

ЛИТЕРАТУРА

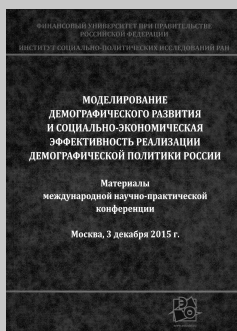
1. Слостенин, В.А. Педагогика. М.: Школа-Пресс, 2009.
2. Яковлев Е.В., Яковлева Н.О. Педагогическая концепция: методологические аспекты построения. М.: ВЛАДОС, 2006.
3. Buzan T. Mind Maps at Work // Thorsons, 2004.
4. Звягинцева Е.П. Совершенствование иноязычной подготовки студентов неязыковых вузов // Мир образования, образование в мире. 2013. №4. С. 171-177.
5. Дробышева Н.Н., Звягинцева Е.П. Учебные деловые игры на уроке английского языка в вузе экономической направленности как средство активизации творческой деятельности студентов в квазипрофессиональной среде // В мире научных открытий. 2014. № 11.6 (59). С. 2176-2190.
6. Ваганова О.Н. Метод кейс-стади как инновационная технология обучения студентов // Актуальные вопросы модернизации российского образования: материалы XIX Международной научно-практической конференции. М., 2014. С. 22-26.
7. Корниенко, А.Н. Содержание профессионально-ориентированного обучения экономистов иностранному языку на основе метода проектов // Вестник алтайской науки. 2014. №2-3 (20-21). С.110-115.
8. Беспалько В.П., Татур Ю.Г. Системно-методическое обеспечение учебно-воспитательного процесса подготовки специалистов. М.: Высшая школа, 1989.

REFERENCES

1. Slastenin V.A. *Pedagogika* [Pedagogy]. Moscow, Shkola-Press Publ., 2009. 512 p.
2. Yakovlev E.V. *Pedagogicheskaya kontseptsiya: metodologicheskie aspekty postroeniya* [Pedagogical concept: methodological aspects of building]. Moscow, VLADOS Publ., 2006. 239 p.
3. Buzan Tony. *Mind Maps at Work*. Thorsons, 2004. 245 p.

4. Zvyagintseva E.P. Sovershenstvovanie inoyazychnoy podgotovki studentov neyazykovykh vuzov [Improving foreign language training of students of not language high schools]. *Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire* [The world of education, education in the world]. 2013, I. 4, pp. 171-177.
5. Drobysheva N.N. Uchebnye delovye igry na uroke angliyskogo yazyka v vuze ekonomicheskoy napravlenosti kak sredstvo aktivizatsii tvorcheskoy deyatel'nosti studentov v kvaziprofessional'noy srede [Educational games business English class in high school economic orientation]. *V mire nauchnykh otkrytiy* [In the world of scientific discovery]. 2014, I. 11.6 (59), pp. 2176-2190.
6. Vaganova, O.N. Metod «case study» kak innovatsionnaya tekhnologiya obucheniya studentov [The method of case studies as an innovative technology education students]. *Aktual'nye voprosy modernizatsii rossiyskogo obrazovaniya: materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Actual problems of modernization of Russian education: Proceedings of the XIX International Scientific and Practical Conference]. Moscow, 2014, pp. 22-26.
7. Kornienko, A.N. Soderzhanie professional'no-orientirovannogo obucheniya ekonomistov inostrannomu yazyku na osnove metoda proektov [The content of vocational training of economists based foreign language on the basis of projects]. *Vestnik altayskoy nauki* [Bulletin of the Altai science]. 2014, I. 2-3 (20-21), pp. 110-115.
8. Bepal'ko, V.P. *Sistemno-metodicheskoe obespechenie uchebno-vospitatel'nogo protsessa podgotovki spetsialistov* [Systemic and methodological support of the educational process of specialists training]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989. 141 p.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Моделирование демографического развития и социально-экономическая эффективность реализации демографической политики России : Материалы международной научно-практической конференции (Москва, 3 декабря 2015 года) / Отв. ред.-сост. чл.-кор. РАН С.В. Рязанцева и д-р социол. наук Е.Е.. Письменная. – М. : Экономическое обозрение, 2015.

ISBN 978-5-7425-0178-7

В сборнике представлены материалы Международной научно-практической конференции «Моделирование демографического развития и социально-экономическая эффективность реализации демографической политики России», проведенной на базе Финансового университета при Правительстве РФ совместно с Центром социальной демографии и экономической социологии Института социально-политических исследований РАН. В конференции приняли участие исследователи из России, Японии, Беларуси.

Авторами дана оценка эффективности реализации мер демографической политики на федеральном и региональном уровнях, а также обозначены новые возможности, социальные резервы и перспективные направления улучшения демографической ситуации в России на среднесрочную перспективу.

Сборник рекомендуется ученым, специалистам-практикам, аспирантам, магистрантам и интересующимся проблемами демографии.

УДК 376.37

DOI 10.12737/17064

Служение педагогике — подвиг (Михаилу Ефимовичу Хватцеву посвящается)

Русинова Юлия Анатольевна

педагог высшей квалификационной категории ГБОУ СОШ №347 Невского района г. Санкт-Петербурга, почетный работник общего образования РФ

E-mail: gum-nauki@yandex.ru

В статье рассматриваются некоторые исторические аспекты развития логопедии в России, связанные с деятельностью выдающегося педагога и ученого М.Е. Хватцева. Автор предполагает, что знакомство с этим опытом позволит более успешно разрешить проблемы, стоящие сегодня перед средним и высшим образованием в России. К их числу относится рост числа речевых нарушений у детей. Это связано как с развитием цифровых технологий, так и с увеличением числа детей мигрантов, слабо владеющих русским языком. Автор настаивает на необходимости развития специальной службы для организации коррекционно-развивающей работы. Одним из образцов для создания системы оказания логопедической помощи автор полагает работу профессора Хватцева и его учеников в 1950 — 1970-х гг.

Ключевые слова: культура речи, вербальные коммуникации, подготовка специалистов в вузах, история логопедии в России, Михаил Ефимович Хватцев (1883–1977).

Service To Pedagogics As The Feat (To Mikhail Efimovich Khvattsev is devoted)

Rusinova Yuliya Anatolievna

Highest Qualification Category Teacher, SBEI SGS No. 347, Nevsky District, St. Petersburg, Honorable Worker of the General Education of the Russian Federation

E-mail: gum-nauki@yandex.ru

Some historical aspects related to logopedia's development in Russia and connected with activity of M.E. Khvattsev — distinguished teacher and scientist are considered in this paper. The author assumes that acquaintance to this experience will allow resolve more successfully the problems facing today secondary and higher education in Russia. Growth of children's articulation disorders number belongs to these problems range. This growth connected both with digital technologies development, and with increase in number of migrants children who are poorly speak Russian. The author insists on the need of development of special service for the correctional and developing work organization. The author suggests the work of professor Khvattsev and his pupils in 1950 — 1970s as one of examples for logopedic treatment system creation.

Keywords: speech culture, verbal communications, training of specialists in higher education institutions, logopedia's history in Russia, Mikhail Efimovich Khvattsev (1883–1977).

«Не начинай обучать того,
кто не подготовлен к обучению»
Ян Амос Коменский

Современные условия работы высшей школы, реализация ФГОС третьего поколения, разработка и внедрение профессиональных стандартов

и т.д. ставят перед вузами задачу перейти на качественно новый уровень работы. Но одними технологическими новшествами — внедрением разнообразных гаджетов и применением связанных с ними новых методик преподавания — эту задачу не решить. Более того, наметились тенденции, способные привести к потере существующего уровня. Не секрет,

что в настоящее время обучающиеся приходят с каждым годом со все более слабым здоровьем, и это необходимо учитывать в учебном процессе. Кроме того, нестабильная политическая и финансовая обстановка приводит к притоку детей мигрантов, которые, как правило, слабо владеют русским языком. В результате возникает необходимость экспресс-диагностики для определения уровня речевого развития как школьников, так и студентов, программ коррекционно-развивающей работы. Иными словами, прежде, чем задуматься о том, как вузу выпускать специалиста в той или иной области знаний, приходится решать проблему как научить обучающегося умению грамотно излагать свои мысли. Возможно, пришло время предусмотреть в вузах, независимо от их профиля, специальную службу сопровождения, включающую специалиста-логопеда.

В этом свете представляется бесценным отечественный опыт [1, 2], и в первую очередь деятельность незаурядного ученого и педагога Михаила Ефимовича Хватцева [3, 4]. Вся его научная жизнь была связана с Ленинградским государственным педагогическим институтом имени А.И. Герцена (ныне РГПИ им. А.И. Герцена). В институте в 1932–1935 гг. работала кафедра физиологии, патофизиологии речи, логотерапии и логопедии. В связи с реорганизацией кафедры из ее состава было выделено медицинское (лечебное) направление, которое возглавил С.М. Доброгаев, и воссоздано педагогическое направление.

В 1935 г. старшего научного сотрудника М.Е. Хватцева пригласили на должность доцента, а в 1936 г. ему предложили возглавить кафедру сурдопедагогики и логопедии. Главным в работе молодого руководителя стало укрепление кафедры научно-педагогическими кадрами. На кафедру пригласили доцентов А.М. Кузьмина и М.Л. Шкловского. В 1939 г. коллектив кафедры пополнился такими опытными специалистами, как М.Е. Гейльман, В.К. Орфинская и др.

Сразу после снятия блокады и успехов наших войск на Ленинградском фронте, еще до окончания Великой Отечественной войны, началось восстановление научно-педагогической деятельности дефектологического факультета и кафедры. Составлялись новые программы по всем дисциплинам учебного плана (М.Е. Хватцев впервые в России разработал вузовские учебные планы и программы по подготовке логопедов и дефектологов), создавались заново методические и наглядные пособия, учебная и научная литература. В 1947–1948 гг. кафедра вновь разделена на две самостоятельные кафедры: сурдопедагогики и тифлопедагогики. Заве-

дующим кафедрой сурдопедагогики назначен М.Е. Хватцев. Выполняя указания Министерства просвещения, он установил тесные связи со специальными школами. Кафедра вновь укрепляется высококлассными специалистами, такими как доцент М.А. Томилова, ассистент З.М. Ежова, сурдопедагог И.Н. Борисова, врач-отоларинголог Ю.Б. Эпштейн, преподаватель-методист Б.Н. Мельников, преподаватель Л.С. Двоглазова (Волкова), ассистенты О.Н. Поляхина и О.М. Потапова. Это способствует повышению качества учебного процесса и активизации научной работы на кафедре.

Уделяя значительное внимание не только подготовке научно-педагогических кадров, но и процессу практического применения теории на практике, профессор Хватцев добился расширения практической базы. В 1949 г. было создано методическое объединение, которое он возглавлял многие годы.

Если в 1950-х гг. в Ленинграде имелось не больше 6 логопедических пунктов на весь город, то в 1965 г. их насчитывалось 26. Благодаря настойчивой деятельности М.Е. Хватцева и его единомышленников, в 1980-х гг. уже в каждом районе города их было открыто более десяти. На них проходили практику студенты из РГПУ (ЛГПИ) им. А.И. Герцена и ЛГОУ им. А.С. Пушкина.

В 1950-х гг. значительно возросло количество специальных школ не только в Ленинграде, но и по всей стране. Это потребовало увеличения приема студентов на первый курс до 150 человек, что автоматически вызвало определенные трудности в работе кафедры, обеспечивающей учебный процесс. Удвоилось количество лекционных потоков, учебных групп, повысились требования к подаче материала (применение экрана, наглядных пособий большого размера и т.п.). Это повлекло за собой необходимость привлечения новых высококвалифицированных кадров. Их приходилось не только искать на стороне, но и самостоятельно готовить из своих сотрудников. В рамках НИР преподаватели кафедры стали проводить исследования, разрабатывать учебно-методические пособия для студентов и будущих учителей специальных школ, готовить кандидатские и докторские диссертации. Однако в столь идеологизированной области, как педагогика, свободно вести научную работу было сложно. В 1948 г. М.Е. Хватцев на ученом совете МГПИ им. В.И. Ленина защитил докторскую диссертацию, однако ВАК не утвердил научное исследование. Эта ситуация разрешилась только в 1964 г., когда докторская диссертация была защищена в форме учебного пособия «Логопедия». Этот фундаментальный труд [5], ставший основным

источником знаний для многих поколений педагогов, заслуживает особого внимания: ведь это первый в России научно обоснованный учебник по логопедии.

Отличительной чертой ученого было то, что он умел увидеть молодую талантливую молодежь, раскрыть их педагогический и научный потенциал, направить их работу на проведение перспективных конкретных экспериментальных исследований. Например, в 1955 г. преподаватель кафедры Е.И. Андреева, под научным руководством Хватцева, успешно защитила кандидатскую диссертацию, аспирант кафедры А.Н. Кожин успешно завершил свое диссертационное исследование. Хватцев не только успевал заниматься научной деятельностью с преподавателями и аспирантами, но и руководил студенческим научным обществом, где наиболее одаренных поддерживал в их стремлении заниматься наукой. Например, студент Валерий Анатольевич Ковшиков по совету Хватцева стал ученым, внес значительный вклад в логопедическую науку и практику.

Сформировалась научная школа профессора Хватцева. Конкретные результаты научно-теоретических и экспериментальных исследований нашли отражение в многочисленных публикациях. Педагогический состав кафедры стал чаще выступать на научных конференциях с докладами, на совещаниях методического объединения и курсах повышения квалификации, писать и рецензировать научные статьи. Здесь необходимо сказать, что Михаил Ефимович написал ряд книг и статей специально для родителей, воспитателей детских садов и самих страдающих нарушениями речи подростков и взрослых.

Михаил Ефимович не только требовал постоянного совершенствования профессионального мастерства от каждого члена кафедры, но и сам совершенствовался, используя в своей работе лучшие достижения мировой и отечественной педагогической науки. В частности, он опирался на такие методы обучения, как метод Безольда-Кройса, аналитико-синтетические методы К. Малиша и Н.А. Рау, «киношрифтный метод» И.А. Васильева. Как дополнение к устному методу, активно использовал маноральную (устно-ручную) систему Г. Форхгаммера. Хватцев владел несколькими иностранными языками, и со многими коллегами во всем мире поддерживал переписку, будучи в курсе всех научных новостей.

Для кафедры, руководимой профессором М.Е. Хватцевым, особенно тяжелыми стал 1956/1957 учебный год, когда пришлось разрабатывать новый учебный план, предусматривавший подготовку специалистов широкого профиля. В соответствии с этим планом

изменилось чтение курсов общей и специальной педагогики, вновь введены изъятые ранее курсы специальных методик географии, истории и естествознания, усилена самостоятельная работа студентов. Пришлось переделывать все учебные программы, а по новым, вновь введенным дисциплинам — составлять новые.

После проведенной значительной организаторской работы в 1960 г. М.Е. Хватцев ушел с должности заведующего кафедрой по состоянию здоровья, но остался в коллективе на должности профессора и продолжал активно трудиться до 1968 г. Именно последние годы его работы стали наиболее плодотворными. Он подготовил целую плеяду ученых и педагогов, таких как М.И. Никитина, Л.Г. Парамонова, Л.М. Быкова и др., ставших гордостью отечественной педагогической науки.

Традиции и идеи, заложенные профессором Хватцевым, продолжили наставники педагогической науки — Л.Я. Гадасина, В.П. Малинская, А.А. Русина, Т.А. Трубникова, Н.А. Соколова, И.Г. Шмелева и многие другие.

Многие ленинградские педагоги были награждены орденами и медалями. Первым учителем-логопедом Ленинграда, единственным в Советском Союзе награжденным орденом Ленина и орденом «Знак почета», стала Мария Ивановна Подшивалова (1887 г.р.). Под руководством Хватцева она написала книгу по практической работе педагога. Ее дочь и внучка продолжили традиции бабушки.

В настоящее время действует инновационный «Совет логопедов», возродилась работа «Школы молодого логопеда». Благодаря инициативе опытных педагогов И.Г. Шмелевой, Л.Я. Гадасиной был организован многоэтапный проект, посвященный 50-летию со дня основания профессором Хватцевым логопедических пунктов в Ленинграде. Этот проект активно поддержала кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой специальной педагогики СПб АППО Н.Н. Яковлева. Проведена значительная работа по обобщению и распространению опыта работы школьных логопедических пунктов, специальных школ и логопедической службы города Санкт-Петербурга. Подводя некоторые итоги 65-летней работы, педагоги и ученые пришли к выводу, что в практике обучения детей в школах и вузах необходимо объединение усилий самого обучающегося, его родителей и педагогов образовательного учреждения. А это одно из основных положений Михаила Ефимовича Хватцева, чье научное наследие может стать опорой при решении актуальных современных проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Возьмемся за руки, друзья! Сборник учебно-методических материалов общего и специального образования. Выпуск 2 // Под редакцией Ю.А. Русиновой. СПб., 2013.
2. Юбилейный сборник исторических и учебно-методических материалов в области специального образования // Под общ. редакцией Ю.А. Русиновой. СПб., 2014.
3. Хватцев М.Е.: к 100-летию со дня рождения // Дефектология. 1984. № 1. С. 89.
4. Селиверстов В.И. История логопедии: Медико-педагогические основы: Учебное пособие для вузов. Московский открытый социальный университет. Москва: Академический Проект, 2004.
5. Хватцев М.Е. Логопедия: Книга для высших педагогических учебных заведений: В 2 кн.; Под науч. ред. Р.И. Лалаевой и С.Н. Шаховской. М.: Владос, 2010.

REFERENCES

1. *Voz'memsa za ruki, druz'ya! Sbornik uchebno-metodicheskikh materialov obshchego i spetsial'nogo obrazovaniya* [Hold hands, friends! Collection of educational materials, educational and training]. I. 2. St. Petersburg, 2013.
2. *Yubileynyy sbornik istoricheskikh i uchebno-metodicheskikh materialov v oblasti spetsial'nogo obrazovaniya* [Jubilee collection of historical and educational materials in the field of special education]. St. Petersburg, 2014.
3. Khvattsev M.E. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya [Khvattsev: the 100th anniversary of his birth]. *Defektologiya* [Defectology], 1984, № 1, pp. 89.
4. Seliverstov V.I. *Istoriya logopedii: Mediko-pedagogicheskie osnovy: Uchebnoe posobie dlya vuzov* [History of speech therapy. Medical-pedagogical bases. Textbook for high schools]. Moscow, Akademicheskiy Proekt Publ., 2004.
5. Khvattsev M.E. *Logopediya: Kniga dlya vysshikh pedagogicheskikh uchebnykh zavedeniy: V 2 kn.* [Speech therapy: A book for higher educational establishments]. Moscow, Vlados Publ., 2010.

Содержание журнала «Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета» за 2015 г.

№ 1.

ФИЛОСОФИЯ

Иоселиани А.Д.

Нравственное и духовное развитие личности в глобальном обществе.

Скибицкий М.М.

Глобализация и задачи обновления духовных ценностей российского общества.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Симонов К.В., Петросянц Д.В., Васильева Е.Ю.

Перспективы инвестиций в российский топливно-энергетический комплекс: политические риски.

ИСТОРИЯ

Голичев В.Д., Попова В.В. А.И.

Васильев – первый министр финансов России.

Лаптева Е.В.

Советская экономическая модель и Косыгинская реформа 1965 г. в оценке западной советологии.

СОЦИОЛОГИЯ

Родионова М.Е.

Методы измерения бедности в зарубежных странах и России: сравнительный анализ.

Докторов Б.З.

Все мы вышли из «Грушинской шинели».

ПСИХОЛОГИЯ

Лебедев А.Н., Гордякова О.В.

Взаимосвязь индивидуальных характеристик личности со способностью прогнозировать изменения социальных объектов.

Мужичкова Ю.Е.

Зависимость факторов личной социальной ответственности от личностных характеристик.

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Федосеева Т.В.

Предметно-схемное представление иноязычного текста как способ развития мышления.

Гаврилова Ю.В.

Особенности развития структурализма в Великобритании конца XX в.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Кишлакова Н.М., Музашвили Д.З.

Современное осмысление истории русской философии.

№ 2.

ТЕМА НОМЕРА: «РОССИЯ И ЗАПАД: ОТНОШЕНИЯ В ПОСТКРЫМСКИЙ ПЕРИОД»

Шатилов А.Б.

«Крымский консенсус» российской элиты: причины и последствия.

Костяев С.С.

Имидж России в США: анализ эндогенных и экзогенных факторов.

Махмутова Е.В.

Политико-экономический разворот России на Восток: pro et contra.

ГУМАНИТАРНАЯ ТЕОРИЯ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ПОИСКЕ

Блинов А.О.

Ренессанс промышленной политики как условие обеспечения национальной безопасности России.

Савченко Е.О.

Современное состояние Болонской системы: российская и зарубежная источниковая база.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Плотникова О.А.

История одного мифа. Легенда династии Рюриковичей.

Пачкалов А.В.

Династии еврейских финансистов в Лондоне в XVII–XX вв.

Докторов Б.З.

Все мы вышли из «Грушинской шинели» (окончание).

ЭКСПЕРТНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Лукьянов Ф.А.

Усталость в мире от американского доминирования очевидна.

ПЕРВОИСТОЧНИК: НАУЧНЫЙ КОММЕНТАРИЙ

Салин П.Б.

Договоренности, которых не было (Минск-1 и Минск-2).

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Косова Д.А.

Шоковая реклама в коммерческой сфере: российский и зарубежный опыт.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОЧИТАННОМ

Просеков С.А.

Необходимость выбора (Рецензия на книгу Д. Кьеца «Что вместо катастрофы?»).

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ХРОНИКА И АНОНСЫ

Алексеев С.В.

Исторические знания современной российской молодежи.

№ 3.

ТЕМА НОМЕРА: «СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОБРАЗОВАНИИ И НАУКЕ»

Ястремский А.М.

Отстоим нашу Победу: борьба с фальсификацией истории Великой Отечественной войны в современной России.

Ерохина О.В.

Инклюзивное образование в России: в начале трудного пути.

Харченко М.Г.

Преимственность в обучении иностранному языку в системе «школа — вуз — работа».

ГУМАНИТАРНАЯ ТЕОРИЯ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ПОИСКЕ

Чепель С.Л.

Консолидация «новых демократий» в условиях глобализации: проблемы и перспективы.

Кулинченко А.В.

Лидерство и управление обществом. Сущность и значение социального управления.

Кишлакова Н.М.

Идеология толерантности как субстанциальная основа бытия России в глобальном мире

АКТУАЛЬНЫЕ ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Каптарь Д.Л.

«Хлебный бунт» в феврале 1917 года как прообраз «цветной революции».

Кафтан В.В.

Постмодернистские основания репрезентации современной войны.

ЭКСПЕРТНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Федоров В.В.

Антироссийские санкции: угрозы и возможности.
СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Дронова С.Ю.

Национальное самоопределение Каталонии: за и против.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОЧИТАННОМ

Пляйс Я.А.

По логике проблемного подхода (рецензия на хрестоматию в трех томах «Современная наука о международных отношениях за рубежом»).

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ХРОНИКА И АНОНСЫ

Полевая М.В.

Современный преподаватель: взгляд на студентов и методики преподавания в вузе.

№ 4.

ТЕМА НОМЕРА: «МОДЕРНИЗАЦИЯ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ»

Симонов К.В., Петросянц Д.В.

Социально-политические проблемы общественного согласия при формировании регионального инновационного кластера.

Селезнев П.С.

Элиты как инициаторы инноваций в современном мире (на примере Российской Федерации).

Салин П.Б., Осинина Д.Д.

Советский опыт мобилизационного развития: политологический анализ.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Зубец А.Н.

Знаковые блага и экономический рост.

Мужичкова Ю.Е.

Психология обыденных представлений о долгах и кредитах.

Юшков И.В., Костяев С.С.

Особенности интеграции и адаптации Крыма в российскую социально-политическую систему.

ГУМАНИТАРНАЯ ТЕОРИЯ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ПОИСКЕ

Ильинский А.И.

Теория политических деловых циклов и манипуляционная монетарная политика.

Замараева Е.И.

Современная культурная политика России в контексте евразийских идей.

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Титова О.А.

Применение теории катастроф в рамках новой парадигмы менеджмента.

Зебелева А.В.

Мифологический фактор в политико-экономическом проекте инновационной модернизации Китая.

МЕТОДИЧЕСКИЙ МАСТЕР-КЛАСС

Дробышева Н.Н.

Особенности иноязычного профессионально ориентированного обучения политологов-бакалавров с позиции системного подхода.

Русинова Ю.А.

Служение педагогике – подвиг.
(Михаилу Ефимовичу Хватцеву посвящается)